

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПЕРЕВОДА

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сборник материалов
III Всероссийской (национальной)
научной конференции с международным участием

Санкт-Петербург
28–29 октября 2024 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2024

ББК 81
ГРНТИ 16.41.21
Я41

Я41   Язык и культура в эпоху глобализации : сборник материалов
III Всероссийской (национальной) научной конференции с между-
народным участием. Санкт-Петербург, 28–29 октября 2024 г. — СПб. :
Изд-во СПбГЭУ, 2024. — 308 с. — EDN : EQKELX.

ISBN 978-5-7310-6528-3

Сборник включает материалы III Всероссийской научной конфе-
ренции «Язык и культура в эпоху глобализации» и посвящен широкому
спектру вопросов теории текста и дискурса, лингвокультурологии, тео-
рии перевода и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника могут представлять интерес для специали-
стов в области языкознания, студентов, магистрантов, аспирантов,
а также быть использованы при разработке учебных программ фило-
логических факультетов.

ББК 81
ГРНТИ 16.41.21

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, проф. **И.В. Кононова**
доктор филол. наук, проф. **Е.А. Нильсен**
канд. филол. наук **Д.Е. Гунькова**
канд. филол. наук **Л.В. Федорова**

Рецензенты:

доктор филологических наук, проф. **Л.А. Кочетова**
доктор филологических наук, проф. **А.Д. Кривонос**

ISBN 978-5-7310-6528-3

© СПбГЭУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
------------------	---

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: QUOD VIVIMUS

<i>Клепикова Т. А.</i> Эпистемическая бдительность как регулятор когнитивных искажений: язык мой — враг мой?.....	9
<i>Сулейманова О. А., Водяницкая А. А.</i> Когнитивно-семантические аспекты языковых единиц как основа дискурсивного анализа: семантическая эволюция и семантические константы.....	13
<i>Троценкова Е. В.</i> Коммуникативная координация блогера и аудитории при формировании нового интернет жанра новостей-пранков.....	16
<i>Уразаева К. Б.</i> Иллокутивное и перлокутивное воздействие в поэзии жырау....	21
<i>Чемодурова З. М.</i> Адресованность транслингвальной художественной литературы.....	26
<i>Шумков А. А.</i> Динамика языковых процессов в Брюсселе первой четверти XXI века.....	32

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ, КОММУНИКАТИВНЫЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

<i>Абреу-Фаллюк В. Р.</i> Научный и политический диалог: к вопросу о категориях устного институционального диалогического дискурса.....	41
<i>Балашова Е. Ю.</i> Основные принципы жанровой разметки текстов в современных электронных корпусах.....	46
<i>Баранова О. И., Воскресенская И. Н.</i> Лингвокультурологический аспект формирования дискурса.....	49
<i>Гирко В. А.</i> Директивные речевые акты в дискурсе здорового образа жизни.....	53
<i>Дашевская А. И.</i> Отражение языка вражды (hate speech) в дискурсе социальной сети X, посвященном палестино-израильскому конфликту.....	59
<i>Ефимова А. Д.</i> Осмысление тьюторства как феномена педагогического дискурса в русскоязычных СМИ.....	64

Киселева С. В., Полякова С. Е. Концепт «безразличие» в русскоязычном политическом медиадискурсе	69
Кононова И. В., Мельничук Т. А. Прагматика адресантности дискурса американского предвыборного президентского видеоролика в динамическом аспекте.....	72
Мельничук О. А., Алексеева В. Ф. Электронные открытки мотиваторы как жанр виртуального дискурса.....	78
Миронова М. Ю. Языковая объективация оценки научного знания: корпусный подход.....	83
Мурашова Е. А. Перспективы системного лингвопрагматического описания речевых средств поля персональности.....	87
Науменко Ю. Н. Заголовки обзорных медицинских статей на английском и русском языках: семантические особенности синтаксических средств.....	91
Палехова О. В. Прецедентные феномены в немецких массмедиа.....	94
Петухова Т. И. Поликодовость автопортрета: роль вербального компонента в трансляции смысла	98
Раева Н. В. Палестино-израильский конфликт (2023): репрезентация сторон в немецкоязычных СМИ	102
Рамантова О. В, Степанова Н. В. Когнитивно-прагматические особенности англоязычного дискурса неравенства (корпусный анализ).....	106
Силантьева В. Г. Влияние художественного нарратива на дискурсы малых интернет сообществ.....	111
Соколова А. В. Коммуникативный потенциал лингвистического хеджирования в академическом дискурсе	116
Соколова Н. Ю. Языковые способы создания образа П.И. Чайковского англоговорящим профессиональным сообществом.....	120
Сороколетова Н. Ю. Функционально-семантическая категория побудительности в компьютерно-игровом дискурсе.....	125
Стеблецова А. О. Деловая коммуникация в мессенджерах: прагматика побуждения.....	128

Теплыгина И. М. Вступительное собеседование как жанр англоязычного академического дискурса	132
Торубарова И. И. Лингвокультурные особенности английских текстов дискурса медицинского просвещения.....	136
Трофимова Н. А. Ольфакторная репрезентация миграционного дискурса (на материале немецкоязычных СМИ).....	141
Устинович В. В. К вопросу о просодической актуализации коммуникативной структуры французских устных высказываний с оборотами <i>cest/ce sont, il y a ..</i>	145

СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Алексеева Т. С. Репрезентация концепта DIVERSITY в американском политическом дискурсе периода основания США.....	151
Банкова Л. Л. Концептуализация числа: вопросы структурирования и методологии	156
Виноградова С. А. О термине «пластичность семантики»	159
Воложанина Т. С., Барачевская А. А. Word of the Year 2023: слова года как маркеры актуальных социокультурных явлений.....	164
Грошкова И. А. К вопросу о структуре концепта GLORY	170
Гультяева Г. С. Типология китайских идиоматических выражений типа <i>чэньюй</i> торгово-экономической тематики	174
Казачкова Ю. А. Языковая репрезентация концепта DEATH в романе Дэниела Мейсона «The Winter Soldier»	177
Пруцких Т. А., Пруцких А. А. Концепт «путешествие» в китайской лингвокультуре	181
Родин В. А. Выявление метафорических моделей англоязычных терминов строительной техники категории «Навесное оборудование гидравлического экскаватора».....	187
Shishmareva T. Ye., Dyundik Yu. B. Corpus-driven grammatology of Chinese writing: problem statement	192

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Азкенова Ж. К. «Воображаемый мир» (Mundus Imaginalis) и конструирование казахской идентичности в поэзии жырау	196
Ананьина М. А. Когнитивные основания актуализации аллюзивного концепта в художественном тексте	199
Байтурина У. К. Структура сюжета и иллюкутивное воздействие в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание»	204
Идрисова Э. Т. «Запоминание» и «воспоминание» как проявления культурной памяти в поэзии Жиёмбета жырау	209
Кудрявцева А. А. Репрезентация когнитивной модели НАРЦИССИЗМ в пьесе О. Уайльда «The Importance of Being Earnest»	213
Разумовская В. А., Бояркина А. В. Литературные источники в полимодальных текстах: трансформации исторического материала в музыкальных драмах Рихарда Вагнера	219
Тимралиева Ю. Г., Федоров Н. А. Особенности индивидуального стиля и стратегии перевода лирики Георга Тракля	223
Шипова И. А. О некоторых лингвостилистических особенностях литературы нон-фикшн (на примере книги Ф. Иллиеса «1913 лето целого века»)	227
Яковлева Е. А., Недбайлик С. Р., Соколов А. А. К вопросу о функциональности метафоры (на материале современного немецкого языка)	233

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Жумабекова А. К. Стратегии оценки качества перевода в учебной сфере	237
Искакбаева А. А. Роль когнитивно-прагматических факторов при переводе терминов в научном переводе	241
Малеева Н. М., Жирова Е. В. Эволюция переводческих стратегий при передаче реалий в повести Э.Т.А. Гофмана „Klein Zaches, genannt Zinnober“	246
Морозова Л. П., Буландо А. В. Просодическая вариативность французского высказывания как переводческая проблема	252

Нильсен Е. А., Машкова Е. Р. К проблематике перевода компьютерных игр как произведений интерактивной литературы	257
Осокина Н. Ю. О переводе случаев интенционального семантического сдвига	260
Разумовская В. А. Перевод астафьевского текста как «встреча» художественного, филологического и этноперевода	264
Трофимова Н. А., Коваленко Д. Д. Сохранение авторской тональности как инструмент оценки качества перевода	270
Шамилов Р. М. Определение «бескачественного» перевода: миссия невыполнима?	277

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Броневич Т. А. Три вершины треугольника межотраслевой программы подготовки	281
Гуль Н. В., Новикова Е. Н. Использование аутентичных видеоматериалов YouTube в обучении немецкому языку в вузе	286
Дектерев С. Б. Приемы дистанционного обучения иностранным языкам в онлайн формате	290
Завалина Д. И. Значимость социокультурной компетенции при обучении английскому языку как языку международного общения	294
Сахарова Е. С., Кремнёв Е. В. Проблемы и возможности применения учебников коммуникативной направленности при реализации комплексного подхода в обучении китайскому языку на базовом уровне (на примере «Boya Chinese»).....	299
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	304

ПРЕДИСЛОВИЕ

28–29 октября 2024 г. на Гуманитарном факультете СПбГЭУ прошла III Всероссийская (национальная) научная конференция с международным участием «Язык и культура в эпоху глобализации». В очередной раз СПбГЭУ стал национальной площадкой для обсуждения ключевых проблем лингвистики и лингводидактики. В конференции приняли участие российские учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Воронежа, Иркутска, Екатеринбургa, Красноярска, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Якутска, Мурманска, Таганрога и других городов Российской Федерации, а также зарубежные коллеги из Казахстана (г. Астана, г. Алматы, г. Актобе) и Беларуси (г. Минск). Участники конференции представляли 25 университетов.

Магистральные направления работы конференции были заданы пленарными докладами *Т.А. Клепиковой* (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург), *О.А. Сулеймановой* и *А.А. Водяницкой* (Московский городской педагогический университет, г. Москва), *Е.В. Троценковой* (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург), *З.М. Чемодуровой* (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург), *К.Б. Уразаевой* (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан, г. Астана), *А.А. Шумкова* (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург).

Участники конференции представили **65 докладов** в рамках пленарного заседания и пяти секций: 1. Лингвокультурные, семиотические и коммуникативные аспекты дискурсивных практик; 2. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации; 3. Семантика языковых единиц в лингвокогнитивном и лингвокультурном освещении; 4. Художественный текст как лингвокультурный и коммуникативный феномен; 5. Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков.

В материалах конференции поднимается широкий спектр проблем, касающихся разработки комплексных междисциплинарных подходов к изучению языка и речи; рассматриваются актуальные вопросы дискурсологии, жанроведения, теории коммуникации, лингвоконцептологии, переводоведения и межкультурной коммуникации; освещаются проблемы современной лингводидактики.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: QUOD VIVIMUS

УДК 81'42+811.111

Клепикова Татьяна Альбертовна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, tklepikova@gmail.com,

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ КАК РЕГУЛЯТОР КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ: ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ?

Представление о языке как системе, репрезентирующей в семиотическом формате результаты познания окружающей действительности, требует уточнения с точки зрения природы результатов данной когнитивной деятельности, к которым следует отнести и так называемые когнитивные искажения. Доклад посвящен особенностям отражения в языке когнитивных ошибок и эпистемической бдительности как механизму фильтрации данных ошибок.

Ключевые слова: эпистемическая бдительность, когнитивные искажения, фразеоматика, метакогниция.

Понятие (и соответствующий термин) «когнитивные искажения», предложенное Д. Каннеманом и А. Тверски в рамках исследований природы принятия решений в 70-е годы 20 века [2], в силу своей экспланаторности оказалось востребованным в научно-исследовательской практике в рамках целого ряда дисциплин — экономики, маркетинга, психологии восприятия, поведенческой психологии, этнопсихологии, лингвистики и многих других. Классический подход к пониманию природы умозаключений постулирует, что люди мыслят логично, и на этом основании принимают решения, все алогичные/нелогичные выводы есть результат воздействия эмоций на нашу способность рационально мыслить. Согласно не-классическому подходу, людям свойственно принимать нелогичные решения в силу особенностей человеческого мышления, для которого характерны систематические ошибки, которые возникают на основе дисфункциональных убеждений, внедренных в когнитивные схемы (ментальные модели) [9]. Данные шаблонные отклонения предсказуемы, возникают в определенных

обстоятельствах и являются примером эволюционно сложившегося ментального поведения, поскольку выполняют адаптивную функцию, способствуя более эффективным действиям или более быстрым решениям. В то же время они могут происходить и из-за отсутствия навыков критического мышления или применения навыков, которые некогда были адаптивными, но в иных условиях.

Научно-исследовательский и практический интерес лингвистов и специалистов в области коммуникаций в отношении когнитивных искажений можно сформулировать в виде следующих вопросов:

1. Учитывая, что язык в силу своей когнитивной функции объективирует в вербальной форме результаты познания нами действительности, а наше восприятие действительности и интерпретация воспринятого подвержены искажениям в силу действия определенных шаблонов, какие из языков форматов имеют тенденцию фиксировать данного рода когнитивные искажения?

2. Какие из когнитивных искажений реализуются в дискурсе, и в каких случаях внедрение когнитивных искажений квалифицируется как намеренное и как не-намеренное (то есть естественное для человеческой логики восприятия)? Если внедрение или коммуникативная эксплуатация когнитивных искажений является намеренными, то в каких случаях последствия (перлокутивный эффект?) являются позитивными для коммуникантов, а в каких — негативными?

3. Существуют ли техники преодоления когнитивных искажений, какие из метакогнитивных форматов специализируются на вскрытии когнитивных искажений и преодолении возможных негативных последствий?

В настоящем докладе представлены краткие тезисы о взаимосвязи языковых форматов репрезентации действительности и когнитивных искажений, оказывающих определенное влияние на данные репрезентации в силу ряда естественной для человека интерпретационной природе ментальных моделей действительности. Кроме того, предлагается обратиться к метакогнитивному/метаязыковому механизму эпистемической бдительности, который является своего рода фильтром и регулятором когнитивных искажений [5].

Прежде всего, обратимся к языковым форматам, обладающих, помимо системы сложноструктурированных эксплицитных и имплицитных смыслов, свойственных любому естественному языковому высказыванию, определенными характеристиками, позволяющими им

в сжатой форме фиксировать результаты когнитивной деятельности, образуя своего рода репертуар стереотипных представлений о человеке, его поведении, восприятии, понимании окружающего и т. д. Это фразеоматические и близкие к ним выражения — мемы, псевдо-прецедентные высказывания, цитаты, любые иные метареферентивные форматы представления знаний, функцией которых является фиксация и передача совокупного этнопсихологического, социокультурного опыта и — именно в силу их накопительно-познавательной функции — обладающим мощным потенциалом оказывать манипулятивное воздействие на человека [1,7,8], например: *где родился, там и пригодился; все к лучшему, нет дыма без огня, все, что меня не убивает, делает меня сильнее; то ли он украл, то ли у него украли, в споре рождается истина, я художник — я так вижу, вся жизнь впереди — надейся и жди.*

Некоторые из высказываний такого рода оказываются удачным способом фиксировать целый ряд когнитивных искажений. Приведем следующие примеры, сопоставляя языковое выражение и соответствующую модель когнитивного искажения:

1. *Отклонение в сторону результата* — тенденция судить о решениях по их окончательным результатам: *Победителей не судят.*

2. *Потребность в завершении* — потребность достигнуть завершения в важном вопросе, получить ответ и избежать чувства сомнений и неуверенности: *Finis coronat opus, Кончил дело — гуляй смело, Подписано — и с плеч долой.*

3. *Эффект знания задним числом* — склонность воспринимать прошлые события предсказуемыми: *Я так и знал, что так будет; Ну, что я говорил! А ведь я говорила...*

Одним из наиболее близких природе языка и естественной языковой коммуникации когнитивных искажений является так называемое *селективное восприятие*. Под селективным восприятием понимается некоторое ожидание, установки, этнопсихологические/коллективные интерпретационные концепции, предопределяющие наше понимание окружающего, текущей ситуации, причинно-следственных связей и всего, что связано с нашим пребыванием и функционированием в мире. Селективность восприятие предопределяет, собственно говоря, ключевую функцию языка — интерпретационную [3]. Соответственно, когнитивная природа искажений оказывается тесно связанной с субъективной природой, лабильностью интерпретации значения языковых выражений. Представление о языке, языковых выражениях,

речевых продуктах как знаковых аналогах внешнего по отношению к языку мира изначально несет определенные риски смешения мира и его описания, мира и его знакового аналога, что далее может привести к подмене мира его описанием. Однако язык описывает не мир, а наше восприятие мира, описание мира и — далее — понимание описаний носит интерпретационный характер, поскольку факт принадлежит языку, а не миру, фактов, по сути, нет, но есть интерпретация положения дел в мире, представленная в формате языкового высказывания.

Ключевым механизмом, регистрирующим, фильтрующим и регулирующим подобного рода искажения, предопределенные как когнитивно, так и семиотически, является эпистемическая бдительность, критическое мышление, набор когнитивных диагностических механизмов «защиты» как от недобросовестного использования информации в процессе коммуникации, так и возможных когнитивных искажений при интерпретации [5].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. — М., 2022.
2. *Бобрива Л. А.* Когнитивные искажения. (Обзор) // Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. — 2021. — № 2. — С. 69–79. — DOI 10.31249/phil/2021.02.04. — EDN ABZITH.
3. *Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 33 (248). Филология. Искусствоведение. — Вып. 60. — С. 11–16. — EDN OZMWHT.
4. *Ирисханова О. К.* Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. — 2018. — № — 32. С. 334–344. — EDN ХОТАРН.
5. *Клепикова Т. А., Толмачева И. Н.* Интерпретационные механизмы эпистемической бдительности: вторичная репрезентация языковых структур. — Тамбов: Издательство Першина Р. В., 2020. — 160 с. — ISBN 978-5-91253-770-7. — EDN ВТНЕА.
6. *Кожаринов А. С., Кириченко Ю. А., Афанасьев И. В., Власов А. И., Лабуз Н. П.* Методы анализа когнитивных искажений и концепция автоматизированной интеллектуальной системы их детектирования // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. — 2022. — № 4. — С. 38–74. — DOI 10.18127/j19998554-202204-04. — EDN ZJDBGH.
7. *Кузнецов И. С.* Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. — М., 2022.
8. *Троценкова Е. В.* Мемы как средство деконструкции манипулятивных медиа приемов // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 2. — С. 74–86. — DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-74-86. — EDN WODZND.
9. *Bishop M., Trout J. D.* Epistemology and the Psychology of Human Judgment. — New York, 2004.

Сулейманова Ольга Аркадьевна

Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
Москва, Россия, souleimanovaOA@mgpu.ru

Водяницкая Альбина Александровна

Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
Москва, Россия, vodyanickayaaa@mgpu.ru

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАК ОСНОВА ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ

В статье рассматривается общий формат дискурсивного анализа, согласно французской школе анализа дискурса, представленной в работах П. Серио и его коллег; дискурсивный анализ принимается как трехкомпонентный, причем ключевым из трех компонентов полагается анализ семантики языкового знака. Значение языкового знака трактуется как надиндивидуальное образование; рассматривается проблема лексикографического толкования слова.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, семантика, значение слова, лексикографическое толкование.

В представляемой работе анализируется роль семантической составляющей дискурсивного анализа и распространенные подходы к ее интерпретации, не всегда учитывающие необходимость в точном описании семантики языковых единиц и опирающиеся при этом на словарные толкования, которые, как многократно показано в работах, сложно признать исчерпывающими — они нуждаются в уточнении.

Как отмечается в работах исследователей [2; 5], основу дискурсивного анализа (ДА) составляет анализ семантики языковой единицы, что первоначально нашло отражение в упомянутой выше работе школы дискурсивного анализа П. Серио. «Три кита» дискурсивного анализа: семантика как определяющая составляющая анализа, то, что П. Серио обозначил основанной на марксизме (в широком смысле) составляющей (она получает отражение в виде учета социальных практик), и то, что отнесено к теории психоанализа (или учет мира коммуниканта), с момента опубликования этого труда в различных вариациях принимается в подавляющем большинстве работ по дискурсу, в том числе и в рамках школы критического анализа дискурса. При этом приоритетное внимание уделено «свежему» ракурсу анализа либо

в социально-ориентированной перспективе, либо в личностно-обусловленной, тогда как традиционная семантика представлялась и поныне представляется авторам интуитивно очевидной, исчерпывающе описанной в словарных толкованиях языковых единиц и в связи с этим не нуждающейся в специальной экспликации, что заставляет приглядеться к дискурсивным практикам и попытаться уточнить интерпретацию семантической составляющей ДА.

Обращение к теме развития значения слова и семантической структуры слова остается по-прежнему актуальным в силу того, что ряд положений семантики полагается очевидным и не требующим специального разъяснения, тогда как на практике наблюдаются концептуально значимые неточности, особенно в работах начинающих исследователей.

Постановка проблемы:

Требуют уточнения и критического анализа следующие вопросы:

- насколько верно достаточно частотное утверждение, что в некотором данном контексте слово / предложение изменяет свое значение?
- насколько верно утверждение о том, что значения слов постоянно изменяются?
- насколько абсолютно можно доверять словарным описаниям языковых единиц?

Настоящая статья представляет собой попытку верифицировать предложенные утверждения и ответить на поставленные вопросы с опорой на иллюстративную эмпирическую базу, составленную из определений языковых единиц в толковых словарях русского языка.

Результаты исследования:

На вопрос о том, можно ли утверждать, что в контексте слово изменяет свое значение, необходимо дать отрицательный ответ. Ср., например, известное утверждение Ю.Д. Апресяна, что предложение «*Поставьте ваш чемодан вон туда*» в любой ситуации означает одно и то же, это практически константа; другое дело, что, будучи помещенным в различные прагматические условия, оно имеет разный смысл. Может быть, точнее говорить о том, что меняется семантическая структура слова, состоящая из нескольких значений, и скорее имеет место семантическое словообразование (сам термин *словообразование* не представляется вполне удачным, поскольку речь не идет о появлении новой словоформы, возможно следует говорить именно об эволюции значения).

Ср. также критику подхода о спонтанном изменении словом своего значения у С. Пинкера, который отмечал, что «если бы значения можно было свободно и по-разному интерпретировать в зависимости от контекста, язык представлял бы собой некое месиво и был бы не способен вводить новые идеи в головы слушающих» [3, с.158].

Ответ на вопрос о том, можно ли считать, что значения индивидуальны для каждого адресата — ср., например, точку зрения на значение как на «индивидуальный феномен» [7, с. 1501–4], «индивидуальное, субъективное значение слова — значение, которое приобретает слово для человека в каждой конкретной ситуации осуществления речевой деятельности» [1, с. 106] — также достаточно логичен: если бы слово и в целом высказывание значило «в каждом отдельном случае его употребления разными людьми нечто индивидуальное, люди не смогли бы понять друг друга (что противоречит одной из основных функций языка)» [5, с. 74].

Вопрос о том, насколько оправданно считать предлагаемые в словарях толкования значений слов исчерпывающими и точными, многократно поднимался в лингвистике (например, в работах О. Н. Селиверстовой [4] и исследователями позже [6], равно как и решался в тестовом режиме в практике преподавания авторами данной работы теоретических лингвистических дисциплин. Так, например, студентам в рамках дисциплины «Основы научно-исследовательской деятельности» предлагалось произвольно выбрать группу слов-синонимов любой частеречной принадлежности и сравнить их дефиниции на предмет перекрестных толкований. В большинстве случаев значение слова определяется через референцию к синонимам, что говорит о том, что значения тождественны, и между ними нет семантических различий. Проведенные тесты во всех без исключения случаях подтвердили, что задача, поставленная еще Л. В. Щербой, остается пока не решенной. Задача семантического исследования видится именно в том, чтобы выявить различия в семантике единиц, с тем, например, чтобы далее предложить более точные лексикографические описания единиц, что особенно актуально для применения их в целях изучения языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глухов В. П. Основы психолингвистики. — Москва: АСТ, 2005. — (Высшая школа). — ISBN5-17-030476-5. — EDN QXNGSX.

2. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. — М.: Прогресс. 1999.— 416 с.
3. *Пинкер С.* Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу. — М.: Либроком. 2016.— 656 с.
4. *Селиверстова О. Н.* Труды по семантике.— М.: Языки славянской культуры. 2004.— 960 с.
5. *Сулейманова О. А., Лукошус О. Г.* К вопросу о методике дискурсивного анализа. // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. — Москва: Ленанд, 2018.— С. 62–82.— EDN YQUYTZ.
6. *Сулейманова О. А., Тивьяева И. В., Афанасьева О. В.* Концептуализация процессов памяти в естественном языке: забывать и помнить // Вопросы когнитивной лингвистики.— 2024.— № 1.— С. 38–49.— DOI 10.20916/1812-3228-2024-1-38-49.— EDN AKJHZB.
7. *Тимошина Т. В.* Индивидуальное значение слова как семантический феномен // Фундаментальные исследования.— 2013.— № 8–6.— С. 1501–1504.— EDN QYSICB.

УДК 81'42+811

Троценкова Екатерина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, e.troschenkova@spbu.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КООРДИНАЦИЯ БЛОГЕРА И АУДИТОРИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ИНТЕРНЕТ ЖАНРА НОВОСТЕЙ-ПРАНКОВ

В статье обсуждается коммуникативная координация блогера, создающего новости-пранки, и ядерной аудитории читателей. Их координация, в первую очередь в ценностном плане, рассматривается в качестве фактора формирования пранка как интернет жанра. Содержательные характеристики текстов пранков и особенности их распространения в интернете оказываются обусловлены спецификой видения подходящего юмора, представлениями о важности свободы слова, неприятием официоза и презрением к неаккуратному обращению с информацией.

Ключевые слова: новость-пранк, коммуникативная координация, ценности, интернет жанр, Телеграм, новые медиа.

Эпоха активного развития так называемых новых медиа в числе прочих важных изменений в глобальном коммуникативном пространстве приносит формирование таких информационных продуктов, которые, по всей видимости, обладают достаточной спецификой, чтобы трактоваться как вновь складывающиеся, ранее невозможные

жанры. Причем при всей очевидной неоднозначности трактовок самого понятия «жанр», интересующие нас новости-пранки могли бы быть признаны жанром в рамках различных подходов, обсуждаемых, например, Е. А. Никоновой [2, с. 126].

Так, по-видимому, со стилистических позиций они представляют собой уже в достаточной степени сложившийся тип текстов, объединенных рядом устойчивых признаков формы и содержания. Новости-пранки изначально создаются так, чтобы подготовленная аудитория воспринимала их как нереальные, своего рода художественные произведения юмористического характера. Для этого дискурсивное пространство их распространения обычно содержит некоторые подсказки-маркеры фикциональности, которые помогают внимательному читателю отличить пранки как от реальных, так и от фейковых новостей. Однако одновременно авторы новостей-пранков стараются сделать их максимально похожими на правдоподобные новости, чтобы ряд невнимательных или неподготовленных читателей могли обмануться и поверить в них как реальные новости, что в дальнейшем становится предметом специальных обсуждений [1]. Обычно такие пранки появляются на фоне актуальных событий, наряду с большим количеством обычных новостных статей, и с точки зрения типизированного риторического посыла довольно сложны: с одной стороны, как жанр юмористический они выступают элементом карнавальной культуры непочтительности и нарушения границ привычного, с другой же, дидактичны, поскольку подразумевают назидательность по поводу информационной гигиены и обучение читателей внимательному отношению к качеству и источнику информации [4].

Наконец, если рассматривать жанр как нечто соотносимое с каким-либо типом ментальных схем с позиций лингвокультурологического подхода, особое внимание привлекает специфика взаимодействия авторов пранков и их аудитории и то, какое влияние это коммуникативное взаимодействие оказывает на формирование самого жанра, что и является целью настоящей статьи. Г. Г. Слышкин полагает, что «речевой жанр является полем реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [3, с. 29], при этом подчеркивает повышенную значимость для лингвокультур именно концептов и метаконцептов смеховых жанров, где центральными концептами оказываются «нелепое», «запретное», «страшное» и «претенциозное» [3, с. 7]. Таким образом, теоретическое

осмысление особенностей формирования и функционирования и аксиологическое наполнение такого жанра как новость-пранк представляется весьма актуальным для современной когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Здесь на материале интервью автора пранков про пранки и пранкерскую деятельность (два интервью автора каналов «Империя очень зла» и «Юринесса Дора»: 1. Ответы на вопросы своих читателей в рубрике Вопросы Доры <https://telegra.ph/Voprosy-Dory-Imperiya-ochen-zla-Prigozhin> — Beglov — Futbol-12-12 от 12.12.2023; Интервью телеграм каналу «Бумажная Змея» август-сентябрь 2023 <https://t.me/bumaznayaZmeja/36221>; <https://t.me/bumaznayaZmeja/36243>; <https://t.me/bumaznayaZmeja/36264>; <https://t.me/bumaznayaZmeja/36292>) и комментариев ядерной части читательской аудитории, которая верно распознает фикциональную природу новостей-пранков, мы рассмотрим элементы коммуникативной координации в такой текстовой продукции.

Под коммуникативной координацией, вслед за М. Пикерингом и С. Гэрродом [5, с. 203], понимается сближение собеседников в коммуникативном и когнитивном планах, приводящее к тому, что они начинают сходным образом использовать языковые единицы разных уровней и формируют схожие ментальные репрезентации обсуждаемых ситуаций и явлений, что, по мнению авторов, становится важным для успешности коммуникации. В нашем случае такого рода координация — это база формирования коллективных представлений о том, какими бывают и должны быть новости-пранки, т. е., в сущности, когнитивная основа, определяющая границы и особенности нового интернет жанра.

В языковом отношении интересно, что номинация самого жанра «внутри» пранк-пространства несколько отличается от того, как он квалифицируется «извне» — в интервью блогер пользуется словом «пранк» (*Пр. 1 «Как мы видим, удалось занять нишу сатирических каналов-пранкеров»*; *«Пранк это уже обыденность, но каждый раз приятно как при достижении оргазма»*), а в дисклеймере канала выбирает менее точные, но отражающие пародийный характер жанра обозначения «фейк» «жесткая сатира», «художественный вымысел». Читатели при этом, адекватно воспринимая обозначение «пранк» для того жанра текстов, с которыми они имеют дело, в своих комментариях предпочитают координироваться с линией разнообразия языковых номинаций, заданной «внутри»: *Пр. 2 «Было ведь уже так, что фейк с этого канала потом воплощался в реальности»*; *«Я думаю они и не узнают*

в итоге, что **фейк** запостили»; «здесь **новости шуточные**»; «а ниже их те, кто прочитали но не въехали, что **пост скамный**»; «тётъ. этот **пост троллинг админа**». Терминологически более точные обозначения «пранк» (Пр. 3 «Ну вот зачем такие **пранки**, ведь поверят люди и будут разгонять»; «— Опять **пранк**? 😊 — Есть посты, где его нет? 🤔 тут, как на первом канале, только смешнее и интересней 🤔») встречаются, однако гораздо реже, что, возможно, косвенным образом свидетельствует о том, что жанр еще находится в стадии начального формирования и соотносения со смежными жанрами.

Идеи блогера и аудитории о пранк-пространстве определяются несколькими аксиологическими доминантами: ряд характеристик озвучиваются блогером как лично важные в пранк-деятельности и получают коммуникативную поддержку в комментариях читателей. В о п е р ы х, юмористическая составляющая обретает статус ценности и критерий «смешно — несмешно» становится одним из ведущих при определении по линии «свой» — «чужой». Пр. 4 из интервью «Так что не в это время о выходить в реал. Иначе, придется танцевать под дудки и несмешно шутить»; «Духота. Мне абсолютно все равно, кто каких взглядов. Ну вообще без разницы. Но вот когда несмешно шутят или очень сильно душают — это бесит»; «Есть те [подписчики], кто сам пишет, подкидывает инфоповоды. Иногда, даже шутки хорошие придумывают. Я же отвечаю всем, кто пишет, так что в этом проблемы нет»; «— За что не любишь Ералаш? — Наверное, в первую очередь за то, что он несмешной. А во вторую, что это подается как что-то смешное. Там нет ни одного интересного выпуска, а дети либо бездарные, либо это задумки режиссеров их там выставлять такими. В любом случае, смотреть такое не надо». Коммуникативная координация пользователей в данном случае проявляется не столько в эксплицитной поддержке такой позиции (хотя с лексической стороны можно часто наблюдать оценочные «(не)зашло», «(не)взлетело»; «(не)выстрелило»; «толсто»; «жыбыр», «слабо», «перебор»; «угарно» и т. д. Пр. 5 «Блин, насколько же угарно. На пикабу (не знаю как на других ресурсах) обсуждение большое было»), сколько в активном включении в предложенные языковые игры — стремлении не только оценить шутку, например, лайком, но и развить ее, предложить свои варианты. Нужно отметить, что ценным видится не любой юмор, а обязательно оригинальный, лишенный заидеологизированности и натянутости. В этом смысле намечаются связи с двумя другими ценностными доминантами пранк-пространства —

идеей добросовестного отношения к информации и ее распространению (Пр. 6 «Отличие моего канала от 90% других — **оригинальность контента. Воровать шутки не принято.** Это уже потом от меня их узнает Интернет, а не наоборот. Мы с АВМЯКом чаще всего угораем над Пездзой, которая этого вообще не стесняется. Еще смешнее, когда нас с ней сравнивают») и неприятием официоза.

Ответственное отношение к информации формирует упомянутый дидактический посыл пранка как жанра. Пользователи принимают активное участие в сборе «урожая» — кейсов, когда другие медиа осуществляют перепост пранка как реальной новости без проверки и отсылки к первоисточнику, что всегда получает резко негативную и саркастическую оценку. (Пр. 7 «Блин, ну что же совсем не фильтруют инфу?»; «Поляки конечно тридварасы ещё те, но нафига им приписывать то, что они не говорили и не делали? Да ещё на федеральном канале...») Действия пранкера напротив чаще всего получают одобрение (Пр. 8 «Как всегда, великолепная информационная диверсия»), а случаи собственной невнимательности со стороны пользователей вызывают самоиронию (Пр. 9 «Блин, а я купился на эту хохму»)). Патриотическая позиция пранк-канала одновременно противопоставляется не только «либерастам», «хохлам», «коммунистам», но и государственно продвигаемому информационному мейнстриму — «турбопатриотам», «охранителям»: Пр. 10 «люди устали от всякой ерунды, которую мутит госуха»; «кричать по сценарию патриотические лозунги не буду»; «Я, разумеется, поддерживаю свою страну всегда. Несмотря на то, что стараюсь **сохранять здравый рассудок, не утонув в патриотизме и победобесии**». Это увязывается с еще одной аксиологической доминантой — свобода выражения мнения в пранк-пространстве видится блогеру и ядерной аудитории основополагающим принципом: (см. также подчеркивание в пр. 4) Пр. 11 «Возможно, автор тоже имеет право на позицию. Хотя она всегда будет подкреплена **защитой свободы слова** — и ее всегда можно опровергнуть, что многие и делают»; «Подписчики Доры гораздо более **терпимы** к жесткому юмору и моей позиции. **И не покинут канал после того как «блогер подумал не как я хотел, надо отписаться фуффуфу»**»; «Мне приходится банить только за трупы, личные данные и порно. Потому что тогда канал или чат с комментами может заблокировать сама Телега. **За все остальное, я, конечно, не баню. В этом суть моего канала и моей позиции.** Кто утверждает обратное, тот долбо*б. Кто утверждает про методички, конечно, тоже». Ядерная аудитория, соответственно, одобряет возможность выражения

разных мнений: *Пр. 12 «Да будет срач в комментариях нио чём ☹»*; *«И запретить всех тех, кто всё запрещает ☹» По-моему, идеальная стратегия».*

В целом, именно согласованность ценностных позиций пранкера и ядерной аудитории определяет векторы развития новости-пранка как жанра, влияя на конечные инфопродукты как в момент их создания, так при дальнейшем существовании в дискурсе новых сми. Распространение новостей-пранков и их интерпретация аудиторией как (не)удачных, а также отнесение разных акторов к группам «свои» и «чужие» во многом обусловлены со-разделяемыми группой ментальными репрезентациями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Богатикова Ю. А., Троценкова Е. В.* Дискурсивные маркеры не/фикциональности текста в новостном дискурсе и когнитивная категоризация типа текста // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 1–2(57). — С. 393–397. — EDN SWJBDP.

2. *Никонова Е. А.* Определение понятия «жанр» (основные подходы, проблемы и перспективы): систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2020. — Т. 13, Вып.9. — С. 125–131. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.21>.

3. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2004. — 39 с.

4. *Троценкова Е. В., Богатикова Ю. А.* Новости-пранки как специфический жанр новых медиа: функциональный и этический аспекты // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. — Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2024. — С. 241–242.

5. *Pickering M. J., Garrod S.* Alignment as the Basis for Successful Communication // Research on Language and Computation. — 2006. — Issue 4. — P. 203–228. DOI: 0.1007/s11168-006-9004-0.

УДК 811.111

Уразаева Куралай Бибиталыевна,

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан,

ИЛЛОКУТИВНОЕ И ПЕРЛОКУТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЭЗИИ ЖЫРАУ*

Статья посвящена иллокуции и перлокуции как риторическим инструментам в казахской средневековой поэзии жырау. Способы воздействия поэта на адресата рассмотрены как факторы жанрообразования и жанровосприятия. Перспективность поднятой темы обусловлена анализом казахского риторического

---

* Доклад написан в рамках проекта «Научная концепция казахской риторики: риторический идеал, идентичность, аргументация и речевая практика».

идеала. Предметом рассмотрения являются метаустановки говорящего, коррелиция метасистемы и подсистемы, в роли которой выступают участники процесса коммуникации.

Ключевые слова: жырау, картина мира, риторический идеал, говорящий и слушающий.

Изучение жанрообразования и жанровосприятия в поэзии казахских поэтов средних веков — жырау — значимо с позиции иллокутивного и перлокутивного воздействия. Подход, основанный на семантике убеждения как основном индикаторе речевого воздействия, апеллирует к теории речевых актов (ТРА), в которой значение направлено не на отдельное слово, а на иллокутивный акт как единицу общения, необходимую для осуществления отдельного действия [1].

Рассмотрение иллокутивного акта как интенционального действия характеризует процесс жанрообразования, в то время как процесс жанровосприятия и рецепция обращены к намерению говорящего как фактору жанровосприятия, связанного с перлокутивным воздействием.

В лингвистике распространено изучение перлокуции в связи с обратной связью [2] и коммуникативно-целевой семантикой [4]. Особо следует выделить работу о том, что перлокуция должна быть выведена за пределы речевого акта, выступая как его следствие [5].

Актуальной для дискурсного (неориторического описания) поэзии *жырау* как речевой коммуникации являются работы о речи как социальном действии [3], а также о риторических статусах высказывания и соответствующих им картинах мира [6].

Рассмотрим особенности жанрообразования и жанровосприятия с позиций иллокутивного и перлокутивного воздействия говорящего на слушающего на примере песни Асана Кайгы (Асана Печального) «Ай, Хан, мен айтпасам, білмейсің» (Эй, хан, если я не скажу, не знать тебе) [7, с. 26–27]. В обращении к хану Жанибеку запечатлен разрыв с ним поэта и исход жырау из Орды. Монолог Асана воссоздает историю распада единства народа и правителя. Иллокутивный акт интенционален контрастом того, что происходит в ставке хана, окруженного угодливыми слугами. Конвенциональность высказывания создается приемами обращения, выработанными устной традицией и ценностными понятиями народа, создающими риторический идеал. Перлокутивный эффект песни направлен на то, чтобы образумить

хана. То, что видит Асан, того не знает хан. Жырау обращает внимание на то, что речь идет не о личном противостоянии, а риске отрыва правителя от народа и прогнозе будущего. Анализ речевоздействия поэта как иллокутивного и перлокутивного актов отражает широкий спектр риторических статусов высказывания, включающих модальности знания (создает прецедентную картину мира с объективными характеристиками), мнения (окказиональная картина с субъективным мнением), убеждения и понимания. Ключевой посыл жырау: *Мен айтпасам, білмейсің* (Если я не скажу, не знать тебе) — становится основой конфликта двух правд, неразрешимость которых грозит обернуться для народа катастрофой.

Асан Кайгы определяет метастановку: намерение предупредить, остановить, заставить хана одуматься, очнуться от опьянения властью и лести окружения. В стратегиях воздействия поэта на хана можно выделить манипулирование значением. Например, это апелляция к делу народа: *Шабылып жатқан халқың бар* (У тебя есть народ, на который напали) (26). Интересно, что конфликт двух правд, требующих соглашения со стороны собеседника жырау, хана, оперирует речевыми коммуникациями: *Елеуреп неге сөйлейсің?!* (Почему разговариваешь, буйствуя?) и модальностью понимания как вероятностной картиной мира в сознании хана: *Оны неге білмейсің?!* (Почему не ведаешь этого?!)*. *Қатын алдың қарадан, // Айрылдың хандық жорадан, // Ел ұстайтын ұл таппас, // Айрылар ата мұрадан!* (У тебя жена безродная, // Друга хана нет достойного, // Сына нет — власть удержать, // Не спасти наследье предков, // Не дано тебе понять!) [7, с. 26]. Здесь индексальная дискурсия оперирует ценностными понятиями, создающими идеальный образ правителя, и воссоздает ожидания народа. В нарушении ханом понятий института родства, брака, семьи как основы социальной и национальной стабильности жырау видит причину внутреннего разлада хана и источник бед для народа.

Жырау прибегает к приему антропоморфного параллелизма для усиления перлокутивного эффекта: *Құладын құстың құлы еді / Тышқан жеп жүнін түледі, — // Аққу — құстың төресі, // Ен жайлап көлді жүр еді* (Куладын** — птица беспородная, // Мышью кормится, довольная, // Лебедь — птица благородная, // Гладь озер нужна ему просторная) [7, с. 26]. Коннотативный ряд создает эмблематическую дискурсию.

---

* Песни жырау на русском языке приведены в переводе К. Уразаевой.

** Лунь.

Аллегорические вкрапления становятся соединительными звеньями четырех повторов-вариаций на тему «*Мұны неге білмейсің!?*» (Почему не понимаешь это ты!?). Взывая к сознанию хана, жырау прибегает к аргументации, в которой очевиден акцент на корректировке картины мира конфидента. Отсюда в семантике убеждения не только призыв к соглашению. Аргументативный дискурс второй части обращения вводит в композицию песни реальные меры спасения народа: *Тіл алсаң, іздеп қоныс көр, // Желмая мініп жер шалсам, // Тапқан жерге ел көшір* (Если слушать ты готов меня, найди / Ты кочевье, // Желмая* моя в пути, // В землю ту народ перевези) (26–27). Однако предупреждение Асана принимает и характер аллюзивной дискурсии как апокалиптической картины мира: *Қилы, қилы заман болмай ма, // Суда жүрген ақ шортан / Қарағай басын шалмай ма* (Судный день, гляди, настанет, // Шука белая достанет, // Верх, играючи, сосны) [7, с. 27]. Таково перлокутивное последствие, которое объясняет наступление окончательного разрыва Асана с ханом: *Қош, аман бол, Жәнібек, // Енді мені көрмейсің!* (Я прощаюсь с Жанибеком навсегда, // И не встретиться нам вместе никогда!) [7, с. 27].

Интерес представляет также песня Шалкиза жырау «Первое толгау к бию Темиру» [7, с. 42–44]. Здесь прослеживаются черты суфийского мышления, характеризующего аллюзивную дискурсию. Система энтимем обращена к образам природы, осмысленным в аллегорической перспективе. Интенция автора таится в стремлении выстроить в параллелизме образов органического и социального миров понятную слушателю систему детерминант. Она направлена на передачу тревожного ожидания лирического героя и его причинную обусловленность. Начало толгау: *Аспанды бұлт құрсайды — / Күн жауарға ұқсайды. // Көлдерде қулар шулайды — / Көкшіліден ол айуан* (Небо тучи заволокли, // Наверно, будет дождь. // Лебеди шумят на озере, // Как будто громом поражены) [7, с. 42] – воспроизводит рефлексию казахского мироощущения и мирообраза. Связь ментального и психологического, физического и духовного является подвижной и проницаемой. Здесь же проступает конвенциональная природа иллокуции. Антропоморфные образы, аллегория, синтаксический параллелизм являются устойчивыми риторическими фигурами, выработанными казахской устной традицией. Так, эблема-

---

* Мифический образ, крылатая верблюдница Асана.

тическая дискурсия облекается в конвенциональную форму. Далее следует портрет хана, в котором усиление риторичности достигается за счет ориентальной эстетики, восходящей к кораническому тексту казахской культуры. Синтез поэтики казахского батырства, для которого центральными является образ коня, с трактовкой мотива раба как символа покорности воле правителя, создает сложный уровень символизации. «Раб» в контексте размышлений поэта вводит мотив верности жырау хану. В крепости союза хана и жырау для Шалкииза очевидна гарантия народного благоденствия.

Изучение иллокутивного и перлокутивного воздействия позволяет описать казахский риторический идеал и выявить свойственную поэзии *жырау* метаустановку доминирования идеального над частным. Картина мира *жырау* формируется сценарием будущего, противопоставленным настоящему, и строится как корреляция метасистемы (настоящее/ будущее) и подсистемы, в роли которой выступают участники процесса коммуникации: говорящий (жырау) и слушающие (хан и народ).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Василина В. Н.* Иллокуция как коммуникативная характеристика высказывания // Вестник МГЛУ. — Серия 1. Филология. — 2005. — № 2 (18). — С. 44–53.
2. *Москальская О. И.* Грамматика текста. — М.: Высшая школа, 1981. — 183 с.
3. *Рябинская Н. С.* Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа. // Социологический журнал. — 2002. — № 4. — С. 78–91. — EDN PZQKYT.
4. *Семенов Л. П.* Основы коммуникативно-целевой семантики. — Орёл: ОГУ, 1999. — 84 с.
5. *Тырыгина В. А.* Асимметрия перлокутивной попытки и перлокутивного последствия // Филологические науки в МГИМО. — 2017. — № 1(9). — С. 33–38. — EDN YKTHKJ.
6. *Тюпа В. И.* Анализ художественного текста: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 031000 — Филология — Москва: Издательский центр «Академия», 2006. — 331 с. — EDN SBRZET.
7. Бес ғасыр жырлайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі казак ақын жазушыларының шығармалары. Үш томдық. [Текст] / Бас шығарушы М. Байділдаев — Алматы: Жазушы, 1984. (Қазак ССР ғылым академиясы М. О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты). Том 1. / Құрастырушы М. Мағауин, М. Байділдаев. 1984, 256 бет, суретпен көркемд.

Чемодурова Зинаида Марковна,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, zchemodurova@herzen.spb.ru

АДРЕСОВАННОСТЬ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматриваются особенности функционирования категории адресованности в художественных произведениях, созданных авторами-билингвами. Доказывается гипотеза о стратегии двойного кодирования, обуславливающей двойную адресацию транслингвальной литературы. Анализируются сигналы адресованности, составляющие специфику интерпретационной программы исследуемых текстов и отражающие транскультурную авторскую модальность.

Ключевые слова: транслингвальная художественная литература, транскультурная авторская модальность, стратегия двойного кодирования, транскультурная/транслингвальная компетенция.

«Игра адресатом» — это, по мнению Ю. М. Лотмана, свойство художественного текста, который «содержит в себе то, что мы предпочли бы называть *образом аудитории*, и этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом. Этот Последний навязывается сознанию аудитории и становится нормой ее собственного представления о себе, переносясь из области текста в сферу реального поведения культурного коллектива» [2, сс.161—166].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей авторской игры адресатом так называемого транслингвального художественного текста, под которым мы понимаем художественное произведение, созданное автором-билингвом на втором, или неродном для него языке. Автор сохраняет «при этом собственную этно- и лингвокультурную идентичность, в результате чего возникает некая новая, «промежуточная» лингвокультурная модель» [3, с. 162].

Большая популярность «литературного транслингвизма» (С. Келлман) как важной составляющей общей теории транслингвальности, междисциплинарной области филологических исследований, охватывающей лингвокультурологию, билингвологию, социолингвистику, когнитивную стилистику, психолингвистику, обуславливает актуальность изучения конститутивных свойств транслингвального

художественного текста, среди которых категория адресованности занимает особое место. Каноническим стало определение данной категории, предложенное О. Н. Воробьевой, согласно которому посредством адресованности опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретационной деятельности [1, с. 95].

Гипотеза данного исследования заключается в следующих предположениях: 1) Образ аудитории, Идеальный адресат, читатель-модель (У. Эко) представляют собой абстрактный конструкт, который в рассматриваемых в данной работе художественных текстах продуцируется так называемой *транслингвальной авторской личностью*, трактуемой, исходя из холистических теорий билингвизма, как метакогнитивная/металингвистическая структура и как транскультурная динамичная идентичность. 2) *Транскультурная авторская модальность* репрезентируется в транслингвальных произведениях при помощи целого ряда стратегий, одной из которых является *стратегия двойного кодирования*. Эта стратегия предполагает *двойную адресацию* рассматриваемых текстов и обуславливает интерпретационную деятельность как читателей-транслингвов, читателей-сообщников по литературной игре, так и читателей-монолингвов, чья *транслингвальная/транскультурная компетенция* не позволяет им в полной мере оценить авторскую рефлексию и /или игру с широким репертуаром вербальных и невербальных семиотических ресурсов (см. также [5]).

Поскольку, как известно, «совокупность обращенных к читателю сигналов (маркеров) адресованности формирует интерпретационную программу текста, которая закладывается в текст автором и носит типологически маркированный характер» [7, с. 118], то, вероятно, следует говорить о типологически маркированной интерпретационной программы транслингвальных художественных текстов, в которых определенный набор сигналов свидетельствует об их двойной адресации. Задачей будущих исследований, таким образом, может стать более подробная классификация таких маркеров адресованности. В данной работе анализ целого ряда как прозаических, так и поэтических транслингвальных произведений позволяет сделать выводы о нескольких игровых механизмах, составляющих основу стратегии двойного кодирования и способствующих усилению когнитивной активности читателей и превращению их в «соучастников» транслингвальной игровой практики:

1. “Pnin, rippling with mute mirth, sat down again at his desk: he had a tale to tell. That line in the absurd Russian grammar, ‘Brozhu li ya vdol’ ulits shumnih (Whether I wander along noisy streets),’ was really the opening of a famous poem. Although Pnin was supposed in this Elementary Russian class to stick to language exercises (‘Mama, telefon! Brozhu li ya vdol’ ulits shumnih. Ot Vladivostoka do Vashingtona 5000 mil’.), he took every opportunity to guide his students on literary and historical tours” [10, p. 67].

«Магистр игры» В. В. Набоков постоянно вовлекает своих читателей в интертекстуальную игру, когда прибегает к смешению кодов, транслитерации русскоязычных слов и фраз, предлагая (см. пример 1) своим читателям оценить абсурдность учебника грамматики русского языка и отгадать автора известного стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Стратегия двойного кодирования выполняет в тексте романа «Пнин» сразу несколько функций: в о - п е р в ы х, способствует характеристике профессора Пнина, работающего в вымышленном американском колледже Waindell и именующего его в силу слабости своего английского языка не иначе, как Vandal College. Образ Пнина-чужестранца вызывает у читателя-билингва одновременно и улыбку, и неизбежное сочувствие, усиливая, в о - в т о р ы х, эмотивность текста, так как чудаковатый русский профессор по праву считается критиками одним из самых трогательных персонажей Набокова, «изгнанник, бывший муж, человек-одиночка, высмеиваемый и непонятый» [9, p. 271]:

2. «In a set of eight tetrametric quatrains Pushkin described the morbid habit he always had — wherever he was, whatever he was doing — of dwelling on thoughts of death and of closely inspecting every passing day as he strove to find in its cryptogram a certain ‘future anniversary’: the day and month that would appear, somewhere, sometime upon his tombstone. “And where will fate send me”, imperfective future, “death”,’ declaimed inspired Pnin, throwing his head back and translating with brave literality, “in fight, in travel, or in waves? Or will the neighbouring dale” — dolina, same word, “valley” we would now say — “accept my refrigerated ashes”, poussi?re, “cold dust” perhaps more correct. And though it is indifferent to the insensible body...”» [10, p. 68].

В данном примере (2) перевод Пниным стихотворения А. С. Пушкина, характеризующийся «смелой буквальностью», превосходно репрезентирует транскультурную авторскую модальность, реализуемую в том числе при помощи стратегии двойного кодирования и определяемую нами как «объективируемая в тексте проекция картины мира

транслингвальной личности, представляющая собой результат авторской рефлексии над и/или игры с культурно гетерогенными элементами и отражающая оценку автором фикционального мира как культурно и лингвистически гибридного» [6]. Набоков откровенно высмеивает множество неудачных переводов русской классики, причем кульминацией в данном примере пародийного отношения автора, известного своей спорной попыткой перевода «Евгения Онегина», становится вариант перевода выражения «охладелый прах» в пушкинском стихотворении при помощи сочетания «refrigerated ashes». Иронию Набокова, а также его самоиронию — поскольку многие критики обвиняли его как раз в слишком буквалистском переводе Пушкина — способен оценить лишь билингвальный и бикультуральный читатель.

Двойное кодирование, таким образом, характеризуется эксплицитной аксиологичностью, при этом авторская оценка часто выражается одновременно при помощи интертекстуальной и полилингвальной игры, как это происходит в примере ниже:

3. *«In the Fall Semester of that particular year (1950), the enrolment in the Russian Language courses consisted of one student, plump and earnest Betty Bliss, in the Transitional Group, one, a mere name (Ivan Dub, who never materialized) in the Advanced, and three in the flourishing Elementary: Josephine Malkin, whose grandparents had been born in Minsk; Charles McBeth, whose prodigious memory had already disposed of ten languages and was prepared to entomb ten more; and languid Eileen Lane, whom somebody had told that by the time one had mastered the Russian alphabet one could practically read 'Anna Karamazov' in the original»* [10, p. 9].

Антропоним «Ivan Dub» становится для читателя, обладающего достаточной транслингвальной компетенцией, сигналом авторского отношения к студентам в колледже «Вандалов», который в сочетании с вымышленным названием произведения «Anna Karamazov» усиливает игровую модальность романа «Пнин» (о категории игровой модальности см. [4]).

Современные авторы-билингвы также используют механизмы полилингвальной игры для усиления эмотивности создаваемых ими текстов и для моделирования иронического модуса повествования, например, в романе «Petropolis» Ани Улинич:

4. *«Mrs. Tarakan motioned for Sasha to sit down. One by one, the guests approached the table and handed checks to Mr. Tarakan. He pushed his glasses down to the tip of his nose and, holding the checks in an outstretched arm, slowly*

read the amounts. "Mr. and Mrs. Sidney Shmel, one hundred dollars!" Applause. Mrs. Shmel, dressed in transparent layers that rustled with every move, gave a little wave from her seat. "Mr. and Mrs. Sarancha, five hundred dollars!" The applause got louder. "Mr. and Mrs. Svetlyak, seven hundred dollars!" "Mr. Pauk, one thousand dollars!" "Mr. and Mrs. James Blocha, three thousand dollars!" "Mr. and Mrs. Komar, twenty thousand dollars!"» [12, p. 169].

Использование в качестве антропонимов транслитерированных русских обозначений насекомых вовлекает адресатов-билингвов в забавную игру по выстраиванию развернутой метафоры с энтомологической основой, вызывая у неподготовленных читателей эффект когнитивного диссонанса. Такой же эффект может продуцироваться и интертекстуальной игрой, которая представляет собой механизм выдвижения, позволяющий сфокусировать внимание читателей-«сообщников» на наиболее важных темах и мотивах художественных произведений. Так, тема бессмертия в литературном творчестве и платы за такую славу в романе «Forty Rooms» реализуется Ольгой Грушиной, которую часто сравнивают с В. В. Набоковым, при помощи отсылки к великим русским литераторам — А. А. Ахматовой и М. А. Булгакову:

5. *«Idly he picks up a page from the table.*

"I have so many things to do today:

I must murder the rest of my memory,

I must turn my soul to stone,

I must learn to live again.»

He recites the lines without once consulting the page before letting it fall back onto the stack. "This weightiness, it has to be earned, and the price is high. Not everyone, you know, is willing to pay the price of immortality." [...]

Manuscripts do not burn, as another immortal once said — though you are probably too young to have read him just yet» [9, p. 31].

Поэзия Евгения Осташевского может выступать в качестве образца транслингвального творчества в 21 веке, в ней полилингвальные/интертекстуальные игры отражают игровую модальность постпостмодернистской эпохи, иллюстрируя в яркой форме использование стратегии двойного кодирования:

6. *«"O half-power sickle! O cowardly dreadnought! O Battleship Potemkin Village! Row, row, column, column, сегодня*

«тò пѣв» завтра не поймаА!"

"Exactly, we're the come-n-goyim!"

“What meaning do they speak of, боцман?”

“None. They let their words get the best of them, sir”» [11, p. 31].

Цикл стихов «The Pirate who does not know the value of Pi» представляет собой фейерверк транслингвальной креативности, при этом автор использует прием трансплантации, смешивая коды и создавая уникальный смеховой поэтический мир, полный юмора, иронии и межъязыковых экспериментов.

Подводя итоги данного краткого анализа особенностей адресованности транслингвальных художественных произведений, следует выделить их эксплицитную двойную адресацию, связанную с реализацией стратегии двойного кодирования в изучаемых текстах как одного из важнейших механизмов выражения транскультурной авторской модальности. Моделируемая авторами-билингвами интерпретационная программа их произведений предлагает адресатам целый ряд сигналов адресованности, предполагающих наличие у них так называемой транслингвальной/транскультурной компетенции. Дальнейшее изучение таких маркеров адресованности, безусловно, внесет вклад в такие области филологии, как лингвокультурология, лингвистика текста и когнитивная стилистика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 382 с.
2. Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории. В кн.: Статьи по семиотике и топологии культуры. Издание в трех томах. Том 1., Таллин: «Александра», 1992. — сс. 160–167.
3. Прошина З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2017. — Т. 14, № 2. — С. 155–170. — DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170. — EDN ZEFYJR
4. Чемодурова З. М. Прагматика и семантика игры в англоязычной постмодернистской прозе 20–21 веков: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Чемодурова Зинаида Марковна. — Санкт-Петербург, 2017. — 40 с. — EDN YQLZNP.
5. Чемодурова З. М. Символизм транскультурального художественного текста как механизм усиления когнитивной активности читателей // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 24–37. — DOI 10.20916/1812-3228-2023-2-24-37. — EDN TRYZCL.
6. Чемодурова З. М. Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе 20–21 веков // Вестник Томского государственного университета. Филология. — В печати.
7. Щирова И. А. Об особенностях реализации категории адресованности в художественном тексте // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки:

отечественные традиции и международная практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта — Симферополь, 04—05 мая 2017 года / Главный редактор А. Д. Петренко. — Ялта — Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. — С. 117—122. — EDN ZBRTAR.

8. *Boyd Brian*. Vladimir Nabokov. The American Years. Princeton Un. Press, 1991. — 783 p.

9. *Grushin Olga*. Forty Rooms. New York: G. P. Putman's Sons. 2016. — 252 p.

10. *Nabokov V. Pnin*. New York: Vintage Books, 1989. — 191 p.

11. *Ostashevsky Eugene*. The Pirate Who Does Not Know the Value Of Pi. New York: new York review Books. 2017. — 119 p.

12. *Ulinich Anya*. Petropolis. Penguin Books. 2008. — 338 p.

УДК 81'42+811.111

Шумков Андрей Арнольдович,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ),
Санкт-Петербург, Россия, noissen@mail.ru

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В БРЮССЕЛЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Брюссель, имеющий сложную языковую историю, является столицей не только Бельгии, но и Европейского Союза. Это город-анклав, где французский язык окружен нидерландским; при этом возрастает присутствие английского языка. С 1947 года учет динамики языковых процессов на уровне правительства не осуществляется. Однако с 2000 года Свободный Университет Брюсселя проводит исследования языковой ситуации в столице Бельгии, результаты которых, на наш взгляд, могут пролить свет на особенности сосуществования различных языков на территории одного государства.

Ключевые слова: контактная лингвистика, социолингвистика, типология, языковая ситуация, Бельгия, Брюссель.

Брюссельский столичный регион — особый регион Бельгии. В отличие от Фландрии и Валлонии он имеет два государственных языка. Брюссель, изначально нидерландоязычный, подвергся сильному офранцуживанию, и в этом городе на фоне общенидерландской и общепольской норм формировались не только бельгийский нидерландский и бельгийский французский, но и уникальные языковые варианты — Brussels Vloms и Bruxellois francophone. Разумеется, территория формирования бельгийского нидерландского и бельгийского французского не ограничивается только Брюсселем, однако статус столицы делает языковые процессы особо значимы-

ми. Так, бельгийский нидерландский и бельгийский французский изобилуют включениями из всех языков и диалектов Бельгии, как романских, так и германских, включая Brussels Vloms и Bruxellois francophone.

Brussels Vloms, известный также как Brussels и Marols, имеет своей основой южнобрабантский диалект нидерландского языка с включениями из французского, валлонского, пикардийского и испанского языков, а также, в меньшей степени, из германских языков и диалектов Бельгии. Наряду с Brussels Vloms в столице функционировал еще один одиозный вариант — Bergades, смесь Brussels Vloms с Bargoens — языком бродяг и криминальных элементов, зародившемся в Нидерландах.

В отличие от Brussels Vloms, Bruxellois francophone имеет своей основой общефранцузскую норму с включениями из Brussels Vloms, бельгийского нидерландского и общенидерландской нормы [2, с. 488].

Тем самым, государственные нидерландский и французский языки представлены в Брюсселе своими нормами, бельгийскими вариантами, а также Brussels Vloms и Bruxellois francophone. Последние два варианта имеют склонность к взаимному интерферированию, облегченному нахождением в них множества как германских, так и романских явлений. Однако общий языковой вариант не формируется, в основном говорящие прибегают к переключению кодов. Следует отметить, что не сформировался общий языковой вариант и во Французской Фландрии, однако Frans-Vlaams, в отличие от Brussels Vloms, в известной степени подчинился французским морфологии и синтаксису [4, с. 82].

Разумеется, Брюссель, благодаря своему международному статусу, де-факто является исключительно многоязычным. На сегодняшний день в нем говорят на 104 языках [5, с. 1]. Однако мониторинг языковой ситуации в столице Бельгии поставлен на серьезную научную основу лишь с 2000 года, и прежде цифры были весьма приблизительными.

Следует сказать, что учет языков, на которых говорят в Бельгии, проводился во время кампаний по переписи населения в период с 1846 по 1947 год. Результаты были столь противоречивыми, что в 1961 году официальный учет языков был прекращен. Весьма показательны вопросы, которые задавались населению во время кампаний по переписи [3, с. 1].

Перепись населения 1846 года в отношении языковых знаний включала в себя пункты «французский или валлонский», «фламандский или голландский», «немецкий», «английский» и «другие языки». С 1866 года опрашиваемые могли выбрать между тремя государственными языками — «французский», «фламандский», «немецкий», четырьмя комбинациями «французский-фламандский», «французский-немецкий», «фламандский-немецкий», «французский-фламандский-немецкий», а также опциями «ни один из трех» и «я глухонемой». В 1880 году из общего числа переписываемых на предмет владения языками были исключены дети младше двух лет как «не говорящие». С 1910 года появился также пункт, в котором многоязычные бельгийцы могли отметить язык, которым они пользуются в наибольшей степени — «французский», «фламандский» или «немецкий», а с 1930 года к этому пункту добавилась опция «затрудняюсь ответить». С этого же времени абсолютные цифры стали сопровождаться данными о проценте владеющих языком или языками. В 1947 году состоялась перепись населения, в которой учет языков был проведен в последний раз. В этой переписи «фламандский» уже не упоминался, а был заменен на «нидерландский», а одноязычным и многоязычным гражданам предлагался один и тот же пункт — «назовите наиболее предпочтительный государственный язык».

Изначально учет языков по результатам переписи населения не приводил ни к каким политическим последствиям. Согласно Конституции, в новой Бельгии каждый имел право пользоваться тем языком, которым желал пользоваться, несмотря на то, что вся официальная деятельность велась на французском языке. Однако законы о языке 1921 и 1932 года поставили одноязычный характер Бельгии под сомнение. В 1921 году было введено всеобщее избирательное право, к тому же во Фландрии начался экономический рост, и это привело к необходимости считаться с нидерландским языком в столичных учреждениях. Из опасений, что официальная деятельность станет двуязычной, представители Валлонского движения начали требовать выделения в Бельгии одноязычных областей. Для этого было необходимо определить языковые границы, и учет языков во время кампаний по переписи населения превратился в важнейший политический инструмент.

По-прежнему каждый мог пользоваться тем языком, которым желал пользоваться, но новые законы предписывали судам, админи-

стративным и образовательным учреждениям вести свою деятельность на языке региона. Во Фландрии этим языком был нидерландский, в Валлонии — французский. Брюссельская агломерация получила отдельный языковой статус — официально двуязычный, но на практике основным языком оставался французский. Именно этот язык использовался в качестве рабочего во всех учреждениях Брюсселя. По результатам переписи населения оказывалось, что Брюссель в языковом ключе расширяется. Демографические и урбанистические процессы приводили к тому, что ближайшие к столице муниципалитеты, изначально нидерландоязычные, офранцузивались (это явление в Бельгии назвали «нефтяным пятном»). После переписи населения 1920 года Брюссельская агломерация стала состоять уже не из 15, а из 17 муниципалитетов; новые муниципалитеты получили столичный языковой статус. Затем к Брюсселю прибавились еще 3 муниципалитета (в наши дни Брюссельский столичный регион состоит из 19 муниципалитетов).

Языковой закон 1932 года связал определение языка администрации с результатами переписи населения: если 30% жителей муниципалитета предпочитали официально иной язык, на этом языке они должны были обслуживаться в административных учреждениях. В случае 50% язык предписывалось сменить, а языковую границу скорректировать.

В этот раз учет языков по результатам переписи населения привел к серьезным политическим последствиям. Один из муниципалитетов вышел из Брюссельской агломерации, поскольку там оказалось менее 30% франкоговорящих. В 1947 году состоялась очередная перепись, но ее результаты, по причине политических разногласий, были опубликованы в лишь 1954 году. Брюссельская агломерация снова стала больше — в 3 муниципалитетах обнаружилось более 50% франкоговорящих и эти муниципалитеты приобрели столичный языковой статус. В 4 других муниципалитетах франкоговорящие составили более 30% и получили право обслуживаться на своем языке. Объективность результатов переписи и ранее ставилась под сомнение, но присоединение к Брюссельской агломерации 3 муниципалитетов, бывших прежде нидерландоязычными, привело к масштабной активизации Фламандского движения.

Фламандские организации, такие как Davidsfonds, Vermeylefonds и Willemsfonds утверждали, что подведение итогов переписи сопровождалось недобросовестными манипуляциями и потребовали

отказаться от цифр, относящихся к владению языками. Было предложено установить языковую границу, для чего был учрежден VABT — Vlaams Aktiekomitee voor Brussel en Taalgrens (Фламандский рабочий комитет по вопросам Брюсселя и языковой границы). Порядка 500 фламандских муниципалитетов выразили протест против очередной переписи, которая была запланирована на 1957 год, и ее отменили, а 24 июля 1961 года учет языковых предпочтений граждан запретили на законодательном уровне. В 1962 году в качестве компромисса между фламандцами и валлонами была установлена языковая граница. Тем самым, фактически с 1947 года на правительственном уровне мониторинг языковых процессов в Бельгии не осуществляется.

Вплоть до 2000 года индикаторами языковой ситуации в Бельгии и, в частности, в Брюсселе, являлись результаты выборов или же данные, на каких языках выдаются документы, например, удостоверение личности или водительское удостоверение. Агентство Kind en Gezin (Ребенок и семья) публиковало информацию о том, какие языки используются в домашнем общении. Однако этих сведений, как и во времена переписей населения, недостаточно — важные нюансы оставались вне поля зрения исследователей.

Свободный Университет Брюсселя поставил изучение языковой ситуации в столице Бельгии на научную основу, разработав анкету, которая позволяет учитывать множество деталей касательно использования языков города как исконными жителями, так и мигрантами. В 2007 году открыт Documentatiecentrum Vlaamse Rand (Окружной центр документации). Цель этого центра — мониторинг наиболее значимых процессов, в том числе языковых, происходящих в 19 муниципалитетах Брюссельского столичного региона. Социолингвисты под руководством Руди Янсенса (Rudi Janssens) продолжают изучать языковую ситуацию в наиболее сложной части страны. Разумеется, работа ученых не ограничивается сухими подсчетами, попутно фиксируются исчезающие, к огромному сожалению, фрагменты языковой картины Брюссельской агломерации. Например, Brussels Vloms можно услышать в наши дни лишь в одном из девятнадцати муниципалитетов.

В отношении Брюсселя цифры весьма интересны. За 25 лет было проведено 5 опросов, из которых следует, что к 2025 году столица ста-

новится все более многоязычной, французский язык продолжает доминировать (но в меньшей степени, чем раньше), а нидерландский язык уступил свое второе место английскому [5, с. 2]

В 2000 году в Брюсселе говорили на 72 языках; в 2024 году их число достигло 104. За 25 лет процент владеющих английским языком увеличился с 33 до 47, а процент франкоязычных и нидерландоязычных снизился — с 96 до 81 и с 33 до 22 соответственно. Однако при обращении к данным опроса 2018 года становится очевидным, что процент нидерландоязычных снова возрастает. За последние шесть лет нидерландский язык укрепил свои позиции благодаря семьям, в которых он продолжает использоваться (их количество не уменьшается), а также вследствие притока жителей Фландрии в Брюссель и более высокого качества нидерландоязычного образования, в том числе в отношении французского языка — им овладевают 83% обучающихся. Образование на французском языке приводит к весьма печальным для нидерландского языка последствиям — если в 2000 году нидерландский осваивали 20% обучающихся, то в 2024 году — лишь 6,5%.

За 25 лет на 1,5% выросло число говорящих на арабском языке, и на 1% снизилось число немецкоязычных. Число испаноязычных увеличилось на 7,5%.

В 2000 году распределение пяти языков-лидеров по числу говорящих было следующим — французский (96%), нидерландский / английский (33%), арабский (10%), немецкий (7%). В 2024 году это распределение несколько изменилось — французский (81%), английский (47%), нидерландский (22%), испанский (14,5%), арабский (11,5%).

Французский, нидерландский и английский являются в Брюсселе основными языками общения. Однако за 25 лет процент жителей столицы, не владеющих этими языками, увеличился с 3 до 10,5. Это, разумеется, мигранты. Процент жителей, пользующихся только одним языком, варьируется неоднородно — в случае французского наблюдается снижение (с 47 до 35,7), в случае нидерландского — рост (с 0,4 до 0,8), и в случае английского также рост (с 1 до 4,9). Процент жителей, пользующихся двумя языками: французский-нидерландский — снижение (с 16,4 до 6,1), нидерландский-английский — рост (с 0,2 до 2,7) французский-английский — рост (с 15,8 до 26,6). Процент жителей, пользующихся тремя языками, демонстрирует неожиданное снижение (с 16,4 до 12,6). Французский или нидерландский языки

в паре с английским получают, по всей видимости, большую перспективу для использования в многогранной жизни столицы Европы. При этом неминуемо должно происходить взаимообогащение языков, благодаря процессам интерференции и заимствования.

Легализация использования английского языка в административных учреждениях, о которой начинают задумываться, будет способствовать, по всей видимости, развитию нидерландского и французского, но не в их симбиозе. Результаты последнего опроса показывают: если работник учреждения обращается к гражданину на французском или нидерландском языке, 3,5% нидерландоязычных и 13% франкоязычных, соответственно, переходят на английский язык. Тем самым, жители столицы, не владеющие нидерландским или французским, могут получить необходимые услуги. Однако в отношении жителей Брюсселя, которые не в состоянии общаться на нидерландском, французском или английском языках, легализация английского не будет подспорьем. Таких жителей сейчас почти десятая часть. Тем не менее на рабочих местах оказывается все больше служащих, владеющих самыми разными языками. Так, данные опроса показывают, что в медицинских учреждениях Брюсселя общение было возможно не только на французском или нидерландском, но и на 33 других языках. Учитывая развитие компьютерных технологий, позволяющих общаться в режиме реального времени с помощью мобильных устройств, можно предположить, что стремление овладеть языками будет в известной степени снижаться. С другой стороны, такие устройства облегчают усвоение языков и как информационные технологии изменяют языковую картину планеты, покажет ближайшее будущее.

В докладе Европейской комиссии 2001 года, озаглавленном «Brussels, Capital of Europe», отмечено — «Брюссель являет собой город с высочайшей концентрацией жителей, говорящих на различных языках и его население усвоило, что билингвизм как уже устоявшаяся практика требует уважения, поддержки и дальнейшего распространения». В том же году было рекомендовано учредить «Institute for multilingualism». Пока Брюссель такого института не имеет, однако в городе работает «Brussels Council for Multilingualism», возглавляемый соответствующим министром. В этом году «Brussels Council for Multilingualism» выступил с предложением проводить каждый год «Brussels Multilingualism Week». Это мероприятие призвано подчеркнуть лингвистическое разнообра-

зие Брюсселя, а также показать, что без развития многоязычия это лингвистическое многообразие может стать проблемным. Планируется задействовать университеты, школы, библиотеки, просить поддержки у бизнеса и государства, использовать опыт социальных служб. Проводится идея, что именно в Брюсселе изучать языки проще и дешевле, чем где бы то ни было, и что всем желающим всегда будет оказана помощь. Следует отметить, что в столице с 2010 года существует гражданская инициатива под названием «Marnix Plan», призванная показать жителям столицы преимущества уверенного владения французским, нидерландским и английским языками.

Признаемся, что нас больше волнует судьба нидерландского языка, который более 1000 лет тому назад был свидетелем рождения Брюсселя и, собственно, дал ему имя (состоящее из древненидерландских слов *bruoos* (болото) и *sella* (поселение)).

Мы уже отмечали, что число нидерландоговорящих в Брюсселе стало увеличиваться, на сегодняшний день оно вернулось к показателям 2013 года. Разумеется, динамику языковых процессов в Брюсселе еще предстоит отслеживать в будущем, но выявленная тенденция в случае нидерландского наводит на мысль о более глубоких причинах его укрепления, нежели чем социальные и экономические.

Непреложен тот факт, что нидерландский и английский принадлежат одной и той же группе языков и, более того, находятся в одной и той же ветви — западногерманской. Лексическое и грамматическое родство этих языков на генетическом уровне может способствовать весьма органичному сосуществованию этой пары. Отметим, что процент жителей, владеющих английским языком во Фландрии достигает 60% (в Нидерландах 90%), а в Валлонии — 20% (во Франции — 35%) [1, с. 126].

Брюссель, несмотря на ослабленное, но все еще весьма действенное доминирование французского языка, понемногу возвращается в своему германскому прошлому. Небольшой процент немецкоговорящих и совсем крохотный процент говорящих на *Brussels Vloms* можно считать хорошим подспорьем в этом процессе.

Однако роль английского языка в поддержке нидерландского представляется нам особо значимой. Более подробное изучение языковой ситуации в Брюсселе может пролить свет на особенности сосуществования разнородных языковых систем не только на социолингвистическом, но и на структурном уровне.

Не исключено, что система английского языка в силу генетического родства является для системы нидерландского языка своего рода буксиром, позволяющим нидерландскому не отставать от других языков в бурном море Брюссельского многоязычия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дёмин Г. А. Функционирование английского языка в образовательной, политической и культурной сферах Бельгии // Дискурс.— 2024.— Т. 10.— № 3.— С. 122–137.— DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-122-137.

2. Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Исторический обзор языковой ситуации в Брюсселе // Филологические науки. Вопросы теории и практики.— Том 14.— Выпуск 2.— С. 484–491.— DOI: 10.30853/phil210026

3. Goetvinck K. Talentellingen: Onderdeel van de volkstelling // Documentatiecentrum Vlaamse Rand, Rand-abc-fiche.— 2009.— Режим доступа: <http://www.docu.vlaamserand.be/node/12920> (дата обращения 07.09.2024).

4. Ryskeboer H. Frans-Vlaams.— Tiel: Lannoo, 2004.— 148 p.

5. De Vijfde Brusselse Taalbarometer // новости VUB.— Режим доступа: [http://www.DeVijfdeBrusselseTaalbarometer\(vub.ac.be\)](http://www.DeVijfdeBrusselseTaalbarometer(vub.ac.be)) (дата обращения 07.09.2024).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ, КОММУНИКАТИВНЫЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

УДК 81'42

Абреу-Фамлюк Виктория Раульевна,

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь, vikyfam90@gmail.com,

НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ: К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЯХ УСТНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В работе рассматриваются ключевые характеристики ядерных жанров устного научного и политического диалога, в частности, научная и политическая дискуссия. Сопоставляются общедискурсивные категории, обуславливающие комплекс коммуникативных и прагматических различий данных видов институционального взаимодействия в зависимости от жанровой специфики и с учетом устной формы общения.

Ключевые слова: институциональная коммуникация, научная дискуссия, политическая дискуссия, кооперативность, полемичность, агональность, оценочность.

Современные исследования дискурса — динамично развивающаяся область знаний, перед которой по-прежнему стоит ряд актуальных задач. Одной из таких задач предстает, с одной стороны, выделение и изучение общедискурсивных категорий, свойственных в той или иной степени каждому типу дискурса, с другой стороны, их сравнительное изучение с учетом жанровой классификации.

Особую важность при анализе политического и научного диалога имеют общедискурсивные категории кооперативности, толерантности, полемичности, информативности, оценочности, рациональности и экспрессивности. При их рассмотрении становятся более очевидными как общие, так и специфические характеристики изучаемых типов дискурса.

Кооперативность трактуется как позитивная направленность коммуникации, установка на избегание конфликтных ситуаций. Как совершенно справедливо отмечает А. С. Букин, кооперативный характер

взаимодействия повышает его эффективность и позволяет упростить процесс достижения общих целей в общении [1]. К проявлению кооперативного поведения относится и недвусмысленное выражение интенций, что, безусловно, едва ли применимо к политической дискуссии. В научной коммуникации кооперативность — это своего рода эталонная характеристика речевого взаимодействия, хотя ряд ученых (Е. В. Соловьянова, Н. В. Соловьева, Е. Г. Задворная и др.) указывают на возможность протекания некооперативных процессов в рамках научного общения. Так, по словам Е. В. Соловьяновой, поведение коммуникантов может становиться менее кооперативным, если преобладает установка «победа над оппонентом любой ценой» [8, с. 91]. Политическая же дискуссия является агональным жанром, в котором противопоставление мнений и конфликтогенность — вариант нормы.

Связанным с кооперативностью понятием можно считать и такую дискурсивную категорию, как толерантность. Н. В. Соловьева говорит о существовании «конструктивного типа», который проявляется в стремлении коммуниканта понять чужую позицию, и «полюемического типа», когда победа над другой стороной и утверждение своей позиции становятся целью в общении. Для научной дискуссии толерантность — основополагающая категория, один из факторов научности коммуникации, в политической же — желательный, но часто не соблюдающийся принцип. В политической дискуссии многочисленны такие проявления нетолерантности, как неадекватные личные интерпретации, передергивание смыслов, акцент на межличностном конфликте, бездоказательность оценки и т. п. [7, с. 59].

Полюемичность — проявление коммуникативной напряженности взаимодействия, которое характерно как для научной, так и для политической дискуссии. Данная категория получает двоякую интерпретацию: одни авторы рассматривают ее как эксплицитное выражение несогласия с партнером по общению [5, 142]. Другие исследователи большее значение в этом понятии придают негативной окраске и деструктивной направленности взаимодействия. Субъекты научной коммуникации способны прибегать к открытой конфронтации в случае, например, желания опровергнуть слова оппонента. Тогда важным фактором представляется аргументированность речи и наличие собственных тезисов по данному вопросу, в противном случае такое противостояние лишено рациональности и научной направленности. Если говорить о политической дискуссии (особенно дебатах между поли-

тическими оппонентами), то полемичность проявляется как «сублимация агрессивности» [3]: коммуниканты нарушают нормы публичной коммуникации, пренебрегают принципами кооперативности и вежливости. В отсутствие грамотной модерации политическая полемика может превратиться в «словесную перепалку». В то же время, в процессе дебатов кандидатов-политиков неумение корректно среагировать на некооперативное поведение может стать причиной поражения в предвыборной схватке.

Информативность предстает как неотъемлемая дискурсивная категория для научного диалога, а для политической дискуссии она релевантна, но, в сущности, не обязательна. Согласно Ч. Моррису, научный дискурс «десигнативно-информативный», а значит называет объекты действительности такими, какие они есть, и лишен инцидивности, а политический дискурс относится к «прескриптивно-валюативным», предписывающим определенное поведение и оценивающим действия [4, с. 124–133]. Научная коммуникация по определению информативна, однако возможны ситуации потери информативности в репликах некоторых участников научного диалога, а именно в ситуациях, когда коммуникативный запрос собеседника остается неудовлетворенным (безусловно, такого рода ситуации крайне нежелательны в рамках научного взаимодействия) [12]. Политическая коммуникация характеризуется специфической информативностью, не верифицируемой критериями истинности / ложности: не столь важны факты, как важен способ их представления и итоговая интерпретация. Е. И. Шейгал отмечает, что в политическом дискурсе фатика преобладает над информативностью [14].

В равной степени в обоих типах дискуссии представлена категория оценочности. Однако способы выражения оценки довольно четко дифференцируются: они убедительны и аргументированы в научной коммуникации, а в политической — часто бездоказательны и субъективны. Кроме этого, можно говорить об отличиях в арсенале оценочных стратегий и тактик: в научном диалоге используются тактики маскировки и деинтенсификации критики, тактики позитивной презентации оппонента и тактика самокритики [11]. В агональном политическом диалоге оценка специфична: по замечанию М. А. Ягубовой, «оценочное высказывание иногда ярче характеризует субъект оценки, чем ее объект» [15, с. 118]. Это связано с тем, что для политика важно не только и не столько взаимодействие с оппонентами,

сколько оказание влияния и воздействия на общественное мнение и широкую аудиторию электората. Примечательно, что неграмотный выбор аксиологических средств способен продемонстрировать невысокий культурный уровень политического деятеля.

Рассмотренная категория оценочности связана с рациональностью речи. Е. М. Вольф, О. Н. Касторнова делят оценку на рациональную и эмоциональную [9, с. 236]. В таком случае в рамках научной дискуссии ожидаемы и предпочтительны рациональные способы выражения оценки, а эмоциональные суждения недопустимы. К политической речи применима иная характеристика — «фидеистичность» как опора на подсознательное, иррациональное [14, с. 74]. Речь политика апеллирует к эмоционально-чувственному и бессознательному в гораздо большей степени, нежели к логическому и рациональному.

Рациональности и информативности в некотором смысле противопоставлена категория экспрессивности. По справедливому замечанию Е. М. Галкиной-Федорук, «экспрессивность гораздо шире эмоциональности в языке. Экспрессия — это усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного» [2, с. 107]. Эта категория находит свою реализацию даже в письменных текстах научной направленности. Тем не менее следует отметить, что эмоциональность научного текста имеет пределы, поэтому уместнее будет понятие «нейтральной экспрессивности», т. е. «усилении выразительности речи без участия эмоциональных средств» [10, с. 74]. В целом, данная категория получает более яркое выражение в устной форме диалогической коммуникации, причем это справедливо как для научной, так и для политической речи. В политической дискуссии средства экспрессивности речи весьма востребованы, и это связано с целью коммуникации: оказанием сильного эмоционального воздействия и убеждением. Еще Г. Е. Почепцов писал «политика намного более эмоциональна, чем рациональна <...>» [6, с. 360].

Таким образом, рассмотрение общедискурсивных характеристик может быть полезным для выявления частных, но весьма существенных свойств отдельных типов дискурса. Сравнение политической и научной дискуссии как ядерных жанров устной институциональной коммуникации политического и научного дискурса показывает, что одна и та же характеристика имеет градуированный характер и может с большей или меньшей степенью достоверности описывать особенности протекания коммуникации. Безусловно, в той или иной мере все выделенные категории присущи как научной, так и политической

дискуссии. Однако для устной научной дискуссии крайне значимы категории кооперативности, толерантности, информативности и рациональности, для политической — полемичности и экспрессивности. Примечательно, что категория оценочности для исследуемых типов дискуссий релевантна в равной степени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Букин А. С. Проблема некооперативного диалога // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — Т. 1, № 2. — С. 226–232. — EDN SJRFEV.
2. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сб. статей по языкознанию — М.: Высшая школа, 2000. — С. 103–124.
3. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 31–44. — EDN BAZKIF.
4. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. Введение. — Пер. с нем. М. Новоселовой. — Казань: изд-во Казан. ун-та, 2016. — 372 с.
5. Маслова Л. В. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — М., 2007. — 24 с.
6. Почепцов Г. Г. Имиджология. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. — 768 с.
7. Соловьева Н. В. Типы речевого поведения в научном дискуссионном тексте // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2011. — № 1(45). — С. 180–184. — EDN NUQEN.
8. Соловьянова Е. В. Агональность в академическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Соловьянова. — Воронеж, 2019. — 468 с.
9. Старостина Ю. С. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений // Вестник СамГУ, 2007. — № 3. — С. 232–241. — EDN HZUROL.
10. Троянская Е. С. Особенности жанров научной литературы и отбор текстов на различных этапах обучения научных работников иностранного языка // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. — М.: Наука, 1985. — С. 189–201.
11. Чалова О. Н. Информативность научного диалога [Электронный ресурс]. // Вестник ГГУ. — 2017. — № 2. — С. 204–209. — EDN XZCCDB. — Режим доступа: http://vestnik-ggu.ru/doc/chalova28_4.pdf. — Дата доступа: 18.04.2024.
12. Чалова О. Н. Стратегии и тактики научного дискурса // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. — 2017. — Т. 24. — С. 165–170. — EDN YQEBNF.
13. Чернова П. А. Языковая форма и функции полемического высказывания: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чернова Полина Анатольевна. — Санкт-Петербург, 2009. — 20 с. — EDN ZNZLKF.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.0110.02.19. [Электронный Ресурс]. — М.: РГБ, 2005. — Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss/02/0004/020004014.pdf>. — Дата доступа: 09.06.2024.
15. Ягубова М. А. Культурно-речевой аспект оценочной деятельности // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. — Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. — С. 118–126. — EDN XRPCAP.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖАНРОВОЙ РАЗМЕТКИ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСАХ

Статья посвящена кругу проблем современной компьютерной лингвистики, ориентированной на создание крупных текстовых ресурсов. В этой связи автор предлагает методику жанровой разметки параллельного корпуса архивных документов ООН (UN Corpus), основанную на прагма-коммуникативном функциональном анализе основных жанровых образцов и морфолого-синтаксических паттернов исследуемого корпуса.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, жанровое аннотирование, прагма-коммуникативный анализ, электронный корпус текстов, специальная терминология.

Внедрение компьютерных технологий в современную лингвистику привело к созданию многофункциональных электронных корпусов текстов, облегчающих поиск, сбор и анализ языкового и речевого материала, с одной стороны, но в то же время требующих от исследователей выполнения целого ряда задач, с другой:

- 1) разработка алгоритмов ручной и автоматизированной разметки данных текстовых корпусов, терминологических баз и тезаурусов;
- 2) создание методики жанрового, морфолого-синтаксического и прагма-коммуникативного функционального анализа [1, с. 131] текстов специальных и неспециальных корпусов;
- 3) усовершенствование методов качественного и количественного анализа корпусных данных;
- 4) выработка методов автоматического извлечения высокочастотных терминологических сочетаний из специальных текстов.

В современной корпусной лингвистике жанровое аннотирование считается одним из самых сложных видов корпусной разметки, тесно связанным с прагма-коммуникативным анализом. Нередко жанровую разметку осложняет тот факт, что исследователь имеет дело с корпусом текстов не общезыкового, а специального характера. Специальные текстовые корпуса трудно поддаются прагма-коммуникативному анализу, а их базовые жанровые образцы могут носить пограничный характер.

В данной статье представлен опыт описания жанрового инвентаря специального параллельного корпуса архивных документов ООН

(UN Corpus). С целью выявления набора высокочастотных терминов и терминологических сочетаний была применена корпус-менеджер программа AntConc, которая на материале специального корпуса может выступать довольно эффективным инструментом.

Так, по данным корпус-менеджер программы AntConc корпус юридических и дипломатических документов UN Corpus [4] содержит следующие термины с частотой употребления более 1000: *agreement* (5875), *article* (2045), *European* (1805), *party* (1420), *regulation* (1414), *republic* (1349), *lessor* (1209), *commission* (1194), *parties* (1170), *lessee* (1033).

Жанры указанного корпуса реализуют следующие прагма-коммуникативные функции:

- 1) **аргументативная / *argumentative*** (все типы рекомендательных документов): *I am also addressing a most urgent appeal to the international community and every country in it, together with regional and international organizations and humanitarian agencies, to work together in an urgent initiative to provide whatever aid is necessary to save the Rwandan people, our brothers, and to share in the alleviation of this tragedy. Achieving this aim will certainly be easier if the international community takes every step necessary to send to Rwanda <...>, as quickly as possible, an international peace-keeping force...;*
- 2) **информативная / *informative*** (agenda, back-ground paper, leaflet, fact sheet, explanatory note etc.): *Much time was spent in the negotiations on questions related to the scope of the Convention. In that context, a consensus was ultimately reached that in order for the Convention to be effective broad coverage would be needed. In particular, it was deemed critical to include not just United Nations peace-keepers but all the associated personnel that assist missions under United Nations mandates, including associated military contingents, humanitarian-assistance providers, contractors, experts and others...;*
- 3) **директивная / *the function of command*** (administrative instructions, guidelines, information circular, working paper): *Delegations are reminded that, in accordance with the past practice, statements made by individual delegations should not exceed five minutes, and statements made on behalf of a group of States should not exceed ten minutes. Delegates are informed that PaperSmart services will be offered as an additional service for the fifty-eighth session of the Commission. Delegations wishing to circulate their statements electronically through the PaperSmart portal should send a copy of the statement at least one hour in advance...;*
- 4) **аналитическая / *analytical*** (analytical report, analytical review, legal analysis, research, legal study): *The Implications of the Human Rights*

Challenges for the UN Procedures A first observation that follows from the above review of these cases regards the distinction between the more comprehensive sanctions as applied on Yugoslavia in the Bosphorus case and targeted sanctions as applied by UN Security Council Resolution 1267 in the Yusuf and Kadi cases;

- 5) **регулятивная / regulative** (act, amendment, bill, ordinance, protocol, statute, norms): *TRANSITIONAL PROVISIONS: As from the official date of entry into force of the 05 series of amendments, no Contracting Party applying this Regulation shall refuse to grant ECE approvals under this Regulation as amended by the 05 series of amendments. 14.2. As from 20 months after the date of entry into force of the 05 series of amendments to this Regulation, Contracting Parties applying this Regulation shall grant ECE approvals only if the requirements of this Regulation, as amended by the 05 series of amendments, are satisfied.*

Однако UN Corpus содержит ряд пограничных жанров, реализующих несколько прагма-коммуникативных функций одновременно и потому вызывающих трудности при жанровом аннотировании упомянутого корпуса. К пограничным жанрам мы относим *an assessment report* (informative and evaluative functions), *a summary report* (analytical and informative functions), *a memorandum* (regulative and informative functions), *a request* (argumentative and appellate functions), *recommendations* (argumentative and regulative functions), *a conference programme* (informative function and the function of command).

Мы полагаем, что анализ экстра- и интратекстуальных свойств [3, с. 25] пограничных жанровых образцов корпуса, а также их дискурсивных маркеров [2, с. 36] позволяет создать более эффективную методику жанрового аннотирования специальных корпусов. К *экстратекстуальным свойствам* того или иного жанрового образца, как правило, относят реализуемый им набор прагма-коммуникативных функций, а также специфичную коммуникативную ситуацию, тогда как *интратекстуальные свойства* представляют собой собственно лингвистические особенности жанра: его частеречные характеристики, лексические (метафоры и сравнения, официальные клише и специальную терминологию, модальные глаголы, принадлежащие различным смысловым группам (*necessity verbs, possibility verbs, suasive verbs*) и др.) и морфолого-синтаксические характеристики (экспрессивные синтаксические конструкции, риторические приемы аргументации, разнообразные средства логической организации текста, сложные

предложения с сочинительным, подчинительным и бессоюзным видами связи, адвербиальные сочетания). Дискурсивные маркеры, выполняющие дискурсообразующую функцию, также представляют собой важный показатель в процессе определения принадлежности текста к той или иной тематической сфере корпуса и выявления его жанровых характеристик.

Таким образом, разработка приемов жанрового аннотирования входит в комплекс перспективных задач компьютерной лингвистики, ориентированной на создание машинного алгоритма автоматизированной жанровой разметки электронного корпуса текстов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Балашова Е. Ю.* Приемы жанрового аннотирования англоязычного корпуса архивных документов ООН // Языковое сознание. Речевая коммуникация: материалы междунар. науч. конференции, посвященной памяти проф. В. Е. Гольдина (14–16 октября, 2020, СГУ, Саратов). — Саратов: ИЦ «Наука», 2020. — С. 130–136. — EDN OIMBDN.

2. *Молодкин А. М.* The semantic-pragmatic features of English multifunctional adverbials in spoken discourse of the courtroom participants: theoretical frameworks and translation strategies // Язык науки и профессиональная коммуникация. — 2023. — № 1(8). — С. 35–44. — DOI:10.24412/2658-5138-2023-8-35-44.

3. *Lehberger J.* Sublanguage analysis // Grishman R., Kittredge R. Analyzing language in restricted domains: sub-language description and processing. — New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. — P. 19–38.

4. *UN Corpus* — Режим доступа: URL: <https://www.sketchengine.eu/united-nations-parallel-corpus-unprc/> (дата обращения 29.08.2024).

УДК 81'42+811

Баранова Ольга Игоревна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, oska_1965@mail.ru,

Воскресенская Ирина Никитична,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, ir.v@mail.ru.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСА

В статье рассматриваются факторы, влияющие на формирование и реализацию дискурса, анализируются проблемы, возникающие в ходе коммуникации представителей разных языковых культур, и характеристики, призванные обеспечить успешную коммуникацию.

Ключевые слова: дискурс, гипертекст, метасмыслы, метафоричность, коммуникация, контекст, лингвокультурология.

Многообразная, многоязычная и многоотраслевая среда, в которой находится в настоящее время человек, благодаря процессам глобализации и информационной конденсации, ставит перед ним проблемы, связанные с адекватным выражением и пониманием информации, в связи с чем возникает необходимость крайне внимательно рассмотреть составляющие данных языковых видов деятельности.

В различного рода дискурсивных практиках человек использует текстовый материал, который может различаться по форме — о устный / письменный, стилю — разговорный / научный и т. д., использованию того или иного языка. Это видимые составляющие, которые предполагают определенный лингвистический набор инструментов и строятся по определенным правилам.

В настоящее время современное состояние и уровень развития когнитивного аппарата человека предполагает развертывание дискурса по правилам гипертекста, который представляет собой сложное, нелинейное образование. В процессе коммуникации гипертексты взаимодействуют друг с другом, и, соответственно, чтобы обеспечить адекватную передачу и адекватное восприятие информации, необходимо руководствоваться определенными критериями.

В данной статье авторы выделили ряд существенных характеристик дискурса, влияющих на понимание и восприятие текста и, следовательно, обеспечивающих успешную коммуникацию, а именно, количество информации, качество гипертекста, метафоричность и наличие метасмыслов.

Неадекватно сбалансированное **количество информации**, предоставляемое гипертекстом, приводит к перегруженности информацией и вследствие этого, к трудностям восприятия или даже к искажению смысла воспринимаемого текста. С другой стороны, определенный дисбаланс языковой информации — перегруженность или недостаток может также возникнуть вследствие неумелого пользования языковыми синтаксическими и лексико-грамматическими средствами. [3, p.112] Следует также добавить, что количественный аспект зависит от конкретного языка, и это оказывается чрезвычайно важным, когда мы транслируем свою информацию на иностранном языке или при переводе текста с иностранного на родной язык.

Качество гипертекста определяется как содержанием самой информации, так и соблюдением правил его порождения, то есть знанием грамматики, синтаксиса, правил построения предложения, специфики порядка слов, лексического состава, использования стилиобразующих средств. Соответственно, сознательное и правильное употребление языковых средств — залог корректного и комфортного восприятия информации слушателем. Заметим также, что линейное развертывание мысли — это не просто структура предложения. Это структура, которая зависит от грамматики языка, актуального членения предложения, различного рода модальных оттенков, интонационного оформления. Все эти аспекты не являются голыми составляющими, они взаимосвязаны и взаимозависимы. В русском языке, например, различные интонационные конструкции влияют на актуальное членение и логическое ударение, в результате чего одно и то же предложение может иметь совершенно разный смысл. В китайском языке интонация имеет еще и словоразличительную функцию. Все это включается в творческий процесс, протекающий и оформленный в определенной коммуникативной ситуации — дискурс, предполагающий наличие определенных участников, представляющих собой, с одной стороны, представителей разных языковых культур, а с другой стороны, отдельных языковых личностей, что приводит к возникновению метасмыслов [2, р. 35].

Современные лингвисты выяснили, что 40% информации, которая сопровождает устную или письменную речь — не высказывается, а подразумевается, то есть не передается средствами прямой коммуникации. В этом заключается **метафоричность** языка. Именно метафоричность делает текст «понятным для представителей одной культуры / или субкультуры, или языковой личности, и непонятным для представителей другой» [1, с. 23]. С одной стороны, неосознанное владение языком приводит к тому, что человек в жизни не замечает метафор и метасмыслов, и не отдает себе отчет в том, как он сам ими пользуется. Неверное же восприятие метасмыслов может привести к неадекватному пониманию текста и искажению информации, что порождает проблему ее недостоверности. С другой стороны, это могут быть сознательно примененные потаенные, скрытые средства, которые могут воздействовать на психику, и тогда мы приходим к проблеме манипулирования и намеренного распространения ложной информации или фейков.

На реализацию дискурса оказывает влияние и культурный контекст. Безусловно, сам язык содержит немало средств кодирования культурных смыслов, и является богатейшим источником информации о культуре народа. Без знания культурного контекста понимание дискурса может остаться на уровне локальной связности [4, р.146]. Понятие культурного контекста связано с количеством вербальной (материально высказанной) и невербальной информации, которая требуется для понимания гипертекста. Следовательно, именно от понимания контекста зависит способность понимать и, соответственно, порождать и передавать метасмыслы.

Таким образом, в языке культурный контекст заключен в метафорах. Язык метафоричен, и каждая культура несет с собой свои метасмыслы, понять которые — задача участников коммуникации. Однако, при неосознанном пользовании языком эта информация оказывается скрытой для говорящего даже при достаточно профессиональном владении.

Возьмем в качестве примера развертывание деловой и научной коммуникации представителями различных культур на языке международного общения. Свой культурный контекст участники такой коммуникации будут переносить и на свое поведение, и на свою речь. Таким образом, английский язык, являющийся по сути языком представителей скорее низкоконтекстной культуры, будет использоваться представителями культур с иной степенью контекста, и это будет увеличивать метафоричность гипертекста, с одной стороны, а с другой, повышать уровень перегруженности информацией, перенасыщенности языковыми средствами, подробностями и объяснениями, поскольку этого может потребовать культурный контекст коммуниканта.

Поэтому, большинство ошибок в коммуникации связано именно с материальной реализацией высокого и низкого контекста в разных языках, как на структурно-грамматическом уровне текста, так и на уровне восприятия метасмысла. Наиболее распространенными категориями, представляющими трудности в адекватном выражении и понимании, являются ситуативность грамматики, языковая компрессия, категория определенности / неопределенности, категория вежливости, степень эмоциональности и прочие выражения модальности.

Понятие культуры и культурного контекста является, по сути дела, основополагающим, поскольку оно пронизывает абсолютно все уровни человеческого общения от национальной культуры до отдельного

человека, так как каждый человек также представляет собой конкретную языковую личность. Соответственно, адекватное восприятие партнера по общению и корректная интерпретация его коммуникативного поведения и метасмыслов в его речи и составляет успех коммуникации. Такому восприятию могут мешать определенные барьеры, наличие которых вполне закономерно для человеческой природы, поскольку действуют они на бессознательном уровне. К ним относятся, например, стереотипизация и ошибка атрибуции, это тоже необходимо учитывать при формировании дискурса.

Таким образом, для формирования дискурса, безусловно, необходима определенная база — знание языка, знания о культуре и культурах, осведомленность о барьерах коммуникации, а также этика общения и эмпатия, которые предполагают желание услышать и быть услышанным, то есть, правильное намерение, которое обеспечит мотивацию к всестороннему изучению языка с целью адекватной реализации дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ./ под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
2. *Chomsky Noam.* How could language have evolved// Bolhuis JJ, Tattersal I, Chomsky N, Berwick R. C. <https://chomsky.info/20140826/> (дата обращения 18.09. 24).
3. *Chomsky Noam.* Reflections on Language. New York: Pantheon Books, 1975. — 269 p.
4. *Hall. E.* Beyond Culture. Knopf Doubleday Publishing Group, 1976. — 295 p.

УДК [81'42+811.111]:316.77

Гурко Виктория Андреевна

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко,
Воронеж, Россия, amory_13@mail.ru

ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ДИСКУРСЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Данная статья посвящена выявлению способов коммуникативного воздействия в дискурсе здорового образа жизни. Материалом исследования послужили тексты британского портала National Health Service, посвященные сезонным проблемам здоровья. В результате анализа были выявлены два типа прагматической цели воздействия в отношении адресата: убеждения и побуждения,

которые реализуются с помощью директивных речевых актов: совета, инструкции и предостережения.

Ключевые слова: дискурс здорового образа жизни, директивные речевые акты, императив, совет, инструкция, предостережение.

Введение. Отказ от табака, алкоголя, наркотиков, соблюдение правильного питания и режима дня, а также дозированная физическая активность во всем мире пропагандируются как основа долгой и счастливой жизни. Эти концепты составляют когнитивную основу дискурса здорового образа жизни (*далее* ЗОЖ), тогда как его прагматической функцией можно считать воздействие на людей с целью популяризации ЗОЖ и, следовательно, изменения их привычек, а также мотивирования людей на улучшение качества их жизни. Осуществление такого воздействия в современном мире наиболее активно и широко происходит в интернете, поэтому именно виртуальные платформы и медиатексты являются важным источником распространения научных медицинских знаний. Именно медиатексты являются одновременно средством и способом профилактики заболеваний и пропаганды ЗОЖ. Другими словами, интернет-опосредованные медиатексты о здоровом образе жизни являются не только ресурсом для получения знаний, но и инструментом воздействия на аудиторию, изменяя её представления о мире. Следовательно, изучение прагматики воздействия в данных медиатекстах является актуальной задачей современной прагмалингвистики.

Целью нашего исследования является выявление способов коммуникативного воздействия на аудиторию в дискурсе здорового образа жизни Великобритании. По нашей гипотезе, выявление и анализ способов воздействия в медиатекстах, посвященных проблемам здоровья, может дать более полное представление о дискурсе здорового образа жизни изучаемой лингвокультуры и о прагматических предпочтениях её носителей. Материалом исследования послужили тексты официального сайта National Health Service — наиболее массового и влиятельного портала Национальной службы здравоохранения Соединенного Королевства. Под речевым воздействием в широком смысле мы, вслед за И. А. Стерниным, понимаем «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [6, с. 45]. Диапазон средств речевого воздействия чрезвычайно широк

и во многом зависит от методологического подхода к их определению, а также от коммуникативной культуры, обуславливающей модели, жанры, нормы коммуникации, различающихся у языковых сообществ [5]. В рамках данной работы мы решили сосредоточиться на директивных речевых актах как на средстве реализации воздействия на адресата в классическом понимании теории речевых актов (ТРА) [2, 4].

Результаты и обсуждение. Одним из ключевых параметров анализа коммуникативного воздействия является прагматическая цель или установка адресанта (*иллокутивная цель* в терминах ТРА), которая подразумевает некое изменение в отношении ситуации, её участников и пр. В дискурсе ЗОЖ мы выделяем по меньшей мере два типа прагматической цели воздействия в отношении адресата:

1) изменения ментального характера, то есть изменения представлений, ценностных установок, мнений адресата о здоровье;

2) изменения физического характера, то есть изменения поведения адресата в отношении своего здоровья, выражающегося в совершении каких-то физических действий или отказе от их совершения.

Обе цели взаимосвязаны, желаемый эффект от их последовательной реализации выражается в изменении поведения адресата в отношении собственного здоровья, то есть принятие ЗОЖ. Прагматическая цель изменений ментального характера соотносится с *убеждением* [3, с. 360], в то время как цель изменений физического характера — с *побуждением* [4, с. 182]. Однако в ряде случаев их сложно разграничить, особенно в случаях, когда грамматические формы прямого побуждения используются в целях изменений ментального характера и наоборот.

В рассматриваемом нами корпусе текстов NHS, посвященных сезонным проблемам со здоровьем, дискурсивная реализация прагматики убеждения и побуждения реализуется с помощью *директивных речевых актов, а именно РА совета, инструкции и предостережения*. Рассмотрим каждую из этих групп.

РА совета

Одним из частотных средств воздействия на читателя являются РА *совета* или *рекомендации*, которые относятся к *суггестивам* (в терминах Е. И. Беляевой [1]) или *адвисивов* (в терминах Н. И. Формановской [7]). Особенность их грамматического выражения в дискурсе ЗОЖ проявляется в форме *императива*, который, как известно, располагается

на периферии нормативных грамматических форм совета в других дискурсах. Рассмотрим следующие примеры.

(1) *Find out more about the flu vaccine* [9]

(2) *Find out more about why vaccinations are important and the safest way to protect yourself* [9]

(3) *Find out more about treating sunburn* [9]

(4) *For more information visit GOV.UK: Beat the heat: staying safe in hot weather* [9]

Как видно из пропозиционального содержания высказываний (1) — (4), все они нацелены на изменение представлений адресата о вакцинации от гриппа, способах лечения солнечных ожогов, о том, как безопасно пережить жару, то есть предполагают расширение знаний адресата о здоровье, что соответствует прагматической цели, обозначенной нами как *изменения ментального характера*.

Данные РА отвечают нескольким прагматическим признакам *совета*, а именно, они исходят от адресата, чей приоритетный статус основан на экспертном мнении или профессионализме, исполнение возлагается на адресата и необязательно к исполнению, результат действия будет благоприятен или бенефактивен для адресата.

Специфика РА совета в дискурсе ЗОЖ проявляется в его инициативной позиции в дискурсе, поскольку адресат его не запрашивал, в категоричном способе грамматического оформления в виде императива, который, возможно, используется для усиления коммуникативного воздействия на адресата.

РА инструкции

Рассмотрим несколько примеров РА, отражающих воздействие на адресата, прагматической целью которого являются изменения физического характера.

(5) *Ask for an urgent GP appointment or get help from NHS111 if your temperature is very high* [9]

(6) *Speak to your GP surgery or specialist if you have a health condition and you're not sure if you're eligible for the flu vaccine* [9]

(8) *Tell the person vaccinating you if you have an egg allergy* [9]

(9) *Check your heating and cooking appliances are safe* [9]

(10) *Apply sunscreen to areas not protected by clothing, such as the face, ears, feet and backs of hands* [9]

Как видно из примеров (5) — (10) предписываемые адресату действия являются частью конкретной ситуации (например, вакцинирование

или пребывание на солнце), правильное поведение (предупредить врача об аллергии, нанести солнцезащитный крем, удостовериться в исправности отопительного оборудования) в которой, способствует сохранению здоровья. На наш взгляд, эти РА можно отнести к *инструкциям*, поскольку они нормативны, т. е. общеприняты и одобряемы в конкретной ситуации, они исходят от адресата, чей приоритетный статус основан на экспертном мнении или профессионализме и их выполнение бенефактивно для адресата.

Специфика РА инструкции в дискурсе ЗОЖ состоит в отсутствии контроля у адресанта над выполнением действия, а также наличии у адресата свободы выбора. В иных контекстах оба эти фактора обычно нехарактерны для РА инструкции. Однако в дискурсе ЗОЖ невыполнение действия очевидно ведет к негативным последствиям для здоровья адресата, что, возможно, усиливает коммуникативное воздействие.

РА предостережения

Следующая группа директивных РА представляет собой *предостережения*.

(11) *Be aware of anti-vaccine stories* [9]

(12) *Always get your vaccine and health information from trusted sources, such as the NHS or World Health Organisation (WHO)* [9]

(13) *Do not rely on sunscreen alone to protect yourself from the sun* [9]

(14) *Do not spend any longer in the sun than you would without sunscreen* [9]

Выделение данных РА представляет определенную сложность, так как с одной стороны, они обладают многими прагматическими признаками совета, например (11), (12), а с другой, пересекаются с РА запретом. Мы относим данные высказывания к предостережениям во многом основываясь на их *превентивной семантике* [8], заключающейся в привлечении внимания адресата к потенциальному вреду для здоровья, который может наступить в случае выполнения или невыполнения указанных действий. Отметим, что предписываемые действия могут быть как ментального характера, например, критически относиться к историям анти-ваксеров (11), получать информацию о вакцинации только из проверенных источников (12), так и предостерегать от физических действий, например, не находиться на солнце (14). В любом случае, наступление неблагоприятных последствий для здоровья либо эксплицируется в контексте РА, либо имплицитно, так как относится к общему знанию.

Императивная конструкция в данных высказываниях грамматически оформляется как положительная (do) или отрицательная (don't do), что является прямым эксплицитно выраженным способом коммуникативного воздействия на адресата. Спецификой РА предостережения в дискурсе ЗОЖ является использование положительных форм императивов, а также особым выбором лексических средств, например, предикат 'be aware' или наречие 'always', усиливающих коммуникативное воздействие на адресата.

Выводы. Наше исследование посвящено изучению способов коммуникативного воздействия на аудиторию в дискурсе ЗОЖ Великобритании на материале текстов портала NHS. В данной работе были рассмотрены и проанализированы лишь отдельные директивные РА, а именно РА совета, инструкции и предостережения. РА совета реализуют такую прагматическую цель как изменение ментального характера; само действие является необязательным к исполнению; его результат будет бенефактивен для адресата. Прагматическая цель РА инструкции — это изменение физического характера; результат будет также благоприятен для аудитории. Комбинирование этих целей осуществляется в РА предостережения, определение которых основано на превентивной семантике их пропозиции. У каждого РА в дискурсе ЗОЖ есть своя специфика. В контексте РА совета — это их инициативность, для РА инструкции свойственны свобода выбора у адресата, отсутствие контроля у адресанта над выполнением действия и вероятность негативных последствий при их невыполнении, а для РА предостережения — привлечение внимания адресата к потенциальному вреду для его здоровья. Для усиления коммуникативного воздействия на аудиторию во всех видах используется грамматическая форма императива, а в РА предостережения добавляются предикат 'be aware' или наречие 'always'.

В заключении укажем, что результаты этой работы являются предварительными, изучение коммуникативного воздействия дискурса ЗОЖ будет продолжено в наших дальнейших исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. — Воронеж. Изд-во ВГУ, 1992. — 168 с.
2. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Сборник. Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1986. — № 17. Теория речевых актов. — С. 22–129.

3. *Правикова Л. В.* Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 1–2(79). — С. 359–362. — EDN VTXSJF.

4. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Сборник. Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1986. — № 17. Теория речевых актов. — С. 170–194.

5. *Стеблецова А. О.* К исследованию национальных деловых коммуникативных культур // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2004. — № 2. — С. 89–95. — EDN PILZWX.

6. *Стернин И. А.* Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. — 178 с.

7. *Формановская Н. И.* Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. — 1994. — № 5–6. — С. 34–40.

8. *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. 2-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС. — 2002. — 272 с.

9. *The NHS website.* Seasonal health. URL: <https://www.nhs.uk/live-well/seasonal-health/> (дата обращения: 30.07.2024)

УДК [81'42+811.111]:316.77

Дашевская Анастасия Иосифовна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, arago@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ (HATE SPEECH) В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ X, ПОСВЯЩЕННОМ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМУ КОНФЛИКТУ

В статье рассматриваются некоторые особенности языка вражды (hate speech), применяемого в дискурсе социальной сети X (Твиттер). Одними из разновидностей языка вражды являются делегитимизация и демонизация оппонента, примеры которых проанализированы в статье. Кроме того, описаны некоторые отличительные особенности дискурса в рамках данного конфликта.

Ключевые слова: язык вражды, дискурс, антилокуция, демонизация, делегитимизация.

Термином «язык вражды» (hate speech) принято обозначать разновидность вербального поведения и других коммуникативных действий, которые умышленно «выражают сильную антипатию к какой-либо группе или к индивиду на основании принадлежности к какой-либо группе» по этническому, религиозному или половому признаку [7, с. 703]. Язык вражды включает в себе идею о том, что поводом для

неуважительного (презрительного) отношения к людям является принадлежность их к определенной, стигматизированной в определенных сообществах социальной группе. Считается, что целью участников коммуникации, использующих язык вражды, является унижение достоинства тех, против кого он направлен, и снижение их статуса в глазах общества [8, с. 5].

Американский психолог Гордон Олпорт ввел понятие «антилокуция», которое определяется как высказывание, построенное из элементов языка вражды (hate speech) [1, с. 145]. Антилокуции передаются в устной форме или в рамках неформального дискурса.

Дискурс вражды определяется как коммуникативные отношения противостояния в рамках политического контекста, участники которых могут состоять в них длительно [3, с. 28]. Коммуникация, построенная на предубеждениях и дискриминации (Prejudiced and Discriminatory Communication), часто основывается на стереотипных когнитивных схемах и дискриминационных интенциях по отношению к определенным социальным группам. Авторы сообщений-антилокуций, как правило, идентифицируют себя с определенной ингруппой (национальность, религиозное сообщество и т. д.) и, опираясь на ее явную или имплицитную поддержку, делают выпады против членов аутгрупп (представителей социальных групп, с которыми они себя не ассоциируют и которым себя противопоставляют). Язык вражды нередко присутствует в сообщении имплицитно, поэтому далеко не все антилокуции такого рода удаляются модераторами из комментариев в соцсетях.

В рамках данного исследования были изучены антилокуции, содержащиеся в сообщениях пользователей сети X (Твиттер), посвященных новому витку палестино-израильского конфликта. Текущая фаза противостояния началась 7 октября 2023 года, когда члены террористической группировки ХАМАС напали на посетителей музыкального фестиваля «Нова» и на приграничные израильские поселки. В результате теракта погибли не меньше 1200 человек, из них 779 человек — гражданские лица; кроме того, 251 человек были захвачены в качестве заложников [6]. Эти события, как и последовавшая за ними военная фаза противостояния, спровоцировали широкую полемику в соцсетях, которая активно продолжается в настоящее время.

Взаимная стереотипизация образов обеих наций продолжается десятилетиями. Мария Еленевская и Лариса Фиалкова в 2004 году провели исследование на основании интервью с репатриантами из

стран бывшего СССР и анализ арабских СМИ того же времени. Результаты исследования показали, что «образ врага» формировался у обеих наций десятилетиями [9, с.80]. За это время как в иврите, так и в арабском языке появились эвфемизмы для представителей нации-«антагониста»; один из примеров — ироничное выражение «наши кузены», применяемое в отношении арабов как в иврите, так и в русском языке репатриантов. При этом важно отметить, что отношение израильтян к израильским арабам за прошедшие 20 лет изменилось в положительную сторону, в том числе потому, что многие из них осудили события 7 октября и воюют в рядах Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ). Таким образом, неприязненное отношение израильтян направлено сегодня против жителей сектора Газа и находящейся у власти в автономии группировки ХАМАС.

В рамках данного исследования были рассмотрены 650 комментариев к постам в сети X, опубликованным с июня по сентябрь 2024 года. Посты представляли собой новостные сообщения о различных событиях военного противостояния, авторы которых занимали позицию одной из сторон конфликта. Для исследования были выбраны англоязычные комментарии, оставленные пользователями, не живущими непосредственно в конфликтующих странах (то есть жители США, Канады, Австралии, Ирака, России, Великобритании, Египта, Турции и некоторых других стран). Комментарии были распределены по группам, соответствующим двум из разновидностей языка вражды: делегитимизации и демонизации.

Делегитимизация [1, с. 145], или отказ группе в праве на существование в той категории, к которой она себя причисляет, наблюдалась практически во всех текстах. Палестина в подавляющем большинстве (не менее 90%) произраильских текстов называется Газой; таким образом подтверждается нежелание не только израильтян, но и сочувствующих им жителей других стран признавать существование Палестинского государства (официально оно признано 147 государствами-членами ООН из 193 [2]). В сообщениях произраильской группы чаще, чем в сообщениях пропалестинской группы, использовались слова-этнофолизмы (e. g. fallostine, palistain). В пропалестинских текстах также используются этнофолизмы (e. g. pissrael); кроме того, название государства Израиль либо пишется со строчной буквы, либо с намеренными искажениями (israel, isreel). В подавляющем же большинстве текстов этой группы Израиль

называется Палестиной с цитируемой делегитимизирующей фразой *free Palestine from the river to the sea*. К делегитимизирующей лексике, как представляется, можно отнести и частые (не менее 70% пропалестинских микротекстов) упоминания «израильской оккупации» Газы (Израиль полностью вышел из Газы в 2005 году [4]).

Демонизация в изучаемом дискурсе выражена не менее ярко, чем делегитимизация. В изученных примерах этот прием чаще встречался в пропалестинских микротекстах и выражался прежде всего, в наименовании израильтян нацистами (орфография оригинала здесь и далее сохранена):

So what is the real number of civilians killed by you Nazi?

Israel is lost to fascism,

а также в приписывании им преступлений, часто не подтвержденных документально:

No actually — all the death and birth data is directly transmitted to the Zionist rapist colony...

Действия Израйла определяют как геноцид подавляющее большинство пропалестинских комментаторов (не менее 90%):

Don't apologize for your tip o apologize for your lies and genocide support.

Однако обвинения оппонентам в геноциде выдвигают и произраильские комментаторы:

Anyone who supports terrorists and/or a supposedly "free Palestine from the river to the sea", which is really a call for GENOCIDE against 10 million Israelis...

Важно также отметить эволюцию понятия «сионизм», в силу которой изменилась семантика обозначающего его термина, и он стал восприниматься как пейоративный. 24 сентября 2024 года Колумбийский университет (США) внес изменения в свои антидискриминационные директивы. Согласно этому документу, слово «сионист» теперь воспринимается как уничижительное и расценивается как оскорбление [5]. Примеры, подобные этому (*zionism is the cult of the devil*), встречались в изучаемых текстах не менее 20 раз.

Помимо этих доминирующих категорий, язык вражды в описываемом дискурсе представлен в форме аналогий (*Today's Nazi Germany is Zionist Israel and Hitler is Netanyahu. There is no difference*) и аллюзий (*If you don't have the facts, pound the table*), а также антилокуций оскорбительного характера в отношении интеллектуальных или лингвистических способностей собеседника, которые в равной степени встречались в текстах обеих исследуемых групп: *Another remark from the peanut gallery.*

Is your Iq your shoe size (от израильского комментатора), *You are lower than dirt* (от палестинского комментатора). Степень оскорбительности таких сравнений понятна, если вспомнить отношение ислама к грязи.

Встречалось использование эвфемизмов не с целью завуалирования неприятных реалий, а, наоборот, акцентирования внимания на них (в микротекстах израильских комментариев, посвященных уничтожению лидеров «Хезболлы»). Явный пейоративный посыл таких текстов позволяет причислить их к языку вражды. Таких примеров в исследуемой выборке было 38: *...glad the boys and girls of the IDF [Israel Defense Forces. — А.Д.] unalived him; Fuad Shukr is no more. He has ceased to be. He's expired and gone to meet his maker. Bereft of life, he's kicked the bucket, shuffled off his mortal coil and joined the choir invisible. He's an ex-terrorist!*

Кроме того, приблизительно 5% комментариев представляли собой невербальные антилокуции — например, карикатуры, изображающие представителей противоборствующих сторон и их лидеров в виде животных, которые считаются этой стороной нечистыми.

Подводя итог исследованию, хочется отметить, что язык вражды находится в прямой зависимости от ситуации, в которой он используется. Спектр применения различных языковых средств зависел от степени владения английским языком (например, эвфемизмы с оскорбительным посылом использовались носителями языка; участники дискуссии, для которых английский является иностранным языком, чаще использовали этнофолизмы и обсценную лексику). Язык вражды стремительно меняется, поскольку обсуждаемые события вызывают эмоциональный отклик у очень многих людей, и представляет интересный материал для изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гладилин А. В.* Язык вражды в традиционных и новых медиа. — Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 21(312). — С. 144–153. — EDN RСАКМХ.

2. Официальный сайт ООН. — Режим доступа: <https://www.un.org/unispal/ru/history> (дата обращения 25.09.24)

3. *Фурсов К. К.* Дискурс вражды: понятие и современные практики // Дискурс-Пи. — 2015. — № 1(18). — С. 25–30. — EDN TVUCMP. 30 — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-vrazhdy-ponyatie-i-sovremennye-praktiki/viewer> (дата обращения 26.09.24).

4. Britannica <https://www.britannica.com/event/Israels-disengagement-from-Gaza>
5. Haaretz 2024-09-24 Columbia University Update Guidelines: Zionism as Pejorative Term Classified as Harassment. — Режим доступа: <https://www.haaretz.com/us-news/2024-09-24/ty-article/.premium/columbia-university-updates-guidelines-zionist-as-pejorative-classified-as-harassment/00000192-246a-d815-a393-7e7e6c1a0000> (дата обращения 27.09.24).
6. October 7 Crimes against Humanity, War Crimes by Hamas-led Groups. Human Rights Watch official website. — Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2024/07/17/october-7-crimes-against-humanity-war-crimes-hamas-led-groups> (дата обращения 21.09.24).
7. *Simpson R. M.* Dignity, harm, and hate speech // *Law and Philosophy*. — 2013. — Vol. 32. — № . 6. — Pp. 701–728.
8. *Waldron J.* The harm in hate speech. — Harvard University Press, 2012.
9. *Yelenevskaya M. N.* My poor cousin, my feared enemy: the image of Arabs in personal narratives of former Soviets in Israel/M.N.Yelenevskaya, L. Fialkova // *Folklore N115* (1). P. 77–98.

УДК 81'42+811.111

Ефимова Анна Дмитриевна,

¹ Государственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево, Россия, lady-ann2792@yandex.ru,
² Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

ОСМЫСЛЕНИЕ ТЬЮТОРСТВА КАК ФЕНОМЕНА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ*

В данной статье рассмотрены особенности медиапрезентации тьюторства как феномена педагогического дискурса. Установлено, что лингвокультурные и лингвоаксиологические доминанты поведения тьютора определяются глобальными образовательными трендами, в основе которых лежит ценность конкуренции, обуславливающая необходимость постоянно адаптироваться к новым условиям, вследствие чего изменяются нормы педагогического взаимодействия.

Ключевые слова: медийный дискурс, педагогический дискурс, заимствование, тьютор, глобализация.

Изучение лингвокультурных характеристик педагогического дискурса является одним из важнейших направлений лингвистических исследований, поскольку он отражает потребности и запросы общества, а образование как его ключевое понятие «играет исключительно важную роль в любом обществе и на любом этапе его развития» и «на-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00509, <https://rscf.ru/project/23-28-00509>.

ходит множественное воплощение в языковой семантике и коммуникативной практике» [1, с. 3]. Педагогический дискурс подвергается влиянию ценностей англоговорящих стран, воплощающихся в общемировых образовательных трендах. Ценности и ориентиры западной системы образования передаются через заимствованные единицы, пришедшие из английского языка, которые адаптируются к особенностям педагогического дискурса в России.

В данной статье мы рассмотрим изменение лингвокультурных характеристик педагогического дискурса под влиянием процесса глобализации на примере изучения типажного заимствования «тьютор», его концептуальных признаков и оценочных квалификаций.

Отметим, что в научных работах описываются лингвокультурные характеристики педагогического дискурса. Так, В. И. Карасик выделил цели педагогической коммуникации; участников; хронотопические параметры; ценности, нормы и традиции; коммуникативные жанры и стратегии [4].

Цель образования — это вхождение человека в общество через освоение норм и эталонов культуры. Обучение, социализация человека в обществе происходило путем постепенного восхождения ученика под руководством учителя — от незнания к знанию. Учитель-педагог-«детоводитель» в течение многих столетий был основным проводником в мире знаний. На протяжении веков основной функцией образования было обеспечение стабильности общества через передачу знаний и «просвещение», многократное воспроизведение моделей поведения, принятых в обществе: «Учитель вел к цели, вводил в культуру в однолинейной перспективе, просвещал, транслируя знания, умения и навыки» [5, с. 38]. Многополярность и неустойчивость современного мира ведут к тому, что важна не стабильность, а умение адаптироваться. Фактором, влияющим на необходимость введения профессии тьютора, является конкуренция за качество образования в связи с появлением «рынка образовательных услуг», определяющего образ мышления современного человека.

Можно утверждать, что изменение запросов общества и целей образовательной системы, требований к личностным качествам человека, умениям и навыкам, которыми он должен обладать, определяют трансформацию педагогических профессий.

Лингвоаксиологические и лингвокультурологические доминанты поведения тьютора определяют используемые им в педагогическом

процессе стратегии взаимодействия, формы и методы работы. При этом в медийном дискурсе происходит постоянное сопоставление характерных поведенческих паттернов учителя и тьютора, на основе которых выявляются основные приоритетные ценности педагогического общения и модели взаимодействия, отражающие потребности общества и образовательные тренды: «Учитель передает знания и опыт, тьютор — сопровождает человека на пути к его образовательным и жизненным целям через процесс индивидуализации» [3]. В данном контексте показано, что подвергается критике сложившаяся коммуникативная практика в традиционной педагогике, основанная на авторитарном стиле взаимодействия и жестком контроле учащихся, которая противопоставляется адаптации к конкретным педагогическим условиям. Сам формат передачи знаний от учителя к ученику устаревает в связи с многообразием источников информации и доступностью данных, которые можно получить в один клик и обуславливает необходимость поиска новых методов работы.

В медийных текстах получают дискурсивное воплощение такие особенности поведения тьютора, как умение находить общий язык с воспитанниками, ориентация на цели ученика, его интересы, достигаемые с помощью особых форм и методов воздействия, например, сократовской (эвристической) беседы и групповой работы. Положительно оцениваются используемые тьютором стратегии поддержки, мотивации, опоры на внутренние ресурсы ученика: «Задача тьютора — методом сократовской беседы, путем поддержки, за счет совместной работы над различными ресурсами, привести его к самостоятельному решению» [2], в то время как отрицательные коннотации приобретает соблюдение учителем строгой дисциплины. Таким образом, противопоставляются доброжелательность, умение быть другом и помощником ребенку и требование от ребенка полного подчинения.

Примеры показывают, что негативно воспринимаются устоявшиеся модели поведения, связанные с чрезмерной опекой ребенка. Самостоятельность воспринимается как необходимая черта современного человека, формированию которой необходимо уделять внимание используя определенные способы и стратегии взаимодействия: «процесс сопровождения можно организовать по-разному. Например, можно опекать ребенка, контролируя его действия или даже совершая их за него, а можно идти рядом, обеспечивая его безопасность, позволяя ребенку быть самостоятельным, даже если он совершает ошибки» [3].

Контексты показывают, что для тьютора важно абстрагироваться от оценок ученика, его ошибок, проблем с дисциплиной, увидеть личность с ее талантами и ресурсами и принять ее: *«Это независимые значимые взрослые, которые приходят в жизнь детей и принимают их с чистого листа»* [2]. Таким образом, не одобряется восприятие тьютором подопечных с точки зрения их оценок и дисциплины, подчеркивается важность поддержки и развития личности ребенка с опорой на его интересы и возможности с целью помочь реализовать задумки и планы.

Важнейшая задача тьютора — разрешение конфликтов и достижение согласия в семье с помощью стратегий убеждения, конструктивного диалога. При этом тьютор старается защитить позицию ребенка, примирить его с родителями, показать достоинства, объяснить его интересы. *«Мы учим подростков прислушиваться к мнению родителей, с уважением относиться к нему, а родителей принять тот факт, что их дети повзрослели и не получится прожить жизнь за них, но можно поддержать и помочь достичь тех целей, которые они сами перед собой поставили»* [2]. Деструктивными становятся стратегии взаимодействия, которые провоцируют споры и конфликты в семье, конструктивным можно считать поведение, когда в процессе диалога стороны проявляют взаимное уважение, младшие прислушиваются к мнению старших, старшие учитывают пожелания младших.

В зависимости от возраста подопечных организационные формы взаимодействия и методы работы могут различаться, тьютор может проводить дополнительные занятия, индивидуальные беседы, помогать в исследовательской и проектной деятельности, организовывать встречи, стажировки, привлекать к выполнению различных видов деятельности: *«В основной школе под руководством тьютора происходит «окультуривание» познавательных интересов за счет проектирования, исследовательской и творческой деятельности, а в старшей — их социальная реализация, когда на основе приоритетных интересов подростков организуются стажировки, пробы, которые потом могут обсуждаться с тьюторами»* [3]. Результатом применения совокупности стратегий, форм и методов взаимодействия с учащимися становится развитие познавательных способностей обучающихся, воспитание независимой, сильной, ответственной личности, которая становится полезным членом общества, находит свое место в жизни. Особым моментом в деятельности тьютора становится вовлечение детей в те виды деятельности, которые позволяют развивать нравственные качества сострадания, сочувствия, сопереживания.

Сделаем вывод, что соревновательность как основная ценностная доминанта глобализации и необходимость постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям определяют используемые тьютором стратегии взаимодействия с тьюторантом, а также формы и методы работы, которые отражают мировые образовательные тренды, и позволяют достичь педагогические цели и развить важные качества современного человека. Можно констатировать, что изменяются нормы педагогического общения и особенности организации образовательной деятельности, поскольку вставшие перед образованием задачи невозможно решить через традиционные форматы взаимодействия в рамках классической педагогики, ориентированной на результат как выполнение установленного алгоритма действий и достижение определенного уровня знаний. Авторитарный стиль общения, использование командного тона, давление на ребенка, навязывание своей, с одной стороны, и, с другой стороны, гиперопека воспринимаются социумом в негативном ключе. Как деструктивное поведение в педагогическом дискурсе рассматривается поведение, которое провоцирует конфликты в коллективе или между детьми и родителями, а также может причинить вред ребенку и стать источником психологической травмы. Отрицательную оценку получают формы работы тьютора, которые могут вызвать отторжение или насмешки сверстников тьюторантов. Также отрицательно воспринимается отношение тьютора к детям на основании их оценок, рейтинга, дисциплины, выбора престижного ВУЗа. Соответственно, как конструктивное поведение рассматривается открытость тьютора к диалогу, поиск индивидуального подхода и стратегий, позволяющих учитывать потребности и особенности ребенка и формировать доверительные, партнерские отношения с воспитанником. Положительно оценивается поддержка и защита интересов ребенка, помощь в преодолении сложностей, стимулирование самостоятельности, инициативности и познавательного интереса. Важным в работе тьютора становится понятие самоопределения, которое позволяет учащемуся найти свое призвание. Приоритетом становится ценность личности, уважительное отношение к ней и к ее выбору.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Альмова Е. В.* Лингвокультурологическая модель концепта «образование» в национальном самосознании: диссертация... кандидата филологических наук: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Альмова Екатерина Владимировна; [Место защиты: Саратов. гос. акад. права].— Саратов, 2007.— 24 с.

2. *Дашковская О.* Тьютор — это значимый взрослый, который помогает ребенку принять самостоятельное решение [Электронный ресурс] — 13.06.2023.— Режим доступа: https://vogazeta.ru/articles/2023/6/13/quality_of_education/23018-tyutor_eto_znachimyy_vzroslyy_kotoryu_pomogaet_rebenku_priyat_samostoyatelnoe_reshenie (дата обращения 03.03.2024).

3. *Дашковская О.* Человек рождается с крыльями. Тьютор лишь помогает ему взлететь [Электронный ресурс] / О. Дашковская // Вести образования: [сайт]. — 04.12.2023.— Режим доступа: https://vogazeta.ru/articles/2023/12/4/quality_of_education/24229-chelovek_rozhdaetsya_s_krylyami_tyutor_lich_pomogaet_emu_vzletet (дата обращения 03.03.2024).

4. *Карасик В. И.* Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник Московского городского педагогического университета. — Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2023. — С. 118–129. — DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10.

5. *Чиркова Н. В.* «Тьютор» versus «учитель»? // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2009. — № 2(80). — С. 38–41. — EDN KDRMPH.

УДК 81'42+811.111

Киселева Светлана Владимировна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, svkiseljeva@bk.ru,

Полякова Светлана Евгеньевна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, poliakova2106@mail.ru,

КОНЦЕПТ «БЕЗРАЗЛИЧИЕ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИДИСКУРСЕ

В статье рассматривается ситуативная прагматика средств реализации концепта «безразличие» в политическом дискурсе СМИ. Показано, что в русском языке лексические единицы «безразличие» и «неважно» являются универсальными репрезентантами концепта «безразличие». В русскоязычных СМИ данные единицы используются как для передачи нейтральной и крайней степени безразличия, так и для выражения озабоченности и беспокойности чем-либо.

Ключевые слова: безразличие, оценка, дискурс СМИ, прагматика.

Безразличие — это особое ментальное состояние, при котором человек в связи с отсутствием эмоций и интереса становится равнодушен ко всему окружающему миру. Каждая оценка основывается на прошлом опыте, знаниях и идеализированном прототипическом образе, который присутствует в сознании человека относительно рассматриваемого объекта.

В данной статье будет проведено исследование ситуативной прагматики языковых средств репрезентации концепта «*безразличие*» в русскоязычных газетных статьях политической тематики.

В целях формирования наиболее полного представления о значении лексемы *безразличие* необходимо рассмотреть определения различных русских толковых словарей. Словарь русского языка Д. Н. Ушакова предлагает следующие дефиниции лексемы *безразличие*:

1. Состояние полного равнодушия, незаинтересованности. Он выслушал приговор с видом совершенного безразличия.

2. Отсутствие различия, разницы между чем-н. (устар.)... [1, с. 4]. В словаре С. И. Ожегова «безразличие — равнодушие, безучастное отношение к кому-чему-нибудь.» [2, с. 4].

На наш взгляд, суммируя вышеперечисленные определения, можно заключить, что «*безразличие*» представляет собой состояние абсолютного безучастия или равнодушия по отношению к оцениваемому объекту. В русском языке для передачи понятия «безразличие», как правило, используются единицы *безразличный*, *безразлично* и *неважно*.

В качестве материала для исследования был отобран ряд статей из русскоязычных газетных изданий. Рассмотрим следующие примеры:

Статья № 1. Мурманчина задержали за участие в бунте на Манежной... «Мне было неважно, что ... они кричали, я просто примкнул к антиправительственной толпе... волна, энергетика захлестнули меня с головой» [3, с. 4].

«*Мне было неважно*» в данном контексте означает отсутствие какого-либо воздействия на говорящего с целью принятия решения. В данном контексте выражение «*мне было неважно*» семантически близко выражению «*мне было неинтересно*». Для передачи эмотивных смыслов используются лексические единицы «*кричать*», «*примкнуть*», «*просто*», «*волна*», «*энергетика*», «*захлестнуть*».

Статья № 2. Депутаты Госдумы разошлись во мнениях по приговору Михаилу Ходорковскому. «...идет бешеное давление на суд ... Позиция ... деятелей за рубежом ... вмешательство во внутренние дела страны... Им (международным деятелям) абсолютно безразлично состояние судебной и правоохранительной системы... Речь ... о подсудимых, в которых Запад заинтересован ... оказать политическое давление... Они (Ходорковский и Лебедев) пешки в большой игре Запада с Россией...» [4, с. 5].

В данном отрывке адресант использует словосочетание *абсолютно безразлично* для того, чтобы усилить эффект воздействия на реци-

пиента текста. Лексическая единица *безразличие* употребляется в узком контексте со словом *абсолютно*, что усиливает эмотивные коннотации высказывания, направленные на разоблачение, унижение объекта разговора в глазах адресата (публики). В данном случае *безразличие* означает отсутствие желания видеть последствия и отсутствие интереса.

Статья № 3. Рассмотрим случаи, когда концепт «безразличие» выражен наречием *неважно*.

«В этой какофонии *сплетен, слухов*, версий я верю лишь президенту США: «...вы никогда больше не увидите бен Ладена ...!». Такими словами не бросаются. Значит, не увидим. И *неважно, замочил ли террориста* 1 мая или намного раньше ...получил от ЦРУ *новые «лицо»*, документы *...скрываются ...*на Гавайях. Прежнего бен Ладена больше нет. «Веселится и ликует вся планета!» И под эти фанфары ... НАТО сможет *... безнаказанно* добивать Каддафи, его детей, жен, внуков» [5, с. 5].

В данном контексте концепт «безразличие» репрезентируется лексемой *неважно*. Автор передает реципиенту не только свое негативное отношение к предмету обсуждения, но и пытается разоблачить обсуждаемых публичных персон. Однако при более детальном анализе можно увидеть, что при помощи лексической единицы, репрезентирующей *безразличие*, в статье затрагивается также проблема *безнаказанности*.

Статья № 4. «...аномальный рост тарифов — это не досадное недоразумение, а осмысленная государственная политика. Рост тарифов ... свидетельствует о порочности подхода к тарифной политике в России... указывает на неэффективность управления ... в сфере ЖКХ. Чем быстрее ... растут тарифы, тем слабее или *безразличнее* к нуждам людей относится руководство...» [6, с. 5].

В данном контексте автор не выражает личного *безразличия* к предмету разговора, наоборот, адресант очень взволнован данной ситуацией. Используя слово *безразличнее*, автор пытается открыть людям глаза на данную проблему, пристыдить правительство, принизить его в глазах жителей. Автор считает, что правительство нейтрально, возможно даже равнодушно относится к проблемам ЖКХ и желает внушить людям, что руководство должно предпринять меры для улучшения ситуации. Можно сказать, что в этом случае единица *безразличнее* используется для передачи не своего личного отношения к объекту

разговора, а отношения другого субъекта (правительства). Причем использование сравнительной конструкции усиливает воздействие на адресата текста, а также степень выражаемого безразличия.

Таким образом, в русском языке лексические единицы *безразличие* и *неважно* являются универсальными репрезентантами концепта «безразличие». В СМИ данные единицы используются как для передачи нейтральной и крайней степени безразличия, так и выражения озабоченности и обеспокоенности чем-либо.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Комсомольская правда (Сетевое издание (сайт)): Мурманчанина задержали за участие в бунте на Манежной. URL: <http://www.kp.ru/daily/25660/822552> (дата обращения 02.08.2024).
2. Комсомольская правда (Сетевое издание (сайт)): Для чего Обама утопил Усаму. URL: kp.ua/daily/130511/279884 (дата обращения 02.08.2024).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov-online.ru/> (дата обращения 12.07.2024).
4. Риа-Новости (Сетевое издание (сайт)): URL: <http://ria.ru/politics/20101230/315507703.html> (дата обращения 02.08.2024).
5. Российская социальная сеть Макспарк. URL: <http://maxpark.com/user/3965372039/content/699309> (дата обращения 02.08.2024).
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 12.07.2024).

УДК 81'42+811.111

Кононова Инна Владимировна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, ivkononova-unecon@yandex.ru

Мельничук Татьяна Александровна

Северо-Восточный федеральный университет,
Якутск, Россия, melnichuk.ta@gmail.com.

ПРАГМАТИКА АДРЕСАНТНОСТИ ДИСКУРСА АМЕРИКАНСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО ВИДЕОРОЛИКА В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье описываются трансформации, происходящие в сфере адресанта американского предвыборного видеоролика кандидата в президенты США в период с 1952 по 2020 гг. Выделяются основные и дополнительные субкатегориальные типы адресанта предвыборного видеоролика. Характеризуются

процессы, связанные со становлением категорий говорящего субъекта и изменением функционального фокуса высказываний адресанта.

Ключевые слова: предвыборный видеоролик, предвыборный дискурс, адресант, адресантность, политическая реклама.

Ведущими участниками коммуникации в жанре предвыборного президентского видеоролика являются кандидат на должность президента как основной адресант и потенциальный избиратель как массовый адресат политической рекламы. При этом необходимо учитывать, в о - п е р в ы х, специфику полисубъектности рекламного политического дискурса, а в о - в т о р ы х, наличие нескольких категорий говорящего в предвыборном видеоролике. Полисубъектность предвыборной коммуникации проявляется не только в том, что говорящими субъектами (политик, оппонент, интервьюер и др.) и адресатами (массовый адресат, оппонент и др.) предвыборного видеоролика могут быть одновременно несколько акторов [1], но и в том, что создание и распространение рекламного сообщения осуществляется несколькими агентами: политиком, политическим институтом, политтехнологами, спонсорами, СМИ. Такие этапы создания предвыборного видеоролика как сбор данных, разработка концепции, техническое воплощение, тестирование, окончательное производство и запуск, осуществляются разными субъектами [3]. Полисубъектность видеоролика отражается, в частности, в использовании стандартных формулировок для идентификации рекламодателя (*paid for by* + название спонсирующей организации) и обозначения субъектности кандидата, санкционирующего данный рекламный ролик (*I'm* [имя кандидата] *and I approve this message*).

Категория говорящего субъекта в предвыборном видеоролике представлена субкатегориальными типами адресанта, к которым относятся закадровый повествователь, кандидат и сторонник кандидата как основные подкатегории и оппонент, сторонник оппонента и противник оппонента — как дополнительные. Категорию «сторонник кандидата» составляют адресанты, чьи высказывания имеют целью поддержать кандидата и/или обвинить, обличить, высмеять или упрекнуть оппонента. Категория «сторонник оппонента» включает говорящих, чьи высказывания совпадают с идеологической позицией оппонента и при этом дискредитируют его. Категория «противник оппонента» начинает проявляться в видеороликах второго периода,

но получает полноценное представление лишь в третьем периоде. В то время как сообщения сторонника кандидата могут сочетать поддержку кандидата и критику оппонента, функциональный фокус высказываний противника оппонента направлен исключительно на дискредитацию оппонента.

Все перечисленные типы адресанта участвуют в реализации главной коммуникативной цели предвыборной президентской рекламы — стимулировании избирателя к голосованию за рекламируемого кандидата [2, с. 118]. В исследовании У. Бенуа, посвященном американской предвыборной телерекламе 1956–1996 гг., отмечается, что в среднем соотношение высказываний кандидата и других говорящих является примерно равным в сообщениях, основная функция которых состоит в защите кандидата от критики, но высказывания других говорящих преобладают в сообщениях с функцией восхваления кандидата (68%) и сообщениях, направленных на дискредитацию оппонента (76%) [4, р. 183].

Материалом для настоящего исследования послужил корпус текстов, включающий 465 предвыборных видеороликов 40 кандидатов в президенты США общим объемом 65374 слова, вышедших в период предвыборных кампаний 1952–2020 гг. Видеоролики были разделены на группы в соответствии с тремя периодами (1952–1972 гг., 1976–2000 гг., 2004–2020 гг.), обусловленными экономическими, политическими и социально-культурными факторами.

Квантитативный и контекстуальный анализ трех подкорпусов текстов предвыборных видеороликов кандидатов в президенты США позволил выявить некоторые изменения в организации сферы адресанта дискурса политической рекламы. Динамика репрезентации говорящих субъектов в президентском видеоролике отражается, в первую очередь, в варьировании меры ключевой значимости и изменении дистрибуции местоимений первого лица *I, we, tu* на протяжении трех периодов (см. Таблица 1). Как справедливо отмечают исследователи, фокусирующиеся на проблемах конструирования межсубъектных отношений в дискурсе, будучи «пространственно-ориентированными показателями дискурса, личные местоимения относятся к сфере межличностных отношений, поскольку они указывают на участников коммуникативного акта и используются для различных прагматических целей, представляя такие коммуникативные категории, как вежливость, сотрудничество, солидарность, доверие, идеологическая позиция и социальный статус» [5, р. 1518].

Таблица 1

**Дистрибуция личных местоимений первого лица
в исследуемых подкорпусах текстов**

Категории говорящих	І период	ІІ период	ІІІ период
	Местоимение <i>І</i>		
Кандидат	46,2%	59,9%	34,1%
Сторонник кандидата	50,2%	31,5%	18,4%
Оппонент	2%	6,1%	31,6%
Сторонник оппонента	1%	1,2%	2,8%
Противник оппонента	—	1,2%	13,1%
Повествователь	0,6%	—	—
Местоимение <i>we</i>			
Кандидат	56,4%	62,1%	47,5%
Сторонник кандидата	22,1%	7,1%	7,3%
Оппонент	3,2%	1,4%	16,9%
Сторонник оппонента	—	0,9%	1,7%
Противник оппонента	—	3,3%	5,1%
Повествователь	18,3%	25,1%	21,5%
Местоимение <i>ты</i>			
Кандидат	43,1%	67,8%	34,3%
Сторонник кандидата	53,5%	25,4%	21,2%
Оппонент	1,7%	1,7%	12,2%
Сторонник оппонента	—	—	4%
Противник оппонента	—	3,4%	28,3%
Повествователь	1,7%	1,7%	0

В видеороликах первого и второго периодов ведущими типами адресанта являются кандидат, сторонник кандидата и закадровый повествователь. В *Таблице 1* отражена тенденция к постепенному уменьшению доли высказываний сторонника кандидата на протяжении второго и третьего периодов и высказываний кандидата в третьем периоде. Одновременно с этим происходит значительно усиление роли оппонента как адресанта сообщения — так, процент употребления оппонентом местоимения *І* увеличивается в 15 раз в третьем периоде по сравнению с первым периодом, местоимения *we* — в пять раз, местоимения *ты* — в семь раз.

Становление субъектности оппонента и сторонника оппонента в полной мере происходит в предвыборной рекламе второго периода, когда в видеороликах начинает применяться прием видеоцитирования — фрагменты из выступлений используются с целью обличения оппонента и опровержения его слов. Так, в контексте из предвыборного ролика Барака Обамы 2012 г. прямое высказывание оппонента (*I speak the language of business, I know how jobs are created*) опровергается закадровым повествователем, приводящим данные о негативных экономических последствиях деятельности оппонента на посту губернатора штата Массачусетс (*When Mitt Romney was governor, Massachusetts lost 40,000 manufacturing jobs — a rate twice the national average — and fell to 47th in job creation, fourth from the bottom*) (Обама, «We've Heard It All Before», 2012 г.).

Отмечаются также некоторые изменения, связанные с функциональным фокусом высказываний различных типов адресанта. Например, функции говорящего субъекта «сторонник кандидата» в видеороликах первого периода отчасти схожи с функциями закадрового повествователя и преимущественно заключаются в транслировании общественного мнения о кандидате и акцентировании его преимуществ для нации в целом: *As president, John F. Kennedy will have the courage to meet the greatest challenge our country has ever faced* (Кеннеди, «Henry Fonda», 1960 г.); *Humphrey and the Democrats gave us Social Security* (Хамфри, «What's Nixon Done?», 1968 г.). Однако в видеороликах второго и третьего периодов наблюдается трансформация роли сторонника кандидата, который начинает выступать в качестве представителя отдельной группы населения (предприниматели, ветераны боевых действий, безработные и др.) и апеллировать к своему индивидуальному опыту. Ср.: *The hardest day of my life. Hillary Clinton's border policy is going to allow people into the country just like the one that murdered my son* (Трамп, «Laura», 2016 г.).

Происходит постепенное выделение самостоятельной подкатегории говорящего субъекта «противник оппонента»: во втором периоде функции сторонника кандидата начинают включать в себя критику оппонента, а в третьем периоде завершается формирование отдельного типа адресанта, функции которого сводятся к дискредитации оппонента. Процент реплик противника оппонента сравнивается с долей высказываний сторонника кандидата, что отражается в дистрибуции местоимений первого лица в текстах третьего подкорпуса (см. Таблица 1).

Тенденция к диверсификации типов адресантности в предвыборном видеоролике связана в том числе с повышением динамичности и фрагментированности видеоряда, что проявляется в более частой сменяемости говорящих на протяжении отдельного рекламного ролика. Так, для рекламы первого периода характерны продолжительные монологические высказывания и отсутствие смены говорящего на протяжении видеоролика, в то время как рекламе третьего периода свойственны более короткие реплики, вставки из выступлений и интервью и значительно более частая сменяемость говорящих в пределах одного ролика.

Таким образом, важным проявлением динамики дискурса предвыборного видеоролика является изменение функционального фокуса высказываний основных субкатегориальных типов адресанта. В третьем периоде отмечается значительное усиление фигуры оппонента как говорящего субъекта. Ключевым элементом этого процесса становится использование приема видеоцитирования как инструмента реализации стратегии дискредитации, позволяющего создать отрицательный образ оппонента через опровержение его заявлений закадровым повествователем. Функции повествователя, соответственно, усложняются за счет вступления в квазидialog с оппонентом. Одновременно происходит трансформация функций сторонника кандидата. В ранних предвыборных роликах они сводились к ретрансляции положительного общественного мнения о кандидате, в то время как во втором и третьем периодах сторонник кандидата преимущественно репрезентирует конкретные социальные группы и фокусируется на индивидуальном опыте. Расширяется функциональный фокус высказываний сторонника кандидата, в которых к восхвалению и поддержке кандидата добавляется критика оппонента. Усиление агональности рекламы приводит к становлению в третьем периоде нового типа адресанта — противника оппонента, чья главная функция сводится к дискредитации последнего. Выявленные изменения отражают тенденции к усилению полемичности дискурса предвыборного видеоролика и смещению акцента от поддержки кандидата в сторону критики и нападок на оппонента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Щуцеева М. Г.* Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. — Санкт-Петербург, 2019. — 411 с.

2. Чубай С. А. Ключевые признаки политической рекламы как самостоятельного вида рекламной коммуникации // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. — 2015. — № 3. — С. 115–121. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.16>.

3. Baker P. Fowler E. F., Franz M., Ridout T. Political advertising in the United States. — New York: Routledge, 2021. — 198 p.

4. Benoit W. L. Seeing spots: A functional analysis of presidential campaign advertisements, 1952–1996. — Westport: Praeger, 1999. — 256 p.

5. Kochetova, L.A., Kononova, I. V. Corpus-based contrastive study of discursive strategy of construing interpersonal relations in English language academic discourse. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2022. — Т. 15. — № 10. — С. 1516–1523. — DOI: 10.17516/1997-1370-0353.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

6. Henry Fonda, John Kennedy, 1960 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.livingroomcandidate.org/commercials/1960#/video/1960-d-henry-fonda-500.mp4> (дата обращения: 12.09.2024).

7. Laura, Donald Trump, 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.livingroomcandidate.org/commercials/2016#/video/2016-r-laura-500.mp4> (дата обращения: 12.09.2024).

8. We've heard it all before, Barack Obama, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oWdZEJW1vWY> (дата обращения: 12.09.2024).

9. What's Nixon done, Hubert Humphrey, 1968 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.livingroomcandidate.org/commercials/1968#/video/1968-d-whats-nixon-done-500.mp4> (дата обращения: 12.09.2024).

УДК 81'42:004

Мельничук Ольга Алексеевна,

Северо-Восточный федеральный университет,
Якутск, Россия, madrid03@mail.ru,

Алексеева Валентина Федоровна,

Северо-Восточный федеральный университет,
Якутск, Россия, alekseeva_vf@mail.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОТКРЫТКИ МОТИВАТОРЫ КАК ЖАНР ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена исследованию жанровых особенностей относительно нового типа текстов, появившихся в виртуальном дискурсе, — электронных открыток мотиваторов на каждый день. Данный тип открыток обладает такими общими для жанров виртуального дискурса особенностями, как поликодовость, интерактивность, относительная вирусность. Выявлены такие специфические для данного жанра черты, как регулярность, сезонность, неофициальные отношения адресанта и адресата.

Ключевые слова: электронная открытка мотиватор, виртуальный дискурс, жанр, приветствие.

Некоторые исследователи проводят различие между виртуальным дискурсом и такими видами коммуникации, как интернет-дискурс, компьютерный дискурс и электронный дискурс, в которых используются различные виды связи [см., 2, с. 8]. Взяв за основу определение дискурса, предложенное М. Ю. Олешковым [3, с. 12], мы понимаем под виртуальным дискурсом совокупность текстов, которые создаются с помощью вербальных и невербальных знаков в пространстве, имеющем определенную структуру и жанры, где участники коммуникации объединяются в рамках определенного типа общения в виртуальной реальности. Как правило, такие тексты являются семиотически осложненными (поликодовыми), где вербальные и невербальные компоненты вступают в функционально-семантическое взаимодействие.

У людей пожилого возраста электронные открытки-мотиваторы на каждый день (*Доброе утро, Добрый день* и др.) пользуются большой популярностью. Однако у представителей других возрастных страт отношение к открыткам-мотиваторам неоднозначное — от раздражения до понимания и принятия. Мотивы, по которым открытки-мотиваторы рассылаются, могут быть разными, но в целом, они помогают поддерживать контакт, оказывать и привлекать к себе внимание, создавать позитивный настрой.

Целью данной работы является выявление дискурсивных жанровых особенностей электронных открыток-мотиваторов. Материалом исследования послужили 1450 открыток-мотиваторов на русском и 800 на якутском языке, отобранных методом сплошной выборки из мессенджера WhatsApp и социальной сети Pinterest.

Теория виртуального жанроведения появилась относительно недавно и, как всякая новая теория, находится на стадии становления. Поскольку единицей дискурса является высказывание (текст), то виртуальное жанроведение основывается на положениях традиционной теории жанров, добавляя то новое, что обусловлено спецификой виртуального дискурса. Мы понимаем под жанрами, вслед за М. М. Бахтиным «определённые, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1, с. 241–242]. Ученые предлагают различные параметры выделения

жанровой модели. Мы возьмем за основу модель, предложенную Л. Ю. Шипицыной [5, с. 172], внося в нее некоторые коррективы и выделив следующие параметры жанра: прагматические, дискурсивные, структурно-семантические, поликодовые.

На наш взгляд, электронная открытка мотиватор (ЭОМ) является одним из жанров виртуального гипержанра открытки наряду с поздравительными открытками (ПО), открытками-постерами, рекламными открытками, видеооткрытками, «гифками» (Graphics Interchange Format) и др. Как и другие жанры виртуального дискурса (мемы, открытки), ЭОМ, также функционирующие в мессенджерах и социальных сетях, обладают такими дискурсивными характеристиками, как поликодовость (ЭОМ содержат вербальный компонент и визуальный — рисунки, фотографии; в формате GIF к ним добавляются элементы анимации), интерактивность (по правилам этикета и в силу элементарной вежливости адресат, желающий сохранить отношения с адресантом, отправляет в ответ либо ЭОМ, либо слова благодарности, либо смайлики) и вирусность. Под вирусностью понимается способность того или иного типа текста к «быстрому «заражению» аудитории» [4, с. 20], его копирование и ретранслируемость, такие тексты характеризуются «легкостью перехода от одного «хозяина-коммуникатора к другому» [там же]. Конечно, ЭОМ не обладают такой высокой степенью вирусности, как мемы, но, тем не менее, они копируются и часто пересылаются разными адресантами.

ЭОМ имеют отличительные жанровые черты по прагматическому параметру. Несмотря на то, что и ПО и ЭОМ относятся к коммуникативным жанрам и выполняют этикетную функцию, цели их различаются. Если ПО преследуют цель поздравить с определенным событием, оказать внимание адресату, то главной целью ЭОМ, на наш взгляд, является установление контакта посредством приветствия (*Доброе утро!*) или окончание контакта при прощании (*Спокойной ночи!*). Если ПО рассылаются по строго определенным поводам (день рождения, Новый год и т. д.), то ЭОМ пересылаются регулярно, ежедневно (преимущественно с утра), иногда два раза в день. Представляется, что рассылка подобных ЭОМ при помощи мессенджеров, стала новой формой ежедневного приветствия. Разумеется, ЭОМ выполняют и другие функции, учитывая, что некоторые тексты содержат пожелания, мотивируют на позитивный настрой, транслируют ценности, кроме того, они сигнализируют адресату о наличии (поддержании) контакта с адресантом.

ЭОМ функционируют преимущественно в бытовом общении. Адресант и адресат должны быть либо родственниками, либо друзьями, либо хорошими знакомыми, в то время как ПО можно отправить и близкому кругу людей, и коллегам по работе и деловым партнерам.

В структурно-семантическом (композиционном) плане вербальная часть ЭОМ содержит формулу приветствия: *С добрым утром! Доброе субботнее утро! Дорогоблорун!* (як. Здравствуйте), иногда (но не обязательно) пожелание (*Легкого понедельника! Пусть у вас все будет хорошо!* и др.). Визуальный компонент чаще всего отражает еще одну особенность ЭОМ — сезонность. Содержание изображений зависит от времени года (рис. 1), месяца (рис. 2) или дня недели, а также от особенностей культуры. Например, в Якутии месяц июль — это пора сенокоса, заготовки сена для скота, чтобы он пережил долгую холодную якутскую зиму. Поэтому в якутоязычных ЭОМ в июле появляются фотографии сенокосных угодий со стогами сена. Кроме того, на фотографиях якутоязычного контента изображаются представители местной флоры и фауны, якутские пейзажи, якутская национальная посуда с национальной едой и т. д. (рис. 3).

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Поликодовый параметр включает использование стилистико-языковых средств, визуальных средств и графического дизайна. Несмотря на то, что ЭОМ используются в бытовом общении, в пожеланиях используются средства эпидейктического стиля: оптативные конструкции с частицей пусть (*И пусть все будет хорошо...*), императивные формы (*Будьте счастливы каждое мгновение*), глагол желать (*Желаю позитивных эмоций...!*), существительные в родительном падеже (*Здоровья вам и вашим близким!*). В якутоязычных ЭОМ используются как пожелания в форме императива (*Этэннэ буолун!* Як., букв. Будьте благополучны!), так и благословения (благопожелания) в форме алгыса, вида обрядовой поэзии якутского фольклора: *Үтүө күнтэн сиэтиилээх, Айыылартан алгыстаах, Иэйиэхситтэн арчылаах, Түөрт өттүттэн харысхаллаах, Эркин курдук көмүскэллээх, Бары этэннэ сылдыын!* (Як., букв. Ведомые добрым днем, благословенные верхними божествами (Айыы), прошедшие обряд очищения у богини Иэйэхсит, охраняемые с четырёх сторон, защищённые каменной стеной, Будьте благополучны!). Если в ЭОМ выражено пожелание, то изображение становится символом какой-либо ценности. Так, фрукты на ЭОМ зимнего периода становятся символом здоровья. Кусочки спелого арбуза, на фотографии, сопровождающей текст *«А счастье — оно из кусочков. Из ярких, красивых мгновений»*, можно интерпретировать как визуальную метафору, символизирующую мгновения, «кусочки» счастья. Выбор цветов и шрифтов также играет определенную роль.

Таким образом, ЭОМ являются самостоятельным жанром, обладающим характеристиками, свойственными другим жанрам виртуального дискурса, такими, как поликодовость, интерактивность и относительная вирусность. Кроме того, им присущи отличительные жанровые особенности: цель, регулярность, сезонность, неофициальные отношения адресанта и адресата. Возможно, что рассылка ЭОМ представителями пожилого возраста вначале носила развлекательный характер, но постепенно превратилась в новую форму ежедневного приветствия. Помимо функции установления и прекращения контакта ЭОМ сигнализируют о наличии или неожиданном прерывании контакта, направлены на повышение эмоционального позитивного настроения адресата и трансляцию определенных ценностей (здоровье, счастье, добро, любовь, мир и др.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — Москва: Искусство, 1979. — 424 с.
2. *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.02.19 — Волгоград, 2009. — 40 с.
3. *Олешков М. Ю.* Системное моделирование институционального дискурса: на материале устных дидактических текстов: автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.02.19 — Нижний Тагил, 2007. — 42 с.
4. *Шмова С. А.* Мемы как они есть. Учеб. пособие. — Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2019. — 136 с.
5. *Щипицина Л. Ю.* Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 114. — С. 171–178. — EDN JTMNQN.

УДК 81'42+811.111

Миронова Марина Юрьевна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, mkrgr@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ОЦЕНКИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД

Представлены результаты исследования языковых способов объективации отрицательной оценки в англоязычном научном дискурсе. Выявлены основания оценки научного знания. Установлено, что выбираемые субъектом научного дискурса языковые единицы являются воплощением таких ценностных критериев как достоверность, обоснованность, новизна, значимость, верифицируемость.

Ключевые слова: научный дискурс, оценочность, ценности, корпусные исследования.

Не вызывает сомнений тот факт, что речемыслительная деятельность человека сопровождается процедурой оценивания окружающего мира. Оценочность обеспечивает трансфер знаний и мнений в профессиональной коммуникации, что особенно актуально в связи с растущим объемом научной информации, требующим поиска критериев оценки её качества. Настоящая работа посвящена изучению языковых средств объективации отрицательной оценки в англоязычных научных произведениях и выявлению критериев, положенных

субъектом дискурса в основу оценки. Критерии в свою очередь выступают отражением коллективно закрепленных ценностей.

Проведенный анализ выполнен в русле исследований, посвященных изучению функционирования научного дискурса с точки зрения проблемы ценностей и оценки, что позволяет говорить об актуальности предлагаемой работы. Оценка в научном тексте имеет существенную значимость, поскольку процесс выработки новых теорий невозможен без критического осмысления имеющегося знания и обнаружения недостатков [1]. Проведенный анализ показал, что основным лингвистическим средством экспликации оценки выступают отрицательно оценочные единицы, а также нейтральные в оценочном плане языковые единицы, приобретающие оценочность под воздействием контекста.

Анализ языковых средств объективации недостатков научного знания показал, что критерии оценки могут отличаться, в связи с чем возникла необходимость выделения содержательных компонентов основания оценки. Нами были выявлены следующие: отсутствие достоверности, необоснованность, отсутствие новизны, не обладание объектом теоретической и/или практической значимостью, неverifiedifiруемость. Рассмотрим особенности реализации каждого содержательного компонента оценочного высказывания.

Содержательный компонент *отсутствие достоверности / ошибочность / неистинность*.

Данный компонент вербализуется лексемами с семантикой ошибочности, ложности, неистинности (*incorrect/неверный, false/ложный, wrong/неправильный, untrue/ложный, неистинный, erroneous/ошибочный, error/ошибка, mistake/ошибка*). Рассмотрим следующий пример:

*There has been a tendency to take as normal a reading definitely too high. It is not uncommon to find the age plus 100 accepted as within normal limits-that is, 160 for a man of 60. This is undoubtedly **incorrect**. The following is the average of a very large number of records of blood pressure of apparently normal healthy individuals.* / Существует тенденция считать нормальным значение, которое определено завышено. Нередко возраст плюс 100 лет считается нормальным, то есть 160 для мужчины в возрасте 60 лет. Это, несомненно, **неверно**. Ниже приводится среднее значение из очень большого числа записей о кровяном давлении, по-видимому, нормальных, здоровых людей. В представленном фрагменте объектом оценки выступает метод диагностики, для характеристики которого адресант выбирает отри-

пательно оценочную лексему *incorrect/неверный, ошибочный*. Лексема *incorrect* определяется толковым словарем как «*not accurate or true*» [2] / *не являющийся достоверным или истинным*.

Содержательный компонент *необоснованность*.

Для вербализации данного компонента используются лексемы с семантикой сомнения (*doubtful/сомнительный, doubt/сомнение, сомневаться, questionable/сомнительный, to question/подвергать сомнению, controversial/спорный*) и ненадежности (*unreliable/ненадежный, uncertainties/элементы неопределенности*), объяснения и доказательства (*not justifiable/неоправданно, no justification for smth/отсутствие оснований для чего-л., to explain/объяснять, explanation/объяснение, подтверждение, proof/доказательство, no evidence/отсутствие доказательств*), а также лексико-семантические конструкции, содержащие данные лексемы (*be regarded with doubt/относиться с сомнением, to cast doubt on smth/посеять сомнение в чем-л.*). Например:

There is no justification for assuming that a series of groups taken at random from all races would exhibit such a marked correlation. / **Нет оснований** предполагать, что ряд групп, сформированных случайным образом из представителей каждой национальности, продемонстрировал бы столь выраженную корреляцию. В данном примере с помощью фразы **no justification/отсутствие оснований**, субъект оценки указывает на необоснованность старого знания, что подтверждается лексическим значением единицы *justification*: «*a good reason or explanation for something*» [2] / *веская причина или объяснение чего-либо*. Обращая внимание на отсутствие у старого знания убедительного объяснения, автор возражает против его достоверности, тем самым маркируя важность данного ценностного критерия.

Содержательный компонент *отсутствие новизны*.

Для вербализации данного компонента используется одноименная лексема *new/новый*.

There is nothing new in such an idea... / *В такой идее нет ничего нового...* В приведенном примере автор указывает на то, что научная идея не обладает новизной, то есть ничем не отличается от старого знания. Это подтверждается и семантическим описанием единицы *new*, определяемой как «*different from one that existed earlier*» [2] / *отличный от того, что существовало ранее*. Высказывания с включением отрицательных частиц и местоимений (**nothing, no, not**) служат для обозначения отклонения наличного положения дел от ожидаемого «как

противоречащего одной из базовых норм научно-исследовательской практики» [3, с. 1706].

Содержательный компонент *отсутствие теоретической и/или практической значимости*.

Данный компонент объективируется лексемами с семантикой ценности и лексико-семантическими конструкциями (*scientifically worthless/бессмысленный с точки зрения науки, academically barren/беспольный с академической точки зрения, not useful technically/технически бесполезный, no results of value/отсутствие ценных результатов, limited in its application/ограничен в своем применении*). В приведенном далее примере автор приписывает оцениваемому объекту отсутствие научной значимости:

<...> *this communication may therefore be judged scientifically worthless*
<...> / <...> *таким образом, это сообщение может быть признано научно бесполезным* <...>

Содержательный компонент *неверифицируемость*.

Данный компонент объективируется лексемами соответствующей семантики (*to verify/верифицировать, проверять, verification/подтверждение, to confirm/подтверждать, верифицировать, confirmation/подтверждение, to repeat/повторять, воспроизводить*). Рассмотрим следующий пример:

Nachmannsohn (1929) observed that muscles poisoned by soaking in the ammonium salt solution were less able to maintain tension than when the substance was injected. I have not been able to verify this observation. It appears that the effect of trimethyl-octyl-ammonium iodide in this respect is variable. / Нахмансон (1929) заметил, что мышцы, отравленные путем замачивания в растворе соли аммония, были менее способны сохранять напряжение, чем при введении этого вещества. Я не смог подтвердить это наблюдение. Похоже, что влияние йодида триметил-октил-аммония в этом отношении является переменным. Из контекста очевидно, что поскольку воспроизводимость чрезвычайно важна для любой экспериментальной науки, невозможность верифицировать существующее знание заставила автора усомниться в его безошибочности. Данный факт служит свидетельством того, что верифицируемость представляет ценность для науки.

Проведенный анализ языковых примеров объективации оценки позволяет заключить, что языковые средства, выбираемые ученым для характеристики научного знания, отражают ценностную ориентацию

говорящего как представителя определенной группы социума. Именно несоответствие существующего знания фундаментальным научным ценностям выступает когнитивной предпосылкой оценивания. Результаты исследования дают основания выделить следующие ценностные доминанты англоязычного научного сообщества: достоверность, обоснованность, новизна, значимость, верифицируемость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Данилевская Н. В.* Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01.— Екатеринбург, 2006.— 401 с.

2. *Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 23.08.2024).

3. *Nefedov S. T.* Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 2022, 15(11), 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945.

УДК 811.161.1'42

Мурашова Евгения Анатольевна

Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета,
Таганрог, Россия, shenetschka@rambler.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫ СИСТЕМОГО ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ ПОЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ

Статья иллюстрирует фрагмент системного анализа речевых средств поля персональности как составной части полиформатного дейктического поля художественного дискурса. Квантитативно-квалитативный анализ этих средств, включающий в себя помимо приёмов контекстуального анализа также приёмы компонентного и корпусного анализа, представлен как верифицирующий фактор лингвопрагматической атрибуции.

Ключевые слова: речевые средства поля персональности, лингвопрагматическая атрибуция.

Системное описание речевых средств, представляющих субъект / субъекты коммуникации, в качестве диагностирующих элементов прагматического фона текста или прагматикона языковой личности автора является одной из нерешенных задач современной лингвистики. Наметившийся в ряде её направлений антропоцентрический

ренессанс позволяет обновить соответствующую проблематику за счёт привлечения новых методов и приёмов и апробации их на новом, до настоящего времени не изученном материале.

Такие исследования должны стимулировать дальнейшее развитие антропоориентированных направлений лингвистики (и, прежде всего, лингвистической прагматики, в круг интересов которой входит раскрытие различных вопросов эксплицитного и имплицитного представления субъекта и его характеристик в языке и речи), способствуя уточнению номенклатуры речевых средств, указывающих на субъект коммуникации, описанию их функционала и потенциальных диагностических свойств.

Опишем кратко один из фрагментов осуществляемого нами комплексного лингвопрагматического исследования, посвященного анализу реализации данных речевых средств на материале художественных произведений М. А. Шолохова (<https://ruscorpora.ru/new/>, 2024 32 документа, 730075 слов).

Предварительный контекстуальный разбор текстов (романов «Поднятая целина», «Тихий Дон», рассказов, написанных с 1932 по 1934 г.) позволил зафиксировать лексические речевые средства, непосредственно называющие субъект коммуникации или указывающие на него. Было отмечено, что в числе первых доминируют имена собственные и имена нарицательные, вторых — местоимения.

Проанализировав расширенную выборку примеров, мы экспериментальным путем подтвердили положение о том, что имена собственные и нарицательные, конкретизирующие субъект коммуникации, помимо непосредственно названия или указания на него представляют также информацию о его принадлежности к определённом национально-языковому сообществу. Кроме того, они могут наряду с понятийным содержанием транслировать культурно-историческое и социальное содержание.

Так, например, однословное именование субъекта, выраженное именем собственным (*Петр*), указывает в проанализированных текстах на его принадлежность к ортодоксальному российскому национально-языковому сообществу:

Знаешь, *Петр*, — говорил он, обращаясь к сотнику Терсинцеву, произнося слово «*Петр*» с подчеркнутым «е» вместе «е», — я не доживу до конца этой войны [2, с. 196].

Актуализированное в этом же примере двусловное именование субъекта, выраженное именем нарицательным и именем собственным (*сотник Терсинцев*), с одной стороны, индивидуализирует коммуниканта, с другой — сообщает информацию о его социально-должностном статусе.

Выполняя общеязыковые (номинации, конкретизации, обобщения) и речевые (дейктическую, аппеллятивную, экспрессивную, эстетическую) функции, имена собственные и имена нарицательные, представляющие субъект, в пространстве художественного текста, также как и другие речевые средства, актуализируемые отправителем в определённой коммуникативной ситуации, являются ретранслятором конструируемой или воссоздаваемой автором действительности согласно его замыслу. Кроме того, они являются отражением индивидуальной авторской картины мира писателя, транслируя особенности его собственного прагматического поля.

Местоимения, актуализованные для указания на субъект коммуникации, также могут быть проанализированы как материал для диагностирования особенностей прагматического поля отправителя текста.

Контекстуальный анализ и интерпретацию информации, характеризующей, отображаемый субъект, возможно осуществить, исследовав сравнительно небольшое по объёму контекстное окружение актуализированного имени.

Для того чтобы зафиксировать и представить характеристику прагматического поля отправителя, необходимо проанализировать стереотипную реализацию речевых средств, в данном случае имен собственных, имен нарицательных и местоимений, в текстовых массивах большого объёма с учетом их широкого контекстного окружения.

В современной лингвистике первая задача решается с помощью средств качественного контекстуального анализа, для решения второй задачи необходим тщательный количественно-качественный анализ, включающий в себя помимо приёмов контекстуального анализа также приёмы компонентного и корпусного анализа.

Качественный контекстуальный анализ речевых средств, указывающих на субъект коммуникации, позволил нам выделить общие закономерности их актуализации.

Количественно-качественный анализ речевых средств, номинирующих субъект коммуникации, сделал возможным для отдельно

взятого автора — М. А. Шолохова — установить закономерности актуализации им отдельных речевых средств в заданные временные периоды в текстах значительного объема и соотнести данные закономерности с закономерностями актуализации этих же средств в текстах, где авторство писателя ставилось под сомнение.

Средний показатель актуализации разноуровневых (лексических, морфологических и синтаксических) маркеров поля персональности в проанализированных текстах составил 0,026 на одну единицу измерения. Максимальные отклонения от этого показателя не превысили 5%.

В качестве доминантного лексического индикатора было выделено личное местоимение «я», соответствующее ядерному дейктическому сектору поля персональности. Исследования подтвердили высокие показатели актуализации этого маркера в каждой из проанализированных групп текстов. Четыре формы (две из которых являются омонимичными — формы род. / вин. и дат. / пр. падежей) в каждой из проанализированных групп текстов продемонстрировали высокие показатели: «Тихий Дон» — 0,093%, «Поднятая целина» — 0,096%, рассказы — 0,091% на одну единицу измерения [ср. 1, с. 289].

Для данного и других маркеров поля персональности было доказано соблюдение закона устойчивости частот, при котором колебания показателей во всех проанализированных текстах незначительны или отсутствуют.

При этом была отмечена ещё одна тенденция. В каждом из массивов проанализированных текстов наивысшие показатели продемонстрировали маркеры поля персональности, актуализированные в сочетании с темпоральными дейктическими маркерами, позиционирующими отображаемый субъект в настоящем.

Регулярное совпадение частот актуализации позволило провести атрибуцию текстов и подтвердило авторство М. А. Шолохова в каждом из исследованных массивов.

В целом, обращение к корпусу проанализированных художественных текстов дополнило результаты комплексного исследования дейктического поля М. А. Шолохова [1, с. 279–290] и продемонстрировало перспективы использования методов и приемов лингвистической прагматики и других научных направлений в вопросе объективизированного представления речевого поведения отправителя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Мурашова Е. А.* Вербальная объективизация субъективной информации: на уровне прагматических компонентов контекстного значения: диссертация ... доктора филологических наук: 5.9.8. — Таганрог, 2023. — 343 с.
2. *Шолохов М. А.* Тихий Дон. — СПб: Азбука: Азбука-Аттикус, 2014. — 794 с.

УДК 81'42+811.111

Науменко Юлия Николаевна,

Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко,
Воронеж, Россия, naumenko1981@mail.ru

ЗАГОЛОВКИ ОБЗОРНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В данной статье в общем виде представлены результаты лингвистического анализа заголовков обзорных медицинских статей на английском и русском языках. Автор приходит к выводам об особенностях передачи семантических смыслов через синтаксические конструкции в англоязычных и русскоязычных обзорных медицинских статьях.

Ключевые слова: заголовок, обзорная статья, синтаксические средства.

Заголовок *Title* является коммуникативно значимым элементом текста, который прогнозирует содержание и определяет последующее восприятие текста статьи [1; 2; 4]. В наших предыдущих работах [1; 3] мы проанализировали заголовки научных статей, ведущих британских и российских медицинских журналов в аспекте их лингвокультурной идентичности и принадлежности академическому дискурсу.

В настоящей работе мы предприняли попытку анализа заголовков обзорных статей (Review). Выбор обзорной статьи по медицине в качестве материала исследования продиктован её дискурсивной природой, которая заключается в систематизации и интерпретации научных концепций, теорий, результатов исследований. Обзорная статья представляет собой мета-анализ, который включает в себя значительный уровень обобщений, оценок и выводов. Основная цель такой статьи заключается в том, чтобы представить исчерпывающее заключение по определенной проблеме для дискурсивного

сообщества. При этом выделение обзорной статьи как отдельного типа научных публикаций имеет устойчивую традицию в англоязычном дискурсе, однако относительно недавно привлекло внимание российских лингвистов [5].

Наш интерес к исследованиям такого рода связан с необходимостью выявления национально-культурных характеристик академического дискурса на английском и русском языках. Это поможет преодолеть дискурсивные преграды в международной академической среде и улучшить межкультурное взаимодействие, что имеет особое значение для русскоязычных участников.

Материалом исследования послужили заголовки обзорных статей научно-практического журнала общемедицинского профиля «Бюллетень сибирской медицины/Bulletin of Siberian Medicine» (далее — *БСМ*) за 2022–2023 гг. и ведущего рецензируемого научного журнала The New England Journal of Medicine (далее — *NEJM*) за аналогичный период.

Заголовки обзорных медицинских статей *NEJM* содержат номинацию *проблемы*, обзор которой проводится в статье. Синтаксическими средствами её реализации являются конструкции с номинативными группами (словосочетание с существительным или прилагательным), соединённые союзом *and*. Синтаксические конструкции с союзами достаточно частотны в заголовках обзорных медицинских статей англоязычных авторов. Примечательно, что союз *and*, помимо прямого значения добавления, может использоваться в конструкциях, номинативные группы которых находятся в *причинно-следственных отношениях*, например:

Climate Change, Fossil-Fuel Pollution, and Children's Health
Decompression Sickness and Arterial Gas Embolism
Climate Change and Vectorborne Diseases

В заголовках английских обзорных медицинских статей номинация проблемы может быть выражены имплицитно с помощью синтаксических и семантических средств, нормативных для академического дискурса.

Заголовки обзорных медицинских статей *БСМ* также демонстрируют номинацию *проблемы*, обзор которой проводится в статье. Основными средствами её реализации являются многосоставные номинативных конструкций с существительными в родительном падеже и одноименная лексема *проблема*. Приведем примеры:

Проблема полиморбидности в современной терапевтической клинике
Проблема гипердиагностики синдрома экстравазальной компрессии
позвоночных артерий

Проблемы иммунологической диагностики целиакии у детей

Частотное использование лексемы *проблема* в заголовке, по нашему мнению, связано с тем, что русскоязычные авторы употребляют лексему *проблема* как инструмент, который помогает обозначить формальный стиль текста.

Заголовки обзорных медицинских статей *NEMJ* содержат номинацию *медицинское состояние/заболевание*. Заголовки, состоящие из одного слова, в основном выполняют номинативную функцию, просто указывая на тему. Их информационная ценность достаточно низка. Прогнозировать содержание текста, основываясь лишь на таком заголовке, без учета специфических знаний, крайне сложно. Приведем примеры: *Monkeypox, Myocarditis, Preeclampsia, Hemochromatosis*

Заголовки обзорных медицинских статей *БСМ* также содержат номинацию *медицинское состояние/заболевание*, но в отличие от заголовков обзорных статей *NEJM*, ее реализация происходит при помощи синтаксически развернутых номинативных группы с большим количеством зависимых компонентов в предпозиции и постпозиции по отношению к главному. Синтаксические конструкции с двуеточием обеспечивают семантическую насыщенность и прозрачность содержания статьи, одновременно уточняя или сужая проблему. Приведем примеры:

Язвенный колит: в фокусе резистентность слизистой оболочки толстой кишки

Диастолическая сердечная недостаточность: границы применения термина.

В результате проведенного анализа можно заключить, что синтаксические конструкции заголовков (многосоставность конструкций в русских заголовках статей и синтаксическая лаконичность английских заголовков) отражают национальные особенности выражения научных смыслов статьи, что было показано на примере научной категории *проблема*.

В данной работе обозначаются направления для будущих исследований, которые могут быть связаны с более тщательным анализом лингвокультурных характеристик дискурсивных практик как неотъемлемых составляющих академического дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Науменко Ю. Н.* Маркеры научных категорий исследования: сопоставительный анализ способов вербализации: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Науменко Юлия Николаевна, 2021. — 167 с.
2. *Рябцева Н. К.* Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 32–42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42.
3. *Стеблецова А. О.* Заголовки английских и русских научных статей: дискурсивно-когнитивные особенности / А. О. Стеблецова, Ю. Н. Науменко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 4 (820). — С. 161–179.
4. *Харченко Н. П.* Заглавия, их функции и структура: на материале научного стиля современного русского языка: дисс... канд. филол. наук / Н. П. Харченко. — Ленинград, 1968. — 211 с.
5. *Vakhterova E. V.* Medical Research Genres in the English Academic Discourse / E. V. Vakhterova, A. O. Stebletsova // Discourse. — 2024. — Vol. 10, No. 1. — P. 151–162. — DOI 10.32603/2412-8562-2024-10-1-151-162. — EDN TJQNDC.

УДК 811.11.112

Палехова Ольга Владимировна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, palekhova@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В НЕМЕЦКИХ МАССМЕДИА

Данная статья посвящена прецедентным феноменам в современном немецкоязычном медийном дискурсе, выступающим в качестве одного из способов привлечения внимания массового адресата и воздействия на него через эмоциональную и когнитивную сферы. В статье анализируются политически маркированные прецедентные ситуации и высказывания.

Ключевые слова: прецедентный феномен, массмедиа, адресат, воздействие, политический медиадискурс.

В современных массмедиа для усиления воздействия на массового адресата всё чаще используются апелляции к прецедентным феноменам, позволяющие вовлечь адресата в активный интерпретационный процесс, побудить его «распознавать» отсылки к тем или иным событиям или ситуациям и, как следствие, получить эмоциональное удовлетворение от декодирования полуимплицитных смыслов. Для

узнавания и интерпретации того или иного прецедентного феномена — прецедентной ситуации или прецедентного имени — адресат должен иметь определенные фоновые знания. Как следствие, в современном медиадискурсе нередко эксплуатируется известная всем представителям лингвокультурного сообщества информация. К такой культурно-значимой информации можно отнести *прецедентные высказывания*, к которым относятся не только высказывания известных личностей, но также и фразеологические единицы, *прецедентные имена*, подразумевающие как имена реальных личностей, так и литературные и/или кинематографические прецедентные имена, отсылающие к тем или иным дифференцирующим признакам или оценке, и прецедентные ситуации.

Следует отметить, что отличительной чертой современного немецкого медиадискурса является его всё большая взаимосвязь с политическим дискурсом, что, на наш взгляд, обусловлено не только внешнеполитическими событиями, но и постоянной внутривнутриполитической повесткой. Как следствие, в качестве средства политического убеждения выступают отсылки к общим моральным и духовным ценностям, к современным общественно-культурным веяниям, отсылки к известным историческим фактам (прецедентным ситуациям), цитирование, в том числе отсылка к резонансным высказываниям политических оппонентов для их дискредитации. В качестве примера может служить следующий фрагмент статьи:

Wer jetzt Kino im Kopf hat und im Hintergrund das Klage lied der Mundharmonika zu hören meint: Von Endzeitstimmung für die SPD, für sich selbst als Kanzler und künftiger Kanzlerkandidat will Olaf Scholz natürlich nichts wissen [6].

В данном фрагменте содержатся отсылки к нескольким прецедентным феноменам. В о - п е р в ы х отсылка посредством понятного для всех эвфемизма «*мёд в голове*» (*Kino im Kopf*) к ситуации возрастной деменции, в о - в т о р ы х, к «*губной гармонике*», являющейся одновременно и отсылкой к прецедентному тексту (песня Марлен Дитрих «*Auf der Mundharmonika*», в которой она с печалью отмечает, что от них и следа не останется, и никто их не вспомнит, и эту песню, играемую на губной гармонике, называет «Ляляля»), а также к прецедентной ситуации: в годы войны у всех немецких солдат была губная гармоника. В - т р е т ь и х, к прецедентной ситуации можно также отнести

«Endzeitstimmung», что можно перевести как «апокалиптическое настроение», отсылающее к низким рейтингам правящей коалиции.

К прецедентным феноменам в немецком политическом медиадискурсе можно также отнести цветовую символику как политических партий, так и отдельных федеральных земель. Так, например, «бело-голубой» (*Weiß-Blau*) является отсылкой к цветам герба Баварии, т. е. прецедентным именем:

Ein bisschen Weiß-Blau muss trotzdem sein. Wenn Söder schon nicht Kanzlerkandidat wird, soll das zumindest im bayerischsten Ort Berlins verkündet werden: in der Landesvertretung des Freistaates [5].

В приведенном фрагменте «*немного* бело-голубого» является прецедентной ситуацией, отсылающей к прошедшим накануне политическим переговорам о едином кандидате на пост канцлера Германии от блока ХДС и ХСС. К известной всем ситуации относится факт неоднократных попыток председателя баварской партии ХСС Маркуса Зёдера стать таким кандидатом.

Примерами интертекстуальных включений в медиадискурсе могут служить ссылки на источники информации (*in den letzten Umfragen, trotz Umfragetiefs und schlechter Wahlprognosen*) или цитирование, маркируемое в немецком языке презентными формами конъюнктива (*Nicht schlimm, meint Olaf Scholz, denn es gehe ja um Dietmar Woidke. Um Brandenburg. Und darum, dass die Sozialdemokratische Partei hier ein klares Mandat bekomme; Höcke will die anderen Parteien zu Gesprächen einladen. Das sei schließlich gute, alte Tradition*) или кавычками. Примером цитирования, маркированного как косвенной, так и прямой речью, может служить следующий фрагмент:

Die Werte bei der Demokratiezufriedenheit in Thüringen seien auf das „dämliche Brandmauer-Gerede“ zurückzuführen. „Das muss nun vorbei sein“ [4]

В приведенном фрагменте приводится высказывание Бьёрна Хеке после земельных выборов в Тюрингии, где партия АдГ заняла первое место, о том, что «показатели того, насколько Тюрингия удовлетворена демократией, обусловлены «глупыми разговорами о дистанцировании» (от АдГ — примечание наше). «Теперь с этим должно быть покончено». Данное прецедентное высказывание содержит также отсылку к ситуации, а именно — нежелание вступать в коалицию с партией АдГ, т. е. подчёркнутое дистанцирование от политического оппонента.

Следует отметить, что при цитировании нередко используются индивидуальные имена (например, *Woidke ist das Zugpferd*; *CSU-Chef Söder*; *die «Altparteien»*) как разновидность прецедентных имен, отсылающих к определенной прецедентной ситуации или прецедентному тексту [1]. В случае, если прецедентное имя носит личностный характер (в отличие от сверхличностного, ставшего нарицательным), оно может получать новые коннотации и оценочные значения, как, например, в случае «светофорной коалиции». Расширение значения таких имён обусловлено публикуемой в массмедиа новой информацией, постоянно формирующей фоновые знания массового адресата и, тем самым, создавая новые прецедентные феномены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. Москва: Гнозис, 2022. — 200 с.
2. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. — Екатеринбург, 2007. — 207 с. — Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/usp/5960/1/mon00081.pdf> (дата обращения 10.09.2024).
3. Палехова О. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных текстов в рассуждении // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Выпуск 17. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. — С. 58–61. — EDN XVWKGGR.
4. *Ende mit den „dämlichen Brandmauer-Gerede“* // NZZ, 2024. URL: <https://www.nzz.ch/international/landtagswahlen-in-sachsen-und-thueringen-welche-koalitionen-sind-wahrscheinlich-ld.1845597> (дата обращения 09.09.2024).
5. *Kanzlerkandidatur der Union: Hält der neue Frieden?* // Kieler Nachrichten, 2024. URL: <https://www.kn-online.de/politik/kanzlerkandidatur-der-union-wuest-verzichtet-der-weg-fuer-merz-ist-frei-LJD24B5HTJE4HFMSZ5JV6DZW4Y.html> (дата обращения 19.09.2024).
6. *Letzte Ausfahrt Brandenburg* // Tagesschau, 2024. URL: <https://www.tagesschau.de/multimedia/audio/audio-199220.html> (дата обращения 20.09.2024).
7. *Merz: Kann mich auf Söder und die CSU verlassen* // PNP.de, 2024. URL: <https://www.pnp.de/nachrichten/bayern/merz-kann-mich-auf-soeder-und-die-csu-verlassen-17014637> (дата обращения 19.09.2024).
8. *Wann kommen Prognosen, Hochrechnungen und Ergebnis?* // Tagesspiegel, 2024. URL: <https://www.tagesspiegel.de/potsdam/brandenburg/landtagswahl-in-brandenburg-2024-wann-gibt-es-die-ersten-prognosen-und-hochrechnungen-12404993.html> (дата обращения 22.09.2024).

Петухова Татьяна Ивановна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, t.petuhova@spbu.ru

ПОЛИКОДОВОСТЬ АВТОПОРТРЕТА: РОЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛА

В статье в аспекте поликодовой коммуникации рассматриваются автопортрет художника и сопровождающий его автокомментарий. Вербальный компонент может быть интегрирован в само произведение искусства, а также может функционировать в формате авторского нарратива, в котором наиболее значимым элементом является языковая актуализация оценочного отношения художника к определенным событиям и ситуациям, послужившим контекстом для создания картины.

Ключевые слова: автопортрет, самопрезентация художника, автокомментарий, поликодовая коммуникация в искусстве, нарратив художника.

В настоящее время полимодальные характеристики дискурса привлекают все большее внимание ученых, работающих в русле когнитивной лингвистики, нарратологии, лингвистической семиотики. При этом отмечается, что термины «полимодальность», «мультимодальность», «поликодовость» не являются взаимоисключающими и могут быть применимы к одному и тому же материалу, «однако каждый из них смещает акцент на определенные дискурсивные аспекты» [1, с. 19]. Коммуникация, осуществляемая посредством искусства, также носит поликодовый характер и созданные художниками произведения / тексты могут быть проанализированы с точки зрения взаимодействия вербальных и невербальных компонентов. Несомненный интерес представляет исследование функционирования вербального кода в автопортрете художника, а также анализ написанного художником автокомментария, который сопровождает изображение мастером самого себя.

Вербальный код автопортрета обладает значимым прагма-коммуникативным потенциалом, и его интерпретация играет важную роль в экспликации заложенного автором художественного смысла [2]. Так, например, вербальные и невербальные компоненты автопортрета вступают в сложное семиотическое взаимодействие в работах немецкого художника Альбрехта Дюрера, который достаточно часто сопровождает свои изображения надписями. Эти надписи, будучи интегри-

рованными в символический смысл изображения, выполняют важную роль в репрезентации художественного образа. Таким образом, художник осуществляет самопрезентацию своей личности, используя, в том числе, и вербальные знаки. Взаимодействие вербального и невербального кодов ярко предстает в автопортрете художника, созданном в 1500 году, известном как «Автопортрет в одежде, отделанной мехом» (1500). Американский журналист и эксперт в области искусства Джудит Добржински анализирует автопортрет Дюрера, эксплицируя для зрителя транслируемые им смыслы:

In 1500, a bolder-still Dürer made his stunner: This time, Dürer faces front — a rarity at the time — and he stares directly, intensely at the viewer. His face, slightly elongated, is symmetrical; his long curly hair tumbles down onto a rich, velvety brown cloak, trimmed in fur. His right hand, Dürer’s creative hand, extends upward, as if it may be about to gesture, perhaps give a blessing. «...» To his left, Dürer inscribed the painting: “Thus I, Albrecht Dürer from Nuremberg, painted myself with indelible colors at the age of 28 years.”

To viewers of his era, the image is unmistakably Christ-like. Both confident and self-conscious, sensuous and spiritual, Dürer’s work was destined to become an icon [5].

Джудит Добржински отмечает уверенность, самосознание и духовность, которые передает картина Дюрера. Изобразив себя фронтально, что было не принято в то время, всем своим обликом и жестом, подобным жесту благословения, художник уподобляет себя Христу. Выбрав такой художественный образ для репрезентации своей личности, художник объективирует мысль о том, что его мастерство даровано ему создателем и делает его в глазах общества не простым ремесленником, а гениальным творцом. Вербальные знаки присутствуют в виде надписи на картине, которая переведена экспертом на английский язык следующим образом: «*Thus I, Albrecht Dürer from Nuremberg, painted myself with indelible colors at the age of 28 years*». Эта надпись дополняет и усиливает как религиозное содержание изображения, так и основную интенцию автора — транслировать себя миру как зрелую, состоявшуюся личность, художника, искусство которого будет жить вечно. Следует отметить, что перевод надписи на английский язык вызвал споры среди искусствоведов, что лишь подчеркивает неоднозначность и многовекторность в понимании автопортрета специалистами:

There is even a dispute over the translation of the inscription, where the adjective describing “colors” has been variously translated as “incredible” or

“lasting”, as well as “eternal” and “indelible”, both of which reinforce the religious nature of the picture. Art books tend to favor “indelible”, Dr. Schawe prefers “characteristic”, and the Alte Pinokothek’s own catalog uses “lasting” [5].

Вербальный текст, автором которого является сам художник, может быть не только интегрирован в портрет, но и сопровождать изображение, присутствовать рядом с ним, представляя собой пояснение к картине, структурированное в форме нарратива.

Как известно, творчество А. Дюрера оказало значительное влияние на последующие поколения живописцев, в частности на становление американского художника XX–XXI вв. Эндрю Уайета. В своей автобиографии, в которой представлены работы художника и его автокомментарии к картинам, мастер на вербальном уровне эксплицирует для зрителя транслируемые изображениями смыслы. Комментируя картину под названием «Trodden Weed» (1951 г.), которая представляет собой изображение ног художника, Э. Уайет называет ее автопортретом:

A self-portrait. It was after a dangerous eight-hour operation on my lung. Afterward I walked and walked the country around Chadds, getting my strength back, wearing these French cavalier’s boots which belonged to the painter Howard Pyle. As I walked I had to watch my feet because I was so unsteady. And I suddenly got the idea that we all stupidly crush things underfoot and ruin them — without thinking. Like the weed here getting crushed. That black line is not merely a compositional device — it’s the presence of death. Before my operation I had been looking at Albrecht Dürer’s works. During the operation they say my heart stopped once. At that moment I could see Dürer standing there in black, and he started coming at me across the tile floor. When my heart started, he, Dürer — death — receded. So this painting is highly emotional — dangerous and looming. I like it [7, p. 33].

Описание картины художник структурирует в формате нарратива, в котором можно выделить основные значимые элементы, о которых писал В. Лабов: тезисы (краткое изложение), ориентацию реципиента относительно времени, места и участников события, последовательность действий и событий, оценку события и действий рассказчиком, разрешение ситуации (что произошло в конце концов), коду (возврат повествования к настоящему времени) [3; 4; 6]. В анализируемом нами нарративе тезисы или краткое изложение событий отсутствуют. С определенными допущениями к этому элементу нарратива представляется возможным отнести название картины. В струк-

туре нарратива можно также выделить указание на время (*after a dangerous eight-hour operation*), место (*the country around Chadds*), основного участника (повествователь репрезентирован личным местоимением *I*), последовательность событий, представленная глаголами *walk, watch, get, look, say, start coming, start, recede*. События объективированы художником не в хронологическом порядке, в повествовании имеют место элементы ретроспекции. Характер конструирования информации в дискурсивном фрагменте объективирует на языковом уровне взаимосвязь между событиями в жизни художника, этому способствует использование средств конъюнкции: *afterward, as, before, when, so*, а также видо-временных форм глагола и указательной референции. Наиболее значимым является оценочный компонент, который представлен прилагательными, и наречиями с оценочной семантикой: *dangerous, stupidly, emotional, looming*, а также существительными и глаголами, использование которых способствует негативной тональности повествования: *crush, ruin, death*. Завершается нарратив возвратом к моменту повествования: художник признает, что ему нравится картина, в которой ему удалось передать свое эмоциональное состояние в тяжелый для него момент жизни.

Таким образом, вербальный знак, функционируя в поликодовом пространстве автопортрета, может выступать как важная составляющая художественного образа, так и как элемент структурирования и репрезентации на дискурсивном уровне значимых аспектов жизни и творчества художника, как средство актуализации для реципиента контекста создания картины, что способствует пониманию транслируемого произведением искусства смысла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ирисханова О. К.* Полиmodalный дискурс как объект исследования // Полиmodalные измерения дискурса / Отв. ред. О. К. Ирисханова. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — С. 15–32.
2. *Петухова Т. И.* Прагма-коммуникативный потенциал вербального кода в автопортрете // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3–1(54). — С. 674–678. — EDN HGEZRR.
3. *Евстегнеева Н. В., Оберемко О. А.* Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. — 2007. — № 4. — С. 95–107. — EDN PZVHCT.
4. *Ярская-Смирнова Е. С.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. — 1997. — № 3. — С. 38–61.
5. *Dobrzynski J.* Staring Durer in the Face. The Wall Street Journal. 2008. <http://www.judithdobrzynski.com/3013/staring-durer-in-the-face> (Дата обращения 18.09.2024).

6. *Labov W.* The transformation of experience in narrative syntax. // Language in the inner city: Studies in the Black English Vernacular. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. — Pp. 354–396.

7. *Wyeth A.* Autobiography. — Bulfinch; 2nd Printing edition, 1998. — 168 p.

УДК 811.111

Раева Наталья Васильевна

Военная академия материально-технического обеспечения
имени генерала армии А. В. Хрулёва
Санкт-Петербург, Россия, nataliraeva@gmail.com.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ (2023): РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТОРОН В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена представлению палестино-израильского конфликта в немецкоязычных СМИ. Проведен лексико-семантический анализ текстов немецкоязычных online-изданий с выделением номинаций сторон палестино-израильского конфликта, проанализированы устойчивые характеристики участников конфликта.

Ключевые слова: ближневосточный конфликт, стороны конфликта, номинация, немецкоязычные СМИ.

Палестино-израильский конфликт продолжается уже почти 75 лет. Конфронтация между Государством Израиль и соседними с ним арабскими странами, а также палестинцами — одна из острейших проблем международных отношений второй половины XX — начала XXI вв. Целью данной статьи является выявление особенностей освещения данного конфликта в немецких СМИ. Материалом исследования послужили тексты крупных немецкоязычных online-изданий “Bild”, “Focus”, “Süddeutsche Zeitung”, “Spiegel”.

В анализируемом материале нами были выделены следующие стороны, которые прямо или косвенно участвуют в конфликте:

- Правительство Биньямина Нетаньяху и Армия обороны Израиля (Цахал);
- Хамас (палестинская исламистская террористическая политическая и военная организация сопротивления, управляющая сектором Газа), и вооруженные группировки, воюющие на их стороне;

- Международные участники, косвенно задействованные в конфликте (поддерживающие одну из сторон страны);
- Нейтральная сторона (мирные жители, межправительственные организации (ООН, ЕС, ЛАГ, Красный Крест)).

Нами был проведен лексико-семантический анализ корпуса новостных текстов современных немецкоязычных СМИ, выделены и проанализированы номинации участников конфликта.

1) Правительство Б. Нетаньяху и Армия обороны Израиля (Шахал)

Таблица 1

Лексема	Число словоупотреблений
die israelische Armee (IDF)=die Armee	45
die israelischen Soldaten=Soldaten=Soldatinnen	21
der israelische Ministerpräsident Benjamin Netanjahu= Netanjahu	17
Streitkräfte	8
Israelische Truppen =IFF=Truppen	7
Bodentruppen	3
die israelische Verteidigungskräfte	2
Luftkräfte	2
Sicherheitskräfte	2
das Militär = das israelische Militär	2
Panzertruppen	1
Seestreitkräfte/Marine	1
Reservisten	1
IDF-Kommandeuer	1
der israelische Staatspräsident Jitzchak Herzog	1
Israelische Sicherheitdienst	1

Лексико-семантический анализ номинаций представителей стороны Правительства Биньямина Нетаньяху и Армии обороны Израиля показал, что в отношении данных участников в немецкоязычных СМИ преобладают нейтральные наименования: *Netanjahu zeigte sich entschlossen, die Militäroffensive gegen die Hamas im Rafah trotz internationaler Warnungen bald zu beginnen...* (Bild.de 10.03.2024). Случаев стилистически-маркированного названия представителей данной стороны не выявлено.

2) «Хамас» и поддерживающие его вооруженные группировки

Таблица 2

Лексема	Число словоупотреблений
die Hamas	87
die Terroristen	32
die Hamas-Terroristen	15
die islamistische Terrororganisation	10
die Extremisten	7
die Terrorgruppe Hamas=die Terrorgruppe	7
die islamistische Hamas	6
Hamas-Kämpfer	5
die Hisbollah	4
die Islamisten	3
die Angreifer	3
Kämpfer	3
Hamas-Truppen	3
Schiitische Hisbollah Miliz	2
Terroristenbataillone	1
Hisbollah-Miliz	1
Brigadekommandeure der Hamas	1
Bataillonskommandeure der Hamas	1
die Täter	1
libanesischen Hisbollah Miliz	1
Hisbollah Kommandeuer	1
bewaffnete Palästinenser	1
die Einheiten	1

Как видно из таблицы при описании представителей Хамас в немецкоязычных СМИ преобладают негативные элементы дискурса с доминантой лексемой *Terror: Terroristen, islamistische Terrororganisation, Hamas-Terroristen, Terrorgruppe Hamas, Terrorgruppe*. Нередко в рамках одного предложения присутствует сразу несколько отрицательных номинаций: *In dem Teil des Kibbutz, in dem die jungen Erwachsenen lebten, sind die kleinen Häuser ausgebrannt. „Die Palästinenser zündeten sie an, um die Bewohner nach draußen zu zwingen“, sagt der Offizier Barak. Dann hätten*

die Angreifer mit Maschinengewehren auf sie geschossen. „Aber viele starben lieber im Feuer statt von den Terroristen getötet zu werden. Wir haben viele Leichen in den Häusern gefunden“, berichtet der 24-Jährige. (Focus.de, 12.10.2023).

3) Международные участники

Анализ номинаций международных участников конфликта показал, что стилистическая маркированность данных лексических единиц зависит от того, чью сторону поддерживают те или иные страны. Поддерживающие Израиль государства (США, Великобритания, страны Евросоюза) чаще всего маркируются нейтрально, в то время как номинации стран, поддерживающих Палестину (Ливан, Иран, Катар, Сирия, Иордания и др.), как правило, стилистически маркированы: *Die libanesische Terror-Organisation Hisbollah macht mobil — und ist noch viel gefährlicher als die Hamas. Denn: Sie wird von Iranern ausgebildet, verfügt über mehr als 100000 Raketen und eine moderne Armee. (Bild.de, 12.10.2023). Neben den USA gehört Israel zu den erklärten Erzfeinden des Iran. Israel wird vom Regime in Teheran nicht als legitimer Staat anerkannt und ist für die iranische Führung erklärtermaßen die „größte Bedrohung“ (Focus.de, 06.08.2024).*

4) Нейтральная сторона

Анализ номинаций представителей нейтральной стороны (мирного населения обеих стран, представителей других стран, международных межправительственных организаций) показал, что в отношении данных участников в материалах немецких СМИ используются преимущественно нейтральные номинации (*Kibbuzium, Zivilisten, Zivilbevölkerung, Kibbuz-Bewohner, Geiseln, Christen, Schiiten, Juden, Rotes Kreuz, UNO*): *«Hamas übergibt weitere Geiseln — auch eine Deutsche frei. (Spiegel.de 28.11.2023). Встреченные стилистически-маркированные лексемы (*Opfer, menschliche Schutzschilde*) передают оценочное отношение скорее к сложившейся ситуации, нежели к участникам событий: *Israel betont immer wieder, dass die Hamas im Gazakrieg aus zivilen Einrichtungen herausoperiert und Zivilisten damit wissentlich in Gefahr bringt oder sie als menschliche Schutzschilde missbraucht* (Bild.de 06.06.2024).*

Таким образом, семантический анализ номинаций сторон палестино-израильского конфликта демонстрирует ангажированность немецких СМИ в освещении данного конфликта: если представители Израиля и их союзники презентуются с помощью нейтральной лексики, то наименования представителей Хамас и союзников Палестины,

как правило, стилистически маркированы и часто сопровождаются в текстах оценочной лексикой, поддерживающей общую тональность повествования.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Bild [Электронный ресурс].— URL: www.bild.de.
2. Focus [Электронный ресурс].— URL: www.focus.de.
3. Spiegel [Электронный ресурс].— URL: www.spiegel.de.
4. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс].— URL: www.sueddeutsche.de.

УДК 811.111'42

Рамантова Ольга Вячеславовна,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ),
Санкт-Петербург, Россия, ms.ramantova@mail.ru.

Степанова Наталья Валентиновна,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ),
Санкт-Петербург, Россия, nathalie.tresjolie@icloud.com

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА НЕРАВЕНСТВА (КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ)

В статье исследуется медийный дискурс неравенства: посредством определения и количественной обработки коллокаций с ключевыми лексическими значениями описывается языковая специфика дискурса неравенства современного периода. Установлено, что англоязычный дискурс неравенства по убыванию репрезентирован семантикой расового и этнического неравенства, неравенства в области здравоохранения, гендерного неравенства, экономического и климатического неравенства, что позволяет говорить об одноименных типах дискурса и прагматическом приоритете отражаемой социальной проблематики.

Ключевые слова: дискурс, коллокация, корпусная лингвистика, корпусный анализ, семантика неравенства, AntConc.

В данном докладе предпринята попытка систематизировать семантику англоязычного дискурса неравенства и охарактеризовать его прагматическую направленность с опорой на доказательный метод исследования. Выбор методики анализа текстов о проблеме неравенства диктуется все возрастающим стремлением к объектив-

ности и получению точных эмпирических данных, что, в свою очередь, и подкрепляется многочисленными современными исследованиями характеристик разных видов дискурса с применением именно количественного метода анализа [2, с. 30]. Исследователи неоднократно отмечают перспективность корпусного анализа в отношении когнитивных исследований в силу того, что применение метода компьютерно-корпусного анализа расширяет и уточняет понимание пространства дискурса, углубляя наше представление о функциональной направленности высказываний благодаря определению рекуррентных лингвистических моделей, реализующих структуры дискурса и дискурсивные стратегии [3; 4]. Перспектива корпусных исследований дискурса обширна: корпусная методология открывает возможности когнитивного анализа семантики, изучения лингвокогнитивной специфики коллокаций; работа с корпусом позволяет определить дискурсивные способы конструирования социальной реальности [1].

Объектом изучения послужил собственный корпус текстов новостного агентства “The Guardian”, отобранных при помощи встроенной функции поиска по сайту (<https://www.theguardian.com/international>) с сортировкой материала по релевантности. Объём корпуса составил 94693 слова и включает в себя 104 публикации. Корпусный анализ текстов предваряла работа с лексикографическими источниками, а полученные данные позволили классифицировать англоязычный дискурс неравенства на несколько видов. Концептуализирующей лексемой дискурса неравенства была определена лексема *inequality*, использование которой особенно характерно для заголовков публикаций, посвященных вопросу неравенства. Компьютерный анализ отобранных текстов включал в себя использование аналитических параметров FDA (анализ частотного распределения), KWIC (ключевое слово в контексте) и Cluster (тематическая категоризация).

В ходе дефиниционного анализа значения *inequality* были выявлены его следующие семантические признаки: 1. несправедливость/ unfair; 2. неравенство возможностей/ opportunity; 3. экономическое неравенство/ money, wealth, distribution; 4. социальное неравенство/ social disparity, social status, status; 5. правовое неравенство/ rights; 6. дисбаланс/ unequal, uneven, difference.

Тезаурусы синонимов предлагают следующие синонимы значения *inequality*: bias, difference, discrimination, disparity, injustice, unfairness,

difference, differentiability, disagreement, disparity, disproportion, distance, distinctiveness, distinctness, divergence, friction, imbalance, imparity, irregularity, lack of balance, preferentiality, prejudice, unevenness. Данные синонимичные значения, обнаруженные в исследуемом языковом корпусе, можно разделить на две группы: 1) значения, образующие устойчивые коллокации и 2) значения, не образующие устойчивых коллокаций. Анализ устойчивых словосочетаний позволяет выделить следующие дополнительные контекстуальные признаки: расовое неравенство (23) racial discrimination (15), race discrimination (2), racial bias (2), racial injustice (2), racism and discrimination (2); трудовое неравенство (2) workplace discrimination (2); климатическое неравенство (2) climate injustice (2). К синонимам, не образующих устойчивых словосочетаний в исследуемом корпусе, относятся значения disparity (7), imbalance (4), divergence (3).

Что касается концептуализирующей лексемы *inequality*, были выявлены ее следующие кластеры, расширяющие семантические признаки концепта неравенства: health inequality (44), racial inequality (17), tackle inequality (15), wealth inequality (15), income inequality (14), global inequality (13), carbon inequality (9), ethnic inequality (8), existing inequality (7), gender inequality (7), economic inequality (6), reduce inequality (6), widening inequality (6), educational inequality (5), triple inequality (5), address inequality (4), inequality in Britain (4), inequality in the world (4), regional inequality (4), structural inequality (4), fight against inequality (3), fight inequality (3), increase in inequality (3), inequality in the UK (3), poverty inequality (3), stark inequality (3), worsen inequality (3).

Показательно, что одни коллокации дополняют состав уже определенных признаков, в то время как другие выражают новые признаки, не выделенные в процессе рассмотрения словарных дефиниций и синонимов.

Подводя итог, можно привести наиболее полный перечень семантических признаков лексемы *inequality* и её синонимичных значений:

1. Расовое и этническое неравенство (46): racial inequality (17), racial discrimination (15), ethnic inequality (8), race discrimination (2), racial injustice (2), racism and discrimination (2).

2. Неравенство в области здравоохранения (44): health inequality (44);

3. Экономическое неравенство (38): wealth inequality (15), income inequality (14), economic inequality (6), poverty inequality (3).

4. Способность влиять на уровень неравенства (31): *tackle inequality* (15), *reduce inequality* (6), *address inequality* (4), *fight against inequality* (3), *fight inequality* (3).

5. Локализация неравенства (28): *global inequality* (13), *regional inequality* (4), *inequality in Britain* (4), *inequality in the world* (4), *inequality in the UK* (3).

6. Прогрессирующий характер неравенства (17): *widening inequality* (6), *triple inequality* (5), *stark inequality* (3), *worsen inequality* (3).

7. Климатическое неравенство (11): *carbon inequality* (9), *climate injustice* (2).

8. Гендерное неравенство (7): *gender inequality* (7).

9. Неравенство в области образования (5): *educational inequality* (5).

10. Трудовое неравенство (2): *workplace discrimination* (2).

Еще одним этапом машинного анализа исследуемого языкового корпуса является выявление наиболее частотных языковых единиц, которые конструируют семантическое пространство текстов о неравенстве и вместе с тем наделяют его определенной прагматической силой. Ранжированный список лексем, входящих в состав корпуса, включает в себя следующие самые частотные единицы: *people* (446), *women* (362), *health* (292), *climate* (190), *wealth* (129), *black* (115), количественная оценка которых указывает на наиболее проблемную область неравенства.

Далее приведем их типичные коллокации, разнообразие которых свидетельствует о многоаспектности дискурса неравенства, при этом особенно репрезентативно представлена проблема благосостояния населения, расовая и гендерная проблематика:

people (446) *black* (30), *young* (22), *ethnic* (20), *white* (18), *minority* (16), *rich* (15), *asian* (13), *tra**gender* (10), *incomes* (7), *ordinary* (6), *disabilities* (6)

women (362) *health* (35), *cancer* (22), *black* (18), *tra*** (10), *ci** (6), *pregnant* (5), *native* (3), *latina* (3)

health (292) *inequalities* (56), *women* (35), *reproductive* (22), *mental* (20), *disparities* (12), *maternal* (9), *sexual* (9), *race* (8), *equity* (6)

climate (190) *crisis* (39), *justice* (30), *change* (25), *action* (14), *emergency* (11), *breakdown* (10), *disaster* (4), *zone* (3)

wealth (129) *inequality* (23), *tax* (18), *taxes* (12), *income* (10), *extreme* (8), *growing* (6), *richest* (5), *bottom* (4), *concentration* (3), *windfall* (3), *possessing* (2), *unchecked* (2)

black (115) people (30), women (18), asian (18), ethnic (12), minority (11), african (8), caribbean (8), communities (7), medical (6), residents (4), chemists (4), americans (4), careers (3), academic (3), outraged (2).

Перечисленные языковые значения и их коллокации можно соотнести с уже выявленными семантическими признаками лексемы *inequality*.

Таким образом, в классификацию типов дискурса неравенства в соответствии с семантическими признаками лексемы *inequality* вписываются практически все лексемы с коллокациями. Стоит отметить, что не все семантические признаки, выделенные на этапе анализа лексемы *inequality* и её синонимов, дублируются значениями с высоким параметром FDA и их коллокациями. Некоторые коллокации относятся к нескольким семантическим признакам, что позволяет обоснованно говорить о пересечении типов дискурса неравенства: так, например, через коллокации лексемы *women* раскрываются темы расового и гендерного неравенства. На основании суммы показателей FDA для всех лексем и коллокаций можно определить приоритетную позицию конкретной проблематики дискурса неравенства среди его пяти выявленных тематических направлений: 1. расовое и этническое неравенство (314); 2. неравенство в области здравоохранения (295); 3. гендерное неравенство (212); 4. экономическое неравенство (156); 5. климатическое неравенство (147).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кочетова Л. А., Кононова И. В. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 65–74. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-65-74.

2. Матыцина М. С., Григорянова Т. Англоязычный дискурс иммиграции в аспекте корпусной лингвистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20, №№ 6. С. 29–41. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.3>

3. Baker P. Using Corpora in Discourse Analysis. London: Continuum, 2006. 208 p.

4. Baker P., KhosraviNik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R., 2008. A Useful Methodological Synergy? Combining Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics to Examine Discourses of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press // Discourse & Society. Vol. 19 (3). P. 273–306. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926508088962>.

Силантьева Вероника Георгиевна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, silvercom@rambler.ru.

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА НА ДИСКУРСЫ МАЛЫХ ИНТЕРНЕТ СООБЩЕСТВ

У большинства медийных дискурсов есть ключевые фигуры или активисты, которые своей словесной деятельностью привлекают единомышленников и способствуют появлению интернет сообществ, нацеленных на обсуждение и продвижение идеологием их дискурса. Данная статья предлагает рассмотреть литературное произведение как нарратив, в котором сформулированы ключевые понятия, ретранслируемые в медийном дискурсе схожей тематики.

Ключевые слова: нарратив, дискурс, интернет сообщества, активисты, массовая литература, чайлдфри, антиутопия.

Целью данного исследования стало изучение влияния произведений художественной литературы на речевую деятельность интернет активистов и механизмы формирования дискурса [2, с. 32; 3, с. 55]. В своём исследовании мы стремимся проанализировать прозаические тексты, которые цитируются активистами интернет сообществ, для того чтобы выявить, какие концепты и тропы вероятно пришли в интернет дискурс из литературного материала [1, с. 120, 4, с. 12].

Для анализа нами были отобраны три произведения: «Каждый день — день матери»/*Every Day is Mother's Day* (1985) Х. Мантел, «Дитя человеческое»/*The Children of Men* (1992) Ф. Д. Джеймс и «Век дитя»/*The Age of The Child* (2017) Кристен Цеци. Эти произведения не переведены на русский язык и имеют отношение к трём репрезентативным англоязычным интернет сообществам, объединённым темой материнства и детства. Тематика произведений постулируется в заглавиях: в первом акцент делается на женщине-матери, в двух других — на ребёнке.

Первые два произведения написаны признанными британскими литераторами и относятся к жанрам романа и антиутопии соответственно. Третье произведение, так же относящееся к жанру антиутопии, было написано активисткой чайлдфри сообщества. В данной статье мы хотели бы подробнее остановиться на некоторых результатах текстового и конкордансного анализа последнего произведения. Мы

считаем, что роман «Век дитя» целесообразно брать за отправную точку исследования, поскольку он относится к массовой литературе, то есть должен отличаться высокой степенью стереотипизации и частотой клише чайлдфри дискурса. Также, исходя из истории создания романа, его написание имело прямое отношение к началу активистской деятельности автора Кристен Цеци, которая одновременно с публикацией романа начала совместно с другими активистами чайлдфри движения выпускать подкаст по соответствующей тематике на платформе ютюб. Сейчас роман активно продвигается в контексте отмены закона Роу против Уэйда и имеет относительно высокий рейтинг.

На первом этапе нами были рассмотрены конкордансы референтных слов и дейктических единиц с целью определения жанрового и стилистического характера романа:

I	She	He	We	You	They
(890) I	(2319) she	(741) he	(276) we	(1171) you	(520) they
(206) me	—————	(244) him	(57) us	—————	(252) them
(113) my	(2438) her	(592) his	(41) our	(178) your	(245) their
(7) mine	(13) hers	—————	(3) ours	(3) yours	(1) theirs
(7) myself	(104) herself	(14) himself	(1) ourselves	(12) yourself	(18) themselves
				(1) yourselves	

Самым частотным местоимением в романе Кристен Цеци стало местоимение «она», которое более чем в три раза превосходит по частоте употреблений местоимение «он». Данный результат до определенной степени был предсказуем, поскольку главными героинями романа являются женщины, мать и дочь. Вторым по частотности оказалось местоимение «ты/вы», за которым следует местоимение «я». Частое употребление личных местоимений второго лица и личного местоимения первого лица единственного числа связано с тем, что в романе превалирует диалогическая речь. Наименьшее число употреблений было зафиксировано у местоимения «мы», что коррелирует с солипсическим характером произведения. Персонажи столь независимы и автономны, что они не стремятся солидаризироваться с другими даже в диалогической речи. Семейные пары также не обозначают себя как единицу.

Конкорданс указательных местоимений ((952) that; (237) this; (54) those; (25) these) демонстрирует, что роман чаще, особенно в повество-

вательной своей части, имеет внешнюю временную точку зрения, при которой автор описывает события со стороны, как уже случившиеся. Наиболее частотное указательное местоимение «тот» употребляется преимущественно с глаголами в нарративном прошедшем времени.

На следующем этапе были систематизированы лексические единицы, относящиеся к пространственной точке зрения в романе:

(126) house	(92) home	(48) basement (15) down- stairs	(11) apartment	(126) room	(71) kitchen	(24) bedroom	(14) bathroom
(10) houses	(6) homes		(1) apartments	(4) rooms		(3) bedrooms	
(2) household		(1) attic (30) upstairs				(46) bed	(1) bath (1) baths

В таблице представлены основные лексемы, используемые в романе для обозначения пространства внутри дома, где происходят основные события. Следует отметить, что автор отдаёт предпочтение лексеме 'house', а не 'home'. Также значительно реже встречаются лексемы 'apartment'/'flat'. Последнее может быть связано с тем, что действие романа происходит в маленьком американском городке ((7) town, (1) towns), и в романе не зафиксировано вхождение лексемы 'city'. Действие разворачивается либо в комнате, либо на кухне; в тексте чаще упоминается кровать, чем спальня; персонажи преимущественно находятся в подвале, а не на чердаке, но предпочитают быть на втором этаже, а не на первом.

В романе преобладают объекты урбанистического пейзажа. Машины, минивэны, дороги и улицы ((27) road (7) roads (1) roadways (18) driveway; (99) car (29) van (60) street (2) streets) упоминаются практически столь же часто, как архитектурные постройки. Инфраструктура развлечений практически полностью отсутствует в романе: нет ни театров, ни музеев, ни ресторанов, несколько раз встречается лексема 'bar'. При этом бары имеют отношение к профессиональной деятельности главной героини: она продаёт алкоголь. Отсутствие мест развлечений, связанных с искусством (слово искусство встречается в романе два раза), усиливает апокалиптический характер антиутопии. Среди природных объектов предпочтение отдается лесу, деревьям ((20)

wood (5) woods (10) forest; (10) trees (9) tree (1) oak (1) oaks единственный вид дерева — дуб) и полям ((15) field (4) fields). Вода, хотя и часто упоминается как часть урбанистского пространства, практически не фигурирует в контексте водных ресурсов ((4) ocean (3) river (1) sea (1) lake (28) water). Лексема ‘animal’/животное применяется в основном к людям. Помимо собак, которые упоминаются в романе значительное количество раз, животных, домашних или диких, практически нет ((83) dog (21) dogs).

На третьем этапе были рассмотрены феминитивы/маскулинитивы, а также лексемы родства, с целью выявить связь текста с феминистским дискурсом:

Феминитивы	Маскулинитивы
(92) woman (26) women	(66) man (8) men
(8) female (1) feminine	(10) male
(58) girl (12) girls	(51) boy (6) boys (2) boyfriend (1) boy-man

Слова родства, обозначающие женский пол	Слова родства, обозначающие мужской пол
185 mother	11 father
81 mom 20 mamma 2 mommy	99 dad 2 daddy
14 daughter 1 daughters	-----
10 sister 2 sisters	13 brother 1 brothers
19 aunt	12 uncle
5 wife	5 husband

В употреблении феминитивов/маскулинитивов интересным показалось то, что хотя лексема «женщина» встречалась чаще, чем лексема «мужчина», тогда как девочка/девушка и мальчик практически сравнялись по количеству употреблений. Слова родства, маркированные по половой принадлежности, по-разному представлены в тексте, в зависимости от типа отношений: детско-родительские или супружеские. Партнёрские отношения предпочитают традиционным супружеским отношениям ((11) partner (1) partners против (5) wife (5) husband). Интересным представляется то, что хотя лексема ‘mother’/мать значительно превышает лексему ‘father’/отец по количеству употреблений, «папа» и «папочка» встречается гораздо чаще.

(184) baby (30) babies
(105) child (87) children
(32) kids (25) kid
(9) toddlers (7) toddler
(6) unborn (3) unborns
(5) fetus
(4) infant (4) infants
(2) newborns (1) newborn

Несмотря на то, что в названии романа фигурирует лексема ‘child’, наиболее частотной оказалась лексема ‘baby’, которая наряду с (9) toddlers (7) toddler, (4) infant (4) infants, (2) newborns (1) newborn применяется к детям невербального возраста. Физиологичности детей раннего возраста, а также процессу вынашивания и рождения детей в романе уделяется значительное внимание, о чем свидетельствует следующая таблица:

41 pregnancy 2 pregnancies 51 pregnant 2 pregnants 1 childbearing
24 birth 3 childbirth 8 delivery 3 labor
8 c-section
7 miscarriage 4 miscarriages
7 abortion 1 abortions
3 uterus 1 uterine 1 uterus-bearer 1 womb
4 fertile 1 fertilization 3 infertile

В целом из лексического анализа единиц по интересующей нас тематике можно сделать следующий вывод: роман Цеци представляет собой традиционный нарратив с недиегитическим автором и схематичным урбанистическим пейзажем. Автор имеет тенденцию к обобщению, то есть использованию множественного числа, когда речь идет о детях, родителях, партнёрах и семьях. Мать, мамочка, папочка и младенец чаще используются в единственном числе. Использование лексемы «папочка» вместо «отец» указывает на феминистский взгляд на родительство: мужчина как объект любви и нежности для ребёнка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Aceituno Y. C., Orrequia-Barea A. English Studies and Literary Education in the Era of Media Manipulation: Context, Perceptions, Feelings and Challenges// Revista Alicantina de

Estudios Ingleses / Alicante Journal of English Studies. — 2020. — No. 33. — P. 119–150. — DOI: 10.14198/raei.

2. *Baker G.A.* The aesthetics of clarity and confusion: literature and engagement since Nietzsche and the naturalists. — 2015. — 286 p. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/311858222_The_Aesthetics_of_Clarity_and_Confusion (дата обращения 21.09.2024) — DOI: 10.1007/978-3-319-42171-1.

3. *Boukes M., Aalbers L., Andersen K.* Political Fact or Political Fiction? The Agenda-Setting Impact of the Political Fiction Series *Borgen* on the Public and News Media//*Communications*. — 2022. — 47(1). — P. 50–72. — DOI: 10.1515/commun-2019-0161.

4. *Jason M.* The Word and the World: The Activist Spirit in American Literature 1968–1998. — 2012. — Morgantown, West Virginia. — 233p. Режим доступа: <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4580&context=etd> (дата обращения 25.09.2024).

5. *Tsetsi K.* The Age of the Child. — CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017. — 272 p. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=9WNhtAEACAAJ&redir_esc=y (дата обращения 04.09.2024).

УДК 81'33

Соколова Ангелина Вячеславовна,

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, Angelina.V.Sokolova@gmail.com.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ХЕДЖИРОВАНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье описывается коммуникативный потенциал элементов лингвистического хеджирования в устном академическом дискурсе, в частности учебной лекции. Отмечается, что, несмотря на основную цель данного жанра академического дискурса, заключающуюся в передаче большого объема информации за относительно короткое время, лектор также стремится к эффективно-му ведению межличностного взаимодействия, что может быть обеспечено посредством использования в речи хедж-маркеров.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, лингвистическое хеджирование, лекция, академический дискурс.

На сегодняшний день растет число работ, посвященных исследованию академического дискурса (далее — АД), в рамках которого, как справедливо отмечает О. А. Сулейманова, «ученый адресует послание научной общественности, ожидая и предвидя определенный отклик со стороны других ученых, без которого его работа не имеет смысла» [5, с. 106]. При этом послание может быть адресовано не

только представителям научного сообщества, но и, предположим, студентам, в связи с чем следует говорить о таком жанре АД, как учебная лекция (не путать с публичной лекцией, обладающей несколько иными характеристиками, однако в той же мере опирающейся на элементы лингвистического хеджирования, о котором речь пойдет далее). Несмотря на объективную разницу в статусе и научной компетентности адресатов, основополагающей целью спикера является воздействие на аудиторию, что подчеркивает релевантность использования определённых речевых стратегий и тактик, сглаживающих возможную асимметричность позиций участников акта межличностной коммуникации. Напротив, пренебрежение данными стратегиями и тактиками увеличивает риск нарушения коммуникативного канала и, как следствие, отсутствие отклика реципиента и / или реакцию, расходящуюся с ожиданиями говорящего. Одной из описываемых стратегий взаимодействия является лингвистическое хеджирование.

Рассматриваемое явление не раз становилось объектом исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, которые акцентировали внимание на различных функциях хедж-маркеров в зависимости от сферы употребления данных единиц: как инструмент снижения категоричности высказывания политических деятелей [3], как маркер субъективности излагаемой информации (на примере дискурса американского ток-шоу [9]), как компенсационная тактика в медицинском дискурсе [8] и т. д. Обзор исследований на тему хеджирования в АД показал, что бóльшая часть ученых рассматривают упомянутый механизм на основе материалов письменного АД (например, [1, 2]) — рецензий на научные статьи, отзывов о диссертациях и т. п., обязательным компонентом которых является оценочность и категоричность, что несомненно снижает процент содержания хедж-элементов и повышает конфликтогенность подобного жанра АД. Данные работы представляют собой значимую для научного сообщества теоретическую базу, однако потенциал изучения хедж-маркеров в устном АД не исчерпан.

Устному АД безусловно присущ ряд отличительных характеристик, среди которых «синхронизированный процесс порождения говорящим высказываний и их восприятия слушающим; наличие непосредственного контакта со слушающим, где необходимым условием является установление раппорта, то есть вовлечения слушающего в контекст;

большая лексическая и грамматическая вариативность» [7, с. 151]. В фокусе настоящей статьи находится последний пункт, а именно разнообразие лексических и синтаксических средств, обеспечивающих построение доверительных отношений с аудиторией — хеджей.

Представляется, что в рамках лекционного академического дискурса спикеры склонны использовать в речи эксплицитные маркеры взаимодействия с *Другим* типа *В. И. Иванов / лингвист / ученый / исследователь утверждает, что...* не только с целью подчеркнуть атрибуцию описываемых в речи положений (подробнее об эксплицитном и имплицитном *Другом* см. работы [6, 7]), но и для введения дополнительного хеджирующего маркера, снимающего с говорящего ответственности за излагаемую информацию в том случае, если высказываемое содержание расходится с мнением / опытом / знаниями адресата. При этом в данном случае имеет место в том числе хеджирование вышеизложенной атрибуции путем внедрения эпистемического глагола мнения *полагать* — ср. *В. И. Иванов / ученый / исследователь / лингвист полагает, что...* Иными словами, говорящий, с одной стороны, «защищает» себя с помощью отсылки к автору какой-либо идеи, с другой стороны, одновременно хеджирует утверждение ученого лексической единицей, обладающей значением относительной уверенности в сообщаемом (см. подробнее об особенностях семантики ряда эпистемических глаголов [4]).

Обратимся к отрывку лекции *Feedback On Writing: Faculty And Student Perceptions* британского лингвиста К. Хайланда: *In many science courses, of course, the tutor... the professor provides no systematic. There is no systematic mechanism for feedback. And students are directed to the teaching assistants. So, this is a biologist. Students have access to postgraduate demonstrators. I think it's the students' initiative whether they use them and it's obvious they are the once which do much better. I think they obviously had some input. And a chemistry teacher. They go to the postgraduates first and then to me, if necessary. If the students send them their draft and the demonstrator will give them feedback but this isn't compulsory, it's up to them.* В данном фрагменте дважды использована конструкция «личное местоимение + эпистемический глагол» — *I think*. По аналогии с предыдущим примером следует отнести данную структуру к хедж-маркерам, указывающим на субъективность высказывания. Необходимо также отметить, что глагол *think* свидетельствует о том, что выводы говорящего основаны преимущественно на его

личном опыте. В то же время спикер вводит в речь наречие *obviously* / связку *it's obvious*, которые могут рассматриваться как противоположные единицам, снижающим категоричности суждения.

Таким образом, стратегия хеджирования, активно используемая в устном академическом дискурсе, позволяет минимизировать негативную оценку речи говорящего, что способствует конструированию гармоничного диалога с аудиторией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богинская О. А. Лексико-синтаксические актуализаторы хеджирования в русском языке: опыт анализа отзывов о диссертации // Русистика. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 18–32. — DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32. — EDN YZIAMC.
2. Ларина Т. В. Эмоции и вежливость в стиле анонимной научной рецензии // Актуальные проблемы стилистики. — 2019. — № 5. — С. 40–46. — EDN UGEUQJ.
3. Пастухова О. Д. Особенности хеджирования в речи Б. Джонсона // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 5(84). — С. 324–326. — DOI 10.24411/1991-5497-2020-00977. — EDN WPUJUS.
4. Соколова, А. В. К проблеме перевода хедж-маркеров, содержащих глаголы ментальных действий // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 2–2(58). — С. 353–357. — EDN MRZCBL.
5. Сулейманова О. А. Особенности языковой личности в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 2(135). — С. 106–109. — EDN AMNFQE.
6. Сулейманова О. А., Тивьяева И. В. Личность Другого в академическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2022. — № 8–2. — С. 207–223. — DOI 10.28995/2686-7249-2022-8-207-223. — EDN LHQPVY.
7. Чекмаева Н. А. Динамика диалогического пространства говорящего в академическом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2022. — № 1(45). — С. 150–155. — DOI 10.25688/2076-913X.2022.45.1.16. — EDN OAUETN.
8. Gribanova T. I. Mitigation in English Language Doctor-Patient Interaction // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — No. 11(840). — P. 57–66. — EDN HBQQFN.
9. Vlasyan G. R., Petrova E. M. Hedging Strategies in the American Talk Show Discourse: Types of Hedges // Bulletin of Chelyabinsk State University. — 2022. — No. 9(467). — P. 38–43. — DOI 10.47475/1994-2796-2022-10905. — EDN QOUPHL.

Соколова Наталья Юрьевна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, n.y.sokolova@spbu.ru.

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА П. И. ЧАЙКОВСКОГО АНГЛОГОВОРЯЩИМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ

В фокусе данной работы находятся англоязычные интернет-публикации о Петре Ильиче Чайковском, размещенные на сайтах профессиональных музыкальных коллективов. Цель заключается в определении вербальных способов создания образа композитора для широкой англоговорящей аудитории. В частности, рассматриваются случаи эксплицитного и имплицитного выражения категории оценки.

Ключевые слова: Петр Ильич Чайковский, образ, оценка, русское классическое наследие, профессиональное сообщество.

При обращении к имени Петра Ильича Чайковского в исследовательской работе или дружеской беседе, как правило, ощущается необходимость избежать укоренившихся и рекуррентных определений. Причиной тому понимание, что личность композитора и его музыкальный язык, как и другие наднациональные явления, не вмещаются в рамки определений. «Чайковский всегда и везде был «своим», не только русским европейцем, не только человеком, но и композитором мира. Ведь Чайковский стал почти национальным композитором в странах совсем иной культуры — в Японии, Китае...» [1; с. 6].

Таким образом, разговор об универсальности фактов культуры, а также основаниях для взаимопроникновения культур едва ли возможен без географических или геополитических интонаций. Это становится особенно заметным, когда межкультурные отношения оказываются в так называемой точке бифуркации, то есть в моменте возникновения неустойчивости и неопределенности дальнейшего развития. Как видится, это влечет за собой необходимость выявления актуальных представлений о фактах своей культуры в других сообществах, ведь, как известно, в призме воззрений на национальное достояние нередко отражается и отношение к целому народу и стране.

Само имя Петра Ильича Чайковского является олицетворением русского классического наследия. В свете вышеизложенного представляется небезосновательным обратиться к англоязычным источникам сегодняшнего дня, формирующим образ композитора и его

творческого мира в сознании современных представителей англоговорящего сообщества. Еще одним веским поводом выступает грядущий 2025-й год, отмеченный 185-летним юбилеем композитора.

Известно, что Чайковский приобрел мировую славу и признание еще при жизни, а его произведения с неизменным постоянством подвергаются профессиональной интерпретации и в нынешнем столетии. По утверждению отечественного музыковедения, «в середине же XX-го и в XXI-м веке самым непререкаемым гением оказался признан Чайковский, музыку которого на нашей планете играют больше, чем чью бы то ни было» [2, с. 4].

Таким образом, профессиональные коллективы — филармонические и симфонические оркестры, оперные и балетные труппы и пр. — являются для своих слушателей и зрителей проводниками в творческий мир Чайковского, формируя образ художественного пространства композитора. При этом исполнение произведений в больших и камерных залах является для представителей профессионального сообщества не единственной возможностью интерпретировать для обывателя музыкальные образы и личностные черты композитора, особенно с учетом немногочисленности аудитории классического театра относительно остального процента представителей культурно-языковой общности. В век медийных технологий разговор с публикой ведется не только на музыкальном языке, но и на языке интернет-публикаций, который ввиду повсеместности становится широкодоступным и формирует расхожие представления о предмете описания.

Таким образом, в задачи данной работы входит обращение к употреблению английского языка в онлайн-публикациях о Петре Ильиче Чайковском с целью установления представлений, бытующих о нем в профессиональном музыкальном сообществе и транслируемых широкому кругу интернет-пользователей. Материалом служат тексты, размещенные на сайтах именитых американских балетных трупп и симфонических оркестров; в публикации проанализированы две из рассмотренных статей.

На сайте компании *San Francisco Ballet* (Балет Сан-Франциско) — старейшей балетной труппы в США — размещена статья под названием *Who Is Tchaikovsky?* (Кто такой Чайковский? — здесь и далее перевод автора) [4], текст которой предваряется заголовком *Meet the Russian Composer Behind Ballet's Most Beloved Scores* (Знакомство с русским композитором, автором самых любимых балетных партитур). Таким

образом, уже на уровне заголовка считаются две основные пресуппозиции: 1) «знать» Чайковского необходимо; 2) именно Чайковский создал непревзойденные мировые балетные партитуры. При этом заголовок явно указывает на принадлежность Чайковского к плеяде русских композиторов, не «размывая» до общемировой, что в контексте остальной части высказывания имплицитно служит признанием достижений русской культуры.

В фокусе указанной статьи находится беззаветная преданность Чайковского музыке, а свойства его личности раскрываются в основном через описание детского опыта композитора. *Even at the age of six, Tchaikovsky loved music so much that he was prepared to bleed for it — literally. He practiced piano every chance he got, and when he couldn't, he would tap out the music he had made up in his head on the house's windowpanes. One time, he tapped so hard that he broke the window glass, cutting himself badly. But Tchaikovsky could not be lured away from the music* (Уже в шесть лет Чайковский так любил музыку, что готов был проливать за нее кровь — в буквальном смысле. Он занимался на фортепиано при каждом удобном случае, а когда не имел возможности, отстукивал придуманную в голове музыку на оконных стеклах дома. Однажды он стукнул так сильно, что разбил оконное стекло и сильно порезался. Но Чайковского было не отвлечь от музыки.).

Такие фрагменты приведенного примера как *prepared to bleed for it* (music) и *could not be lured away from the music* актуализируют в сознании образ маленького композитора, с ранних лет определившего цель своей жизни — служение музыке. Несмотря на отсутствие языковых средств выражения оценки, создаваемый образ, очевидно, положителен.

Вместе с тем в статье приводятся и высказывания с эксплицитной оценкой маленького Чайковского. ... *Peter Ilyich Tchaikovsky was a bright child; he could read Russian, French, and German by the time he was six* (Петр Ильич Чайковский рос умным ребенком; к шести годам он уже читал на русском, французском и немецком языках.). Данный пример вновь делает акцент на шестилетнем возрасте и способностях, которыми овладел композитор к этому юному возрасту: к шести годам он не только определил музыку как свое главное занятие, но и преуспел в знании нескольких языков. Несмотря на то, что в тексте нет упоминания о семье (кроме указания на место рождения с ошибкой в топониме: *born in Kamsko-Votinsk*), статья все же актуализирует определенные представления о заведенном в семье порядке — обучение музыке

на домашнем фортепиано, свободное владение несколькими иностранными языками.

Несмотря на приведенный перечень жанрового разнообразия произведений Петра Ильича, в статье утверждается, что основную его славу составляют балеты. *Yet, it is for his ballet scores that he is most remembered* (Однако больше всего он помнится своими балетными партитурами.). Возможно, это утверждение неслучайно, так как приводится оно на ресурсе балетной компании, имеющей Чайковского в своем репертуаре.

Текст отдает дань музыке композитора несколькими общими оценочными утверждениями. *The beautiful music that Tchaikovsky would create...* (Прекрасная музыка, которую создавал Чайковский...); ... *Tchaikovsky's music became the cultural touchstone that it is today* (... музыка Чайковского стала тем культурным ориентиром, которым она является сегодня.).

Таким образом, язык статьи под названием *Who is Tchaikovsky?* представляет представление о композиторе как человеке бесспорного предназначения через обращение к образу одаренного ребенка. Категория оценки при этом выражена как эксплицитно, так и имплицитно.

На сайте труппы Тихоокеанского северо-западного балета, одной из наиболее востребованных и престижных в США балетных компаний, приводится статья под метафоричным названием *The Man Behind The Music: Pyotr Ilyich Tchaikovsky* (Человек, стоящий за музыкой: Петр Ильич Чайковский) [3]. В определенной степени посыл данного названия перекликается с идеей названия предыдущей статьи: побудить реципиента пойти немного дальше и попытаться сформировать представление о личности и жизни композитора. Вместе с тем формулировка названия, на наш взгляд, оставляет ряд вопросов: не стоит ли понимать замысел ее авторов так, что характер композитора, написавшего эти известные произведения, не соответствует характеру созданной им музыки? Или так, что написанная музыка как будто заслонила собой личность.

В отличие от предыдущей статьи данный текст в первых строках утверждает противоречивость фигуры Чайковского. *However, Tchaikovsky is somewhat of a controversial figure. His life was full of emotional turmoil, and his music was called melodramatic and even vulgar by critics* (Однако, Чайковский является несколько противоречивой фигурой. Его жизнь была полна эмоциональных потрясений, а его музыку критики называли

мелодраматичной и даже лишенной вкуса.). Как видно, в самом начале акценты в этом тексте расставлены иначе, чем в предыдущем: не на зарисовках детства, а на оценочном охвате всей жизни композитора, причем оценка выражена эксплицитно, посредством недвусмысленных прилагательных *controversial, emotional, melodramatic, vulgar*, а также существительного *turmoil*. Оценки жизни и музыки при этом коррелируют друг с другом в сложносочиненном предложении, создавая представление об их неизбежной взаимосвязи.

Однако, не подвергается сомнению заслуга Чайковского в развитии балетного жанра. *Nevertheless, his mastery and impact on ballet scores are undeniable* (Тем не менее, его мастерство и влияние в написании балетных партитур неоспоримы.). И вновь рука об руку полная метаний жизнь и легендарные балеты: ... *Pyotr Ilyich Tchaikovsky's turbulent life and his iconic ballets!*

Текст статьи *The Man Behind The Music: Pyotr Ilyich Tchaikovsky* ожидаемо приводит жизнеописание композитора, изложенное в следующих разделах: детские годы; образование и начало карьеры; «Лебединое озеро»; «Спящая красавица» и Надежда фон Мекк; «Щелкунчик». Образ «турбулентной» жизни создается посредством описания финансовых трудностей и душевных переживаний, связанных с творческой работой. *While at the Conservatory, he taught music lessons to other students to make ends meet* (Во время учебы в консерватории он давал уроки музыки другим студентам, чтобы свести концы с концами.). *Despite the strain, Tchaikovsky continued to write* (Несмотря на напряжение, Чайковский продолжал писать.). Как видится, выбор языковых средств не является исчерпывающим и едва ли может в полной мере отразить богатую гамму переживаний композитора.

Созданию образа противоречивой природы способствует использование в заключительном параграфе эпитетов, являющихся контекстуальными антонимами тех, что приводятся в начале. *His oeuvre is uniquely emotive through his masterful use of melody, orchestration, and harmony* (Его творчество отличается уникальной эмоциональностью благодаря мастерскому использованию мелодии, оркестровки и гармонии.). Вместо *melodramatic* — *masterful use of melody*, вместо *vulgar* — *uniquely emotive*. Кроме того, в фокусе оказывается чувственное содержание произведений композитора: за *uniquely emotive* следует, что *His melodies were emotionally moving while also danceable* (Его мелодии были эмоционально трогательными и в то же время танцевальными.). Это утверж-

дение, как видится, коррелирует с изначальной мыслью о том, что жизнь Чайковского была полна чувственных потрясений, тем, что авторы назвали *emotional turmoil*.

Возвращаясь к интерпретации названия статьи, можно сделать вывод о том, что в его формулировке все же заключена идея о соответствии личности и образа жизни композитора созданной им музыке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Айнбиндер А. Г.* Петр Чайковский: Неугомонный фатум / Ада Айнбиндер. — М.: Молодая гвардия, 2022. — 415 с.
2. *Конволют фонь Меккь № 1: Пушкин и Чайковские* / Е. С. Берлянд-Черная; И. Ф. Балза / Пушкинские традиции русской музыки. — М.: Издательство ИКАР, 2022. — 216 с., ил.
3. The Man Behind the Music: Pyotr Ilyich Tchaikovsky. — Режим доступа: <https://www.pnb.org/blog/the-man-behind-the-music-pyotr-ilyich-tchaikovsky/> (дата обращения 30.09.2024).
4. Who is Tchaikovsky? — Режим доступа: <https://www.sfballet.org/discover/backstage/who-is-tchaikovsky/> (дата обращения 30.09.2024).

УДК 81'42+811.111

Сороколетова Наталья Юрьевна,
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия, sorokoletovanat@volsu.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В КОМПЬЮТЕРНО-ИГРОВОМ ДИСКУРСЕ

В настоящей работе рассматриваются особенности реализации и функционирования категории побудительности в компьютерно-игровом дискурсе. Являясь функционально-семантической категорией, категория побудительности опирается на объективную действительность и вербализуется языковыми средствами, выбор которых определяется типом побуждения и зависит от прагматики общения и интенций участников коммуникации.

Ключевые слова: категория побудительности, компьютерно-игровой дискурс, прямое побуждение, косвенное побуждение, императив.

Понятийные категории выражают отношения объективной действительности (время, количество, качество, утверждение, отрицание, расположение в пространстве и др.) и опираются на языковые средства, принимая роль семантических функций. Понятийные категории,

реализованные в семантических функциях, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой — на семантические категории языка, получают объективированное существование в языке, именуясь функционально-семантическими категориями [1, с. 72]. К таким категориям относится и категория побудительности, выполняющая семантическую функцию побуждения к действию и реализуемая разнообразными языковыми средствами.

Категория побудительности характерна для игровой коммуникации, что выражается применением вербальных средств для принуждения к выполнению аудиторией (одним или несколькими участниками диалога) строго установленных задач. При отсутствии способности воздействия на принятие слушателями решений организация игры невозможна.

Основными задачами составителей компьютерной ролевой игры является убеждение пользователя в отсутствии альтернативных вариантов развития игровых событий, а следовательно — в необходимости принятия решений на основе вариантов, предложенных адресантом. Ведение коммуникативного акта в данном дискурсе часто сопровождается призывом совершить конкретные действия. Реализуется это через широкую вариативность реализации побуждения, применением эмоционального воздействия и логических доводов. Другой характеристикой компьютерно-игрового дискурса выделена преобладание для игрока роли адресата побудительных речевых актов. Именно эти особенности представляют компьютерные игры ролевого жанра инструментом, с помощью которого возможна передача интенций и реализация прагматических задач. Побуждение в данном дискурсе является методом воздействия на принятие людьми решений. Отличительной характеристикой прямой речи в данном дискурсе является направленность на взаимодействие с игроком через взаимодействие с главным действующим лицом произведения. Использование прямой речи способно увлечь слушателей, заставить их чувствовать, а порой и делать то, о чем сказано [2, с. 192].

Функционально-семантические категории представляют собой поля, главным признаком которых служит общность семантической функции средств разных языковых уровней. В функционально-семантическое поле включаются группы разнородных единиц с общими семантическими функциями и точной структурой, основными признаками которой являются деление на ядро и периферию, а также

наличие частичных пересечений между единицами данного поля и другими группировками [1].

К ядерным формам категории побудительности в исследуемом дискурсе относятся императивные конструкции, через которые осуществляется прямой призыв совершить определенное действие. Следовательно, маркером побуждения в таком коммуникативном акте является предикат, представленный глаголом в повелительном наклонении:

— *Take this as well. It could come in handy.*

Ядерным элементом для функционально-семантического поля категории побудительности служит не только чистая форма повелительного наклонения. При реализации побуждения применяются источники дополнительных вариантов значения. Например, для придания большей эмоциональной окраски из числа ядерных побудительных конструкций применяют повелительные высказывания с ‘can you?’ и ‘will you?’. Они придают оттенок сомнения в необходимости следовать запрету или разрешению, в правильности поступков и высказываний, как в следующем примере:

— *Can you break this rule for me right now?*

Употребляя императивное высказывание в сочетании с фразой *let+infinitive*, говорящий сообщает, что решение адресата приведёт к соблюдению интересов всех участников коммуникативного акта:

— *Let's do it together.*

В исследуемом дискурсе повелительные высказывания могут реализовываться в виде: наречных безглагольных побудительных высказываний (*Down!*); адъективных безглагольных побудительных высказываний; герундиальных безглагольных побудительных высказываний (“*No crying*”) и некоторых других.

Косвенные побудительные речевые акты образуются с помощью периферийных средств семантического поля, то есть лексико-грамматические формы формально не соответствуют интенции побуждения собеседника к действию. Эти высказывания способны выражать императив только в определённых условиях контекста. Косвенным побуждением является замена существующего в языке номинанта грамматической конструкцией, не соответствующей своей основной функцией.

Косвенное побуждение может быть выражено формой Present Simple, Future Simple, Present Progressive, добавляя экспрессивность к модальности должествования:

— *You are going to be there in a moment!*

Помимо этого, сослагательное наклонение может быть использовано для вербализации побуждения. Потребность и необходимость в выполнении слушателем какого-либо действия подчёркивается с помощью фраз (If I were you..., You'd better, I wish you и т. д.) и выражает различную дополнительную модальность (предостережение, совет, приглашение и т. д.):

- *You'd better not to know.*
- *I wish you to listen to that.*

Таким образом, побуждение в компьютерно-игровом дискурсе является методом воздействия на принятие людьми решений, а также организации их деятельности. Категория побудительности включает в себя разнородные коммуникативно-прагматические характеристики и реализует свое значение в непосредственной соотнесенности с ситуацией общения, интенциями говорящего, в акте коммуникации. Именно поэтому перспективным представляется комплексное исследование использования интонационных средств для реализации различных оттенков прагматики побуждения в компьютерно-игровом дискурсе, в котором игроки часто выполняют роли адресанта и адресата побудительных речевых актов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. — Л.: Наука, 1978. — 72 с.
2. *Никитин М. В., Юданова Е. Т.* Языковая суггестия. Убеждение, манипуляция сознанием, гипноз. — СПб., 2003. — 167 с.

УДК 81'42+811.111

Стеблецова Анна Олеговна,

Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко,
Воронеж, Россия, annastebel@mail.ru

ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МЕССЕНДЖЕРАХ: ПРАГМАТИКА ПОБУЖДЕНИЯ

В работе рассматриваются прагмалингвистические и функциональные особенности побуждения в деловой коммуникации на материале текстов рабочих чатов. К ним относятся сокращение коммуникативной дистанции, совмещение разных прагматических функций и использования эмодзи для усиления

воздействия. Данные характеристики обусловлены спецификой делового общения в мессенджере.

Ключевые слова: деловая коммуникация, рабочий чат, прагматика побуждения, мессенджер.

Введение. Лингвистические исследования делового общения в целом и коммуникация на рабочем месте в частности в настоящее время переживают всплеск научного интереса. Этот интерес обусловлен развитием интернет-опосредованных форматов деловой коммуникации, среди которых особое место занимают рабочие чаты в мессенджерах. Изучение функциональных и лингвостилистических аспектов коммуникации в чатах [1; 2; 3] обнаруживают их значительные отличия от традиционных официально-деловых жанров, таких как инкогерентность и деформализация коммуникации [3], смешение компонентов разных стилей или гибридизация дискурса [5], специфическая типология коммуникантов и структура группы в мессенджере WhatsApp [1].

В нашей работе интернет-опосредованная коммуникация на рабочем месте рассматривается в аспекте прагматической интенции адресанта при реализации директивного воздействия на адресата в формате делового чата в мессенджере. Предпринята попытка ответить на вопрос, какие прагматические и грамматические средства используются коммуникантами в дискурсивных событиях информирования, предписания, распоряжения, инструктирования и отличаются ли они от традиционных форм (информационное письмо, приказ, инструкция) дискурса оперативного взаимодействия [4]. Материалом исследования стали тексты рабочих чатов деканатов, кафедр и ученых советов воронежского вуза в мессенджерах Telegram и WhatsApp за 2023–2024 учебный год.

Результаты и обсуждение. Рабочие чаты в мессенджерах Telegram и WhatsApp могут значительно варьироваться в зависимости от постоянного или временного характера их функционирования (иногда чаты создаются для конкретного события), иерархического статуса коммуникантов, свободной или ограниченной возможности всех участников реагировать («только админ может отправлять сообщения»). Чаты, в которых решаются вопросы оперативного взаимодействия на рабочем месте, имеют следующие характеристики. Они функционируют на регулярной основе, имеют постоянный состав участников, иерархические статусы которых равны или один из коммуникантов

занимает приоритетную позицию в коммуникации в силу более высокого иерархического статуса или роли администратора чата. Именно в таких чатах реализуется директивное речевое воздействие, например:

(1) *Уважаемые коллеги! Прошу вас в срочном порядке довести до ведущих кафедр информацию о графике проведения совещаний по нагрузке...*

(2) *Добрый день, уважаемые коллеги! Прошу Вас ознакомиться с Положением... (утверждение запланировано на ближайшем ученом совете). При наличии вопросов/замечаний — готовы к обсуждению (Елена Петровна, я).*

(3) *До формирования отчета о выполнении учебного поручения необходимо в личной карточке заполнить сведения об ученой степени и ученом звании. Сообщите ППС.*

(4) *Отправляю на согласование проект... Прошу Ваши замечания написать в примечаниях... и прислать мне на почту.*

Как видно из сообщений данного чата, коммуникативное воздействие носит прямой, эксплицитно выраженный директивный характер. В примерах (1) и (2) прагматической интенцией адресантов является информирование участников чата. При соблюдении определенных прагматических условий (более высокий иерархический статус адресанта, обigatorность исполнения для адресата) перформатив *прошу* в русском деловом дискурсе нормативно используется в директивных РА распоряжения, что дополнительно поддерживается лексическими средствами (*в срочном порядке, Елена Петровна, я*)

В примерах (3) и (4) прагматическая интенция адресанта подразумевает побуждение адресата к совершению действия (*сообщить ППС, написать замечания*). Инструктивный оттенок распоряжения в примере (3) декодируется с помощью первой части высказывания — описание что, как и когда *необходимо* сделать; в примере (4) — указание как совершить действие (*написать в примечаниях, прислать на почту*).

Анализируя прагмалингвистические особенности побуждения в рабочем чате мессенджеров, отмечаем использование средств *сокращения коммуникативной дистанции*, таких как имя-отчество (вместо должности) или личных местоимений в качестве дискурсивных референтов адресанта более высокого статуса. В дискурсивных событиях приказа или распоряжения мотивирующая часть сокращается очень значительно, но не опускается полностью. Языковая ком-

прессия высказываний обусловлена форматом или жанровом чата в мессенджерах. Использование *эмодзи* (иконки восклицательных знаков, галочек, канцелярских кнопок) можно отнести к визуально-графическим средствам *усиления прагматического воздействия* на адресата, что является спецификой деловой коммуникации в чатах. Наконец, еще одной функциональной особенностью отдельных побудительных сообщений рабочих чатов является то, что эти сообщения реализуют *директивные речевые акты* (распоряжения, инструкции и др.) и одновременно выполняют *функцию сопроводительного письма* к прикрепленному к сообщению приказу, распоряжению, информационного текста.

Выводы. На основе результатов анализа прагмалингвистических характеристик побуждения в рабочих чатах можем дать следующие ответы на вопросы исследования. Прагматика побуждения в дискурсивных событиях распоряжения, информирования, инструктирования соответствует нормативным языковым формам, присущим этому виду коммуникативного воздействия в русском деловом общении. Выявленные особенности, такие как сокращение коммуникативной дистанции, совмещение разных прагматических функций и использования *эмодзи*, обусловлены форматом деловой коммуникации в мессенджерах и жанром рабочих чатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гребельник Т. В.* Лингвопрагматические особенности русскоязычной групповой коммуникации в мессенджере: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гребельник Татьяна Владимировна, 2022. — 182 с.
2. *Лаптева М. Л., Гребельник Т. В.* Специфика русскоязычной деловой мессенджер-коммуникации // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 1(98). — С. 395–398. — DOI 10.24412/1991-5497-2023-198-395-398.
3. *Палкова А. В.* Лингвистические особенности письменной коммуникации в мессенджерах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2020. — № 2(65). — С. 148–154. ISSN 1994-3725.
4. *Стеблецова А. О.* Метапрофессиональный деловой дискурс: типология и национальная специфика: монография. — Воронеж: Издательство Истоки, 2017. — 312 с.
5. *Стеблецова А. О.* Электронное письмо в дискурсе оперативного взаимодействия: особенности современной деловой коммуникации // Коммуникативные исследования. — 2022. — Т. 9, № 3. — С. 614–624. — DOI 10.24147/2413-6182.2022.9(3).614-624.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ КАК ЖАНР АНГЛОЯЗЫЧНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Академический дискурс рассматривается как система жанров, обслуживающих различные потребности участников академического общения. В фокусе внимания находится вступительное собеседование в высшие учебные заведения как лингвокультурный жанр, направленный на отбор наиболее мотивированных и подготовленных к обучению по конкретному направлению подготовки абитуриентов.

Ключевые слова: академический дискурс, жанр, вступительное собеседование, коммуникация.

Интерес лингвистики к изучению академического дискурса как к процессу коммуникации в сфере высшего образования и науки за последние годы возрастает. 21 век стал свидетелем стремительных изменений в сфере образования. Эта ситуация сложилась в том числе в связи с глобальной дигитализацией и глобализацией этой области. На рубеже веков происходит сдвиг системы образования и академической среды в целом от всеобщего блага к товару массового потребления, нарастается конкурентная борьба между учебными заведениями, понятие «репутация» скорее используется в значении «имидж» и «бренд».

Количество исследовательских работ, опубликованных за последние годы, показывает возросший интерес к изучению академического дискурса (АД) и подчеркивает необходимость его изучения, которая обусловлена требованиями не только лингвистической теории, но и сложившейся ситуацией в обществе (см., напр. [4; 5; 6; 7] и др.). АД как одного из видов коммуникативного взаимодействия стал одним из важных объектов изучения в современной теории дискурса, жанроведении, лингвопрагматике и лингвокультурологии.

Академический дискурс — это особый тип дискурса, имеющий научное и педагогическое измерения и обладающий уникальными признаками, отличающими его от других видов коммуникации. Любой тип дискурса образован жанрами, которые обслуживают различные

коммуникативные ситуации и образуют систему, реализующую основные цели дискурса.

Жанры академического дискурса изучались в когнитивном, коммуникативном, лингвостилистическом и прагмалингвистическом аспектах. Наиболее востребованным является лингвокультурный аспект изучения жанров. Как показывает анализ работ И. П. Хуыз [6;7], В. Е. Чернявской [8], В. И. Карасика [1] и М. А. Сухомлиновой [5], на формирование и развитие академического дискурса значительное влияние оказывают социокультурные факторы, в частности, национальные традиции, культурные ценности, исторический контекст. В лингвокультурном аспекте проводится сопоставительный анализ академических жанров в различных культурных сообществах, который требует проведения параметризации жанров и разработки методологии их лингвокультурного анализа [2]. В зарубежной и отечественной лингвистике актуальным является изучение лингвокультурной специфики способов вербального оформления жанра научной статьи представителей различных культур, говорящих на родном и неродном языках. В фокусе внимания находится сопоставительный анализ текстов, созданных иноязычными авторами на английском языке, и текстов, написанных носителями английского языка, что позволяет не только выявить лингвокультурную специфику научного дискурса в двух культурах, но и продемонстрировать влияние конвенций национального академического стиля на порождение текста на английском языке представителями различных академических сообществ, наиболее ярко определить системные различия в том, как ученые различных культур конструируют знание в своих исследовательских статьях. В работе Л. А. Кочетовой и Е. Ю. Ильиновой, показано, что русскоязычные авторы в текстах, написанных на английском языке, часто используют формульные клише, не характерные для стандартного англоязычного академического текста, именные конструкции с абстрактными существительными и беспредложные номинативные конструкции [3].

Ученые отмечают, что русский академический дискурс традиционно отличается большей формальностью, сдержанностью в выражении эмоций, использованием безличных конструкций, склонностью к обобщениям и теоретическим построениям [6]. Эти особенности связаны с влиянием коллективистской культуры, где ценится скромность, уважение к авторитету, стремление к гармонии и консенсусу.

Советский период также оставил свой отпечаток на российском академическом дискурсе, усилив тенденции к формализму, идеологизованности, отрыву от практики [8].

В системе жанров академического дискурса особое место занимает вступительное собеседование как ключевой этап при поступлении в университет. Данный жанр является лингвокультурным, т. к. он свойственен англо-саксонской образовательной традиции, отмеченной интересом к личности абитуриента, его потенциалу и возможному вкладу в репутацию учебного заведения. Цель данного жанра отбор наиболее мотивированных и подготовленных к обучению по конкретному направлению подготовки абитуриентов. Как тип коммуникативного взаимодействия данный жанр является сложным и многоаспектным, требующим от кандидата хороших коммуникативных навыков, знания специфических жанровых норм и конвенций. Вступительное собеседование относится к устным диалогическим жанрам и представляет собой разновидность интервью, т. е. структурированного разговора, в котором один участник (интервьюер) задает вопросы, а другой (интервьюируемый) дает ответы. Таким образом, вступительное собеседование характеризуется интерактивностью.

В структурном плане вступительное собеседование содержит следующие содержательные компоненты: самопредставление участников собеседования: *Well, thank you very much for coming along here to see us this afternoon. And this is my colleague Imogen who's a law tutor at St Anne's. My name is Jeremias. I'm a law tutor here at Magdalen*; вводно-организационный компонент: *So, what's going to happen in the interview, we're first just going to ask you a few sort of administrative questions to make sure we've got all of our paperwork alright and then Imogen and I are going to take turns and just take you through some examples from the passage you've had time to read*; *So, perhaps do you notice quickly tell Imogen about the book, and then tell us what it is that sort of struck you and that stuff with you about it*; развитие темы: *Certainly, certainly. A very good starting point. But what if I as a citizen disagree with the morality of a particular law, should that really matter?*; заключение: *That's good. Excellent! Well, I think that's all from us, but we have got a few minutes left in case you've got any questions. But I've already said you don't necessarily need to ask us anything.*

Отметим, что ведущая роль принадлежит интервьюерам, которые формулируют уточняющие вопросы, направленные на более полное

раскрытие темы со стороны кандидата: *So, when you say it's too harsh. How do you know it's too harsh? Because I could say, well, let's say that I know that running red light results in a certain number of car accidents every year, some of which have fatalities, so this law will save many lives every year. Would that affect your answer or help you explain why you think it's too harsh? Or not too harsh?*

Таким образом, лингвокультурный жанр вступительного собеседования как вид интерактивного интервью обладает собственной структурой, характеризуется особыми линиями речевого поведения его участников и нуждается в детальном рассмотрении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
2. Кочетова Л. А. Диахронические трансформации текста: содержательный и формальный аспекты // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовны Руберт. Санкт-Петербург, 2021. — С. 12–19. — EDN: GWSSVU.
3. Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю. Англоязычный академический дискурс в транслингвальной ситуации: корпусно-ориентированное изучение лексических маркеров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. «Языкознание» — 2020. — Т. 19. — № 5. — С. 25–37. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>.
4. Стеблецова А. О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 5. — С. 5–13. — DOI: [10.15688/jvolsu2.2020.5.1](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.1).
5. Сухомлинова М. А. Дискурсивные жанры академической коммуникации: лингвостилистический аспект: диссертация ... доктора филологических наук: 5.9.8. — Ростов-на-Дону, 2023. — 600 с.
6. Хуыз И. П. Академический дискурс: культурно-специфичная система конструирования и трансляции знаний. — М.: Флинта, 2015. — 171 с. — ISBN: 978-5-9765-2088-2.
7. Хуыз И. П. Мультиmodalность академического дискурса как условие его коммуникативной успешности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2016. — № 1(172). — С. 90–95. — EDN VUXZQT.
8. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 200 с. — ISBN 978-5-9765-1454-6.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ ДИСКУРСА МЕДИЦИНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье освещаются особенности английских текстов медицинского просвещения, опубликованных в журнале 'The Lancet'. Понятия «медицинское просвещение» и «медицинская грамотность» имеют важное значение в современную эпоху цифровизации. Как полагают, тексты просветительского характера представляют собой разновидность массовых коммуникаций. В связи с этим, они являются объектом пристального внимания и изучаются лингвистами в России и за рубежом.

Ключевые слова: тексты медицинского просвещения, дескриптивный анализ, медицинский дискурс, научный дискурс.

Медицинское просвещение (health education), определяется в Модельном законе «О просветительской деятельности» (2002) как «распространение сведений об охране и поддержании здоровья» [1]. Понятие «медицинское просвещение» напрямую коррелирует с понятием «медицинская грамотность» (health literacy) населения. В наши дни медицинская грамотность становится областью повышенного внимания, поскольку доступ пациентов к медицинской информации расширяется за счет распространения этой информации в различных источниках.

По мнению некоторых исследователей, медицинское просвещение можно назвать разновидностью массовых коммуникаций [5]. Изучением текстов медицинского дискурса и дискурса медицинского просвещения в наши дни занимаются ученые-лингвисты как в России, так и за рубежом [2; 4–7]. Цель нашего исследования: проанализировать особенности текстов медицинского просвещения, опубликованных в журнале 'The Lancet', одном из наиболее авторитетных медицинских журналов.

Материалы и методы. На сайте журнала опубликовано заявление: 'the journal has strived to make science widely available so that medicine can serve and transform society, and positively impact the lives of people' (*Журнал стремится сделать науку широко доступной, чтобы медицина могла служить обществу и преобразовывать его, а также оказывать положи-*

тельное влияние на жизнь людей — здесь и далее перевод автора статьи). Таким образом, издание не является исключительно научным исследовательским журналом, при этом, статьи проходят рецензирование, следовательно, публикуется достоверная информация.

Был проведен автоматический поиск по ключевому слову *cardiovascular* в заголовках статей, в результате которого было получено 27 текстов Open Access. На следующем этапе мы изучили заголовки статей из полученного пула и включили в исследование только те из них, в которых слово *cardiovascular* употреблялось в сочетании со словами *risk reduction, prevention, care, lifestyle intervention*, т. е. заголовок содержал смысл «профилактика сердечно-сосудистых заболеваний». Корпус исследования составили 19 статей, опубликованных в журнале *The Lancet Global Health* с 2015 по 2024 год. Далее мы провели количественный и качественный анализ текстов корпуса исследования и выявили их лингвокультурные особенности.

Результаты и обсуждение. Тексты корпуса исследования представляли научные и научно-популярные жанры: 9 исследовательских статей (Research article) с типичной структурой IMRaD, 5 комментариев (Comments), 1 обзорная статья (Review), 4 аннотации (Abstracts). Большинство текстов были созданы авторским коллективом, в некоторых случаях автор был один; это было свойственно текстам из рубрики Comments. Автор для корреспонденции не всегда был носителем английского языка (языковая принадлежность автора определялась по его аффилиации); некоторые авторы имели двойную и тройную аффилиацию, например, Германия, США, Гватемала.

Несмотря на разнообразие жанров, количественные характеристики текстов были сходными: параметр «лексический охват» ('lexical coverage') находился в диапазоне от K-3 до K-7, т. е. читатель должен был знать 3000–7000 слов, чтобы понимать текст на 95%. Характеристики «лексическая плотность» ('lexical density') и «лексическое разнообразие» ('lexical diversity') варьировались от 0,64–0,80 и 0,16–0,44, соответственно. Это означает, что тексты были лексически насыщенными, плотными, состояли из значимых слов — существительных, прилагательных, глаголов, — но часто повторялись однокоренные слова (word family) (*подробнее об этих характеристиках см. [3]*). Интересно отметить, что процент слов из Academic Word List (AWL), представленных в данных текстах, не был высок и составил менее 20% от всех слов. Некоторые результаты представлены далее в Таблице 1.

**Количественный анализ английских текстов дискурса
медицинского просвещения**

Жанр текста	Аффилиация автора для корреспонденции	Лексический охват (95%)	Лексическая плотность	Лексическое разнообразие	Слова из AWL
Risk estimation for the primary prevention of cardiovascular disease : considerations for appropriate risk prediction model selection					
Review	Великобритания	К-5	0,70	0,20	15,65%
Progress towards cultural safety in Indigenous cardiovascular health care and research					
Comment	США	К-6	0,64	0,44	11,22%
A cardiovascular polypill for secondary stroke prevention in a tertiary centre in Ghana (SMAART): a phase 2 randomised clinical trial					
Article	Гана	К-7	0,67	0,25	11,32%
Effects of a school-based lifestyle intervention on ideal cardiovascular health in Chinese children and adolescents: a national, multicentre, cluster-randomised controlled trial					
Abstract	Китай-США	К-5	0,80	0,42	12,36%
Use of statins for the prevention of cardiovascular disease in 41 low-income and middle-income countries: a cross-sectional study of nationally representative, individual-level data					
Article	Германия — США — Гватемала	К-7	0,68	0,16	14,18%
Cardiovascular disease risk prediction models: challenges and perspectives					
Comment	Иран	К-3	0,66	0,38	17,19%

Как видно из приведенных данных, тексты не обязательно ориентированы на ученых-исследователей, специалистов в области болезней сердца; однако читатель должен быть образованным человеком и обладать богатым словарным запасом, чтобы извлечь из текстов детальную информацию.

Качественный анализ показал, что во всех текстах данного корпуса проявляются универсальные черты, свойственные академическим текстам:

на лексическом уровне — использование терминов и аббревиатур, номинативные фразы, абстрактные и отглагольные существительные, например, *non-communicable disease (NCD)*, *WHO*, *cardiovascular disease burden*, *registration*, *completeness* и т. д.;

на синтаксическом уровне — глаголы в пассивной конструкции, многословные простые и сложные предложения, осложненные однородными членами и различными оборотами, например,

This includes the population aged 70–79 years and, to a lesser extent, people aged 80 years and older, indicating the viability of including these groups in targets and monitoring — простое предложение, 30 слов, осложнено однородными членами и причастным оборотом,

These findings are also consistent with a separate analysis of the WHO mortality database, which shows that reduced cardiovascular disease mortality at older ages was one of the most important contributors to overall improvements in life expectancy among older populations in low-income and middle-income countries between 1980 and 2010 — сложное предложение, состоит из трех простых, 55 слов, простые в составе сложного осложнены инфинитивным оборотом, однородными членами;

на стилистическом уровне — лексико-грамматические повторы, элементы хеджирования, вводные конструкции и слова-связки, например,

First, a number of risk factors, especially hypertension, increase in prevalence with age and relative risks usually persist into at least the eighth decade of life. Consequently, tackling risk factors such as uncontrolled hypertension lowers mortality in older people to a similar extent as that in younger people. Second, increasing evidence suggests that improved access to effective treatment can reduce mortality. — в данном отрывке можно видеть повторы (*risk factors, hypertension, older/ younger people, increase/ increasing, lowers/ reduce mortality*), вводные слова, обозначающие порядок действий, причину и следствие (*First, Consequently, Second*), элементы хеджирования (*suggests, can*).

Следует отметить, что в текстах исследуемого корпуса обращает на себя внимание факт активного употребления авторами местоимений первого лица, что не свойственно научным текстам. Подобную тенденцию мы отмечали ранее (см. [3]). Так, например, в статье *Use of statins for the prevention of cardiovascular disease in 41 low-income and middle-income countries: a cross-sectional study of nationally representative, individual-level data* можно наблюдать употребление местоимений первого лица в каждом предложении на протяжении целого абзаца:

Our study has several limitations. First, we rely on self-reported measures... Our study adds to the evidence... we accounted for complex survey... We did

multiple sensitivity analyses... First, we assessed statin use... We also report... in our analysis are presented...

Подобный тренд прослеживается и в других текстах данного корпуса.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно сделать некоторые выводы:

1) тексты дискурса медицинской профилактики, опубликованные в журнале *The Lancet*, ориентированы на широкий круг образованных читателей, а не только на специалистов — работников здравоохранения;

2) тексты данного корпуса содержат незначительный процент специализированной научной лексики;

3) данным текстам свойственны характеристики, типичные для текстов научного дискурса, которые проявляются на всех уровнях текста — лексическом, синтаксическом, стилистическом;

4) при этом, очевидна тенденция к стремлению авторов заявить о себе, что манифестируется в активном употреблении местоимений первого лица.

Следует отметить, что данное исследование имеет определенные ограничения. Для подтверждения полученных результатов необходимы дальнейшие исследования в этом направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Модельный закон «О просветительской деятельности» (Принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 Постановлением 20–15 на 20-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // КонсультантПлюс: [правовая база данных; электрон. ресурс]: [некоммерч. Интернет-версия, доступ по расписанию]. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=25505>.

2. Рудова Ю. В. Жанровые характеристики текста медицинского буклета как одной из форм медицинского просвещения // Альманах современной науки и образования. — 2007. — № 3–2. — С. 172–175. — EDN PEIVNH.

3. Торубарова И. И. Научный медицинский текст в академическом дискурсе / И. И. Торубарова, А. О. Стеблцова. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. — 180 с. — ISBN978-5-4446-1745-8. — EDN ОСУКНМ.

4. Торубарова И. И. Поликодовость английских текстов медицинского просвещения: прагматический и лингвокультурный аспекты / И. И. Торубарова, А. О. Стеблцова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 3. — С. 848–856. — DOI 10.30853/phil20240121. — EDN KZQKBB.

5. Фролова Ю. Г. Дискурс санитарного просвещения в отечественной медицине XX века. Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 13–14 нояб. 2008 г., Минск / ред. совет: А. В. Рубанов (пред.) [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2008. — с. 208–210.

6. *Gotti M.* Insights into medical discourse: diachronic and synchronic perspectives. *ESP today*, Vol. 3(1)(2015): 5–24.

7. *Stebletsova A. O.* The language of health promotion in British and Russian digital media: a comparative study / A. O. Stebletsova, I. I. Torubarova, T. Linaker // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* — 2023. — Vol. 22, No. 5. — P. 72–88. — DOI 10.15688/jvolsu2.2023.5.5. — EDN VAOOMS.

УДК 81'42+811.111

Трофимова Нэлла Аркадьевна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, nelart@mail.ru

ОЛЬФАКТОРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

В статье исследуется запаховая репрезентация миграционного дискурса в немецкоязычных СМИ. Анализируются три способа обозначения запахов: указание на их источник, приятность / неприятность запахов, а также их метафорическое описание. Выводы показывают доминирование зловония в описаниях жизни мигрантов, что является знаком их дискриминации и дегуманизации.

Ключевые слова: запах, ольфакторная репрезентация, миграционный дискурс, миграционный кризис, дегуманизация, метафора.

Постановка вопроса. Предметом рассмотрения в данной статье является дискурсивная репрезентация сложного феномена запаха, который играет важнейшую роль в восприятии человеком окружающего мира. Ольфакторность уже много десятилетий привлекает внимание исследователей, особенно актуален анализ ее языковой реализации, изучение функционирования вербализаторов запаха в текстах, их влияния на эмоции, чувства и восприятие.

Дискурсивное рассмотрение репрезентации запахов предпринималось нечасто: обзор работ в рамках данной проблематики показывает, что исследование запахов в дискурсе концентрируется в основном на анализе текстов парфюмерного дискурса [1, 2, 3, 8 и др.]. Спорадически встречаются исследования репрезентации запаха в других дискурсивных практиках: в любовном дискурсе [6, 10], дискурсе виноделия [4, 9], академическом [7] и экологическом [5] дискурсах. Актуальный миграционный дискурс в этом аспекте еще не становился предметом рассмотрения, что обуславливает новизну исследования.

Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки фрагменты из текстов немецкоязычных СМИ, содержащие описания запахов рассматриваемой тематической сферы.

Запахи миграционного дискурса. Обозначение запаха языковыми средствами — сложная задача, поскольку запах нематериален, его идентификация субъективна. Кроме того, запахи не имеют собственных обозначений в языке. Следовательно, каждый случай включения ольфакторного кода в смысловую структуру текста требует от автора поиска возможностей его обозначения языковыми средствами. Эти возможности ограничены тремя инструментами, частотность применения которых варьируется в зависимости от описываемого дискурса, суггестивных намерений автора.

Первым и наиболее показательным способом обозначения запаха в контексте миграции является указание на его источник. Ядром таких обозначений запаха являются ядерные лексемы *Geruch*, *Gestank* и соответствующие им глаголы (*riechen*, *stinken*), которые обозначают соответственно нейтральный запах и неприятный (смрад, вонь) запахи. Эти лексемы в тексте способны даже при изолированном употреблении воссоздать в памяти определенный обонятельный образ. Наш языковой материал свидетельствует о том, что при описании условий жизни мигрантов используется в первую очередь лексемы *Gestank* и *stinken* (в 70% текстов), именно для того, чтобы экспрессивно показать «неразжиженное» качество запаха, его отрицательно воздействующие биохимические характеристики: *Die Migranten leben zum Beispiel in Zeltstädten, in denen es stinkt und aussieht, wie auf einer Müllhalde, <...>* [15].

Конкретизация запаха осуществляется называнием запаха-ориентира (чем пахнет), при этом абсолютно преобладает указание на ужасающие условия содержания беженцев — антисанитарная обстановка, дегуманизирующая их жизнь: *nach Müll und Urin, nach Kot, nach Urin, verbranntem Plastik und abgestandenem Essen, nach Kloake, nach nassen Schuhen, nach ungewaschenen Körpern und Schweiß, nach Fäkalien, nach Schimmel und Moder*. Эти запахи вызывают отвращение и обладают мощным суггестивным потенциалом: ассоциации с разложением, нечистотами и застоем показывают состояние изоляции и беспорядка, испытываемое мигрантами и беженцами, живущими в подобных унижающих человеческое достоинство условиях: *Er blickt auf das ausgetrocknete Flussbett. Dort liegen Matratzen, Plastik, teilweise zerfetzte Klamotten herum — es stinkt nach Müll und Urin* [18].

Второй способ описания запахов заключается в их привязке к категории приятных или неприятных ощущений через использование оценочных прилагательных. Описание запахов миграционного дискурса в рамках категории гедонистичности всегда имеет отрицательную оценку, которую вербализуют прилагательные *übel, stickig, unerträglich, widerlich, erbärmlich, fürchterlich, bestialisch, grauenvoll, abscheulich* и под. Семантическим признаком, объединяющим указанные лексемы, является сильное отвращение, вызывающее ужас и отторжение: *Für hundert Personen gibt es eine Toilette, die meistens verstopft ist — ein fürchterlicher Gestank* [13].

Третий способ описания ольфактория миграционного дискурса — метафоры, универсальный инструмент, позволяющий передать субъективные эмоциональные и ассоциативные реакции на запах.

Запах в лагерях беженцев метафорически представляется агрессивным живым существом, для этого используются глаголы *herrschen* (запах доминирует в пространстве, подавляя всяческое сопротивление — невозможно перестать дышать), *entgegenschlagen* (сильный резкий запах буквально «бьет» при столкновении с ним): *In dem Käfigbereich herrschte nach Angaben der mitreisenden Journalisten Gestank* [17]; *Ihr Geruch mischt sich mit dem durchdringenden Urin-Gestank, der einem entgegenschlägt, sobald man das Gebäude betritt* [14].

Группа глаголов, представляющих собой онтологические метафоры (*liegen, hängen, wabern*) показывают запах как нечто материальное (физический объект или вещество), что может лежать, висеть или колебаться в пространстве: *Ein beißender Rauch liegt in der Luft* [19]; *Der beißende Geruch hängt ständig in der Luft* [16]; *Immer wieder wabert der süßliche Gestank von brennendem Kunststoff über die Wiese* [11].

Ядерная лексема *Gestank* тоже может выступать в роли пространственной метафоры — метафоры вместилища, в котором находится субъект: *Inmitten von Müll und Gestank leben Flüchtlinge und Migranten auf den griechischen Inseln* [12]. Метафора показывает, что человек ощущает себя погруженным в зловоние, некий нематериальный ольфакторный контейнер. Она передает не только физическое восприятие запаха, но и эмоциональное отношение к описываемой ситуации, делает акцент на насыщенности условий существования беженцев смрадом, на его всепроникающей природе.

Закключение. Краткий обзор ольфакторных образов, репрезентированных в миграционном дискурсе, показывает их тесную связь с восприятием и оценкой мирового миграционного кризиса и отра-

жают в первую очередь негативные аспекты содержания беженцев, служат цели усиления эмоционального воздействия на читателя. «Переплетение» способов обозначения запаха, обладающих различной силой воздействия, свидетельствует о том, что запахи в миграционном дискурсе не только констатируют наличие конкретной ольфакторики, но и являются символами ситуации, конструируют определенный образ миграционной проблемы в общественном сознании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Басалаева Е. Г.* Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет-дискурсе // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 375. — С. 16–20. — EDN RFUSDB.

2. *Бельская Т. И.* Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка: специальность 10.02.05 «Романские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Москва, 2010. — 26 с. — EDN QGVUZV.

3. *Валуицева И. И., Стариченко Н. С.* Парфюмерный запах как объект синестетической метафоры в интернет-пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2015. — № 1. — С. 6–11. — EDN TNHFTL.

4. *Маркелова Т. В., Сайдашева А. В.* Аксиологическая метафора как способ организации лексико-семантического поля «вкус/запах вина» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти д. филол. н., профессора К. А. Войловой. Москва, 25 февраля 2019 года / Ответственный редактор О. В. Шаталова. — Москва: Московский государственный областной университет, 2019. — С. 149–158. — EDN NUZMPU.

5. *Мотожанец А. А., Резникова П. А.* Особенности функционирования телесной метафоры в англоязычном и русскоязычном экологическом дискурсе // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — № 10 (136). DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.136.25>

6. *Трофимова Н. А., Мамцева В. В.* Любовь и запахи: репрезентация ольфакторности в любовном дискурсе (на материале немецкого языка). — СПб.: СПбГУ, 2020. — 94 с.

7. *Herrmann J. B.* Metaphor in academic discourse: Linguistic forms, conceptual structures, communicative functions and cognitive representations: PhD Thesis. — Vrije Universiteit Amsterdam. — 2013 — P. 316.

8. *Holz P.* Die Sprache des Parfums: Eine empirische Untersuchung zur Grammatik, Metaphorik und Poetizität des Parfumwerbetextes. — Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005.

9. *Kaczmarek H.* Weingeschmack und -geruch im önologischen Diskurs // Linguistische Treffen in Wrocław. — Vol. 25. — 2024 (1). — S. 105–115.

10. *Maiworm R. E.* Menschliche Geruchskommunikation. Einflüsse körpereigener Duftstoffe auf die gegengeschlechtliche Attraktivitätswahrnehmung. — NY: Waxmann, 1993.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

11. Fischer M. Migranten an Ungarns Grenze: Vor den Zäunen // taz.de. 17.01.2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://taz.de/Migranten-an-Ungarns-Grenze/!5906282/> (дата обращения: 24.08.2024).

12. Griechenland: Tausende Flüchtlinge von den Inseln aufs Festland gebracht // rnd.de. 04.06.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rnd.de/politik/griechenland-tausende-fluechtlinge-von-den-inseln-aufs-festland-gebracht-5OL5NXINLWRAX2Q2A76Q6N3CNA.html> (дата обращения: 24.08.2024).

13. Jikhareva A. Flüchtlingspolitik: „Die Menschen werden wie Tiere gehalten“ // WOZ — Die Wochenzeitung. 11–12.03.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.woz.ch/2011/fluechtlingspolitik/die-menschen-werden-wie-tiere-gehalten> (дата обращения: 24.08.2024).

14. Karamanolis A. Asylbewerber in Griechenland // Deutsche Welle. 04.06.2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.dw.com/de/ein-leben-in-der-warteschlange/a-4301285> (дата обращения: 24.08.2024).

15. Kitzler J.-Ch. Migranten in Italien — Die neuen Sklaven Europas // Deutschlandfunk. 29.06.2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.deutschlandfunk.de/migranten-in-italien-die-neuen-sklaven-europas-100.html> (дата обращения: 24.08.2024).

16. Lüdtke S., Christides G. Flüchtlingslager auf Samos: „Das ist unser Dschungel“ // Spiegel.de. 18.04.2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/fluechtlinge-auf-samos-wie-der-eu-tuerkei-pakt-scheitert-a-1261887.html> (дата обращения: 24.08.2024).

17. Pence räumt „Krise“ ein // taz.de. 14.07.2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://taz.de/US-Vizepraesident-in-Migrantenlager/!5611878/> (дата обращения: 24.08.2024).

18. Sadaqi D. Migranten in Marokko: Blockiert im Niemandsland // Tagesschau. 18.12.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/ausland/marokko-migranten-algerien-101.html> (дата обращения: 24.08.2024).

19. Wenger W. „Wir sind doch auch Menschen“ // nzz.ch vom 18.09.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nzz.ch/international/lesbos-wie-ein-fluechtling-aus-deutschland-nach-moria-kam-ld.1577255> (дата обращения: 24.08.2024).

УДК 811.133.1'344'367.3(045)

Устинович Вера Владимировна

Минский государственный лингвистический университет
Минск, Беларусь, ustinovich_vera@yahoo.com

К ВОПРОСУ О ПРОСОДИЧЕСКОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ФРАНЦУЗСКИХ УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ОБОРОТАМИ *C'EST/CE SONT, IL Y A*

Настоящее исследование посвящено анализу просодического воплощения французских устных высказываний с оборотами *c'est/ce sont, il y a*, коммуникативная структура которых прототипически представлена цельной ремой. Анализ звучащей речи свидетельствует о том, что просодия указывает не только на компонентный состав коммуникативной структуры таких высказываний,

но и на ее тип — нейтральная или маркированная, а также, через локализацию ядра ремы, на наличие верификации.

Ключевые слова: коммуникативная структура, просодия, рема, рематическое ядро, рематический тон, маркированная коммуникативная структура.

Во французском языке существуют синтаксические структуры, отвечающие, как правило, на общий диктальный вопрос *Что происходит? Что это?* [1; 2] и позволяющие ввести рематический компонент [6; 7; 8 и др.]. К ним кроме прочего относятся высказывания с оборотами *c'est/ce sont* и *il y a*, т. е. следующие за такими оборотами элементы высказывания в том или ином смысле являются «новой информацией» или создают «новое отношение» между элементами высказывания.

Конструкция *c'est/ce sont* анонсирует цельную рему и предполагает установление консенсуса с собеседником о предмете дискурса [6; 7 и др.], а также выражает значение идентификации, классификации или характеристики [3]. Конструкция *il y a* служит для «введения нового элемента в позиции ремы» [4, р. 283] (здесь и далее перевод автора — В.У.), т. е. для построения высказываний с цельной ремой — однокомпонентных высказываний, и ее первичная функция — «оформлять собственно бытийный предикат» [3, с. 688].

При единстве мнений исследователей относительно понимания содержания высказываний с рассматриваемыми оборотами требуют уточнения такие проблемы, как иерархия элементов в однокомпонентных высказываниях с *c'est/ce sont*, *il y a* и ее актуализация в их просодической структуре, выбор ядра ремы — носителя рематического тона, просодическое воплощение заядерных элементов при смещении рематического тона с конечной позиции, а также условия перехода коммуникативной структуры (КС) таких высказываний из нейтральной в маркированную, т. е. такую, в которой создается дополнительное значение контраста за счет того, что говорящий стремится скорректировать мир представлений собеседника.

В качестве материала для анализа выбраны выступления и дебаты французских социально-политических деятелей последнего десятилетия, в речи которых сочетаются различные типы КС, позволяющие говорящему максимально эффективно достичь коммуникативной цели — убедить в чем-либо собеседника и аудиторию.

В случаях, когда высказывание является цельной ремой, линейная организация его элементов следует принципу прогрессии информации от более активированного (известного, ожидаемого) к наименее активированному, главному в информационной иерархии, помещаемому в конечную позицию элементу, таким образом «высказывание завершается элементом, несущим наиболее важную информацию» [6, p. 139]:

(C'est moi qui ai saisi la justice sur cette école.) Et il y a des règles \simples. ‘(Это я обратилась в суд по поводу этой школы.) И есть простые правила.’

Вместе с тем наблюдения над спонтанной устной речью свидетельствуют о том, что этот принцип не является абсолютным, локализация рематического тона в высказываниях с оборотами *c'est/ce sont, il y a* оказывается вариативной. Рематическое ядро сохраняет финальную позицию в тех случаях, когда:

- определение семантически более специфично по сравнению с существительным, которое в отсутствие определения оказалось бы неинформативным:

D'emblée, ce sont des gestes poli\tiques. ‘И сразу же — это политические действия.’

- существительное и его определение отличаются высокой степенью семантической спаянности:

Malgré tout il y a eu la guerre \froide. ‘Несмотря ни на что была холодная война.’

Pour moi, c'est une opération portes ou\vertes. ‘Для меня это операция открытых дверей.’

- контекст указывает на то, что наименее активированным, «новым», является слово в функции определения:

(...ce ne sont pas des réformettes (...)) Ce sont des réformes en \profon\deur. (=profondes) ‘(досл. (...это не мелкие реформы (...)) Это реформы вглубь. (=глубокие)’

Потенциальное смещение рематического ядра в перечисленных выше моделях лишило бы КС высказывания такого коммуникативного качества как логичность, ввиду нарушения смыслового сцепления элементов высказывания.

При смещении рематического ядра с конечной позиции КС может либо сохранять нейтральный характер, либо становиться маркированной.

КС высказываний с оборотами *c'est/ce sont* или *il y a* остается нейтральной, когда крайняя словоформа активирована в большей степени, чем предшествующая ей ядерная словоформа:

Et puis y a une dimension ~mythologique dans l'histoire. 'И потом есть мифологическая составляющая в этой истории.'

C'était le \seul à pouvoir le dire. 'Он был единственным, кто мог это сказать.'

Регулярное смещение рематического тона с конечной позиции при сохранении ее немаркированного характера наблюдается в неподготовленной французской речи в однокомпонентных высказываниях с с оборотами *c'est/ce sont*, *il y a*, когда в конце стоит обстоятельство времени/места. Смещение рематического ядра на слово, предшествующее обстоятельству, в том числе в высказываниях с исследуемыми конструкциями, объясняется тем, что функция обстоятельства — локализация во времени и/или пространстве. Оно, таким образом, не входит в состав ремы, а формирует рамку, вынесенную в конец высказывания:

C'est un \ordre mondial trou\blé à l'heure actuelle. 'Это нарушенный мировой порядок в настоящее время.'

Il y a pour\tant une longue tradi\tion d'a\ccueil en Suède. 'Тем не менее существует давняя традиция приема (зд. эмигрантов) в Швеции.'

Маркирование КС происходит при смещении ядра ремы с конечной позиции к середине высказывания в случае создания контраста между неконечным элементом, «выбранным» говорящим в качестве ядерного, и другими возможными альтернативами в пресуппозиции коммуникантов:

(Parce qu'au final, ce n'est pas un monarque absolu.) C'est un \va\Ver absolu. '(Потому что, в конечном счете, это не абсолютный монарх.) Это абсолютный лакей.'

Il y a un ma/laise dans l'hôpital! 'Мы наблюдаем кризис в больницах!' (а не положительную динамику, как предполагает собеседник)

Смещение рематического тона на сам оборот *c'est/ce sont* или *il y a*, а именно на его глагольный элемент трансформирует КС высказывания в маркированную, поскольку оно становится верификативным (ответом на полярный альтернативный да/нет вопрос) [5]:

Depuis le dé\but du quinze \nnat il y a \u0219eu des appels à la grève. 'С самого начала мандата были призывы к стачкам.'

Просодическая структура высказывания с оборотами *c'est/ce sont*, *il y a* организуется в соответствии с локализацией ядра. При

его расположении на крайней словоформе высказывания рематический тон в большинстве случаев характеризуется узким/широким падением в невысоких регистровых зонах. Восходящее направление движение рематического тона, наблюдаемое в ряде случаев, оказывается показателем того, что говорящий не готов передать слово собеседнику.

Смещение ядра к середине высказывания сопровождается широким интервалом падения тона на ударном слоге, которому может предшествовать выделительное ударение на первом слоге ядерной словоформы, а задержанная часть произносится с парантетической мелодией. При смещении ядра на саму конструкцию *c'est/ce sont* ядерный слог характеризуется крутым и более широким падением ч. о. т. по сравнению с ударным слогом ядерной словоформы в прототипической позиции, а также «переходом» в высокий/средневысокий регистр:

\\C'est_{une mesure absolument fondamentale.} ‘Это действительно совершенно фундаментальная мера.’

Что касается высказываний с *il y a*, верификативные маркированные высказывания с рассматриваемой конструкцией в настоящем времени имеют низкую частотность. Как правило, в спонтанной речи в настоящем времени для верификации «бытийности» используется безличное местоимение *on* (*On a...*). В проанализированном материале смещение тона происходит главным образом, когда структура стоит в прошедшем времени — рематический тон локализуется на причастии прошедшего времени в ее составе (*il y a eu*). В высказываниях такого типа характерным для рематического тона оказывается резкий подъем, а не падение.

Il y a ↑eu la retraite à 60 ans. ‘Уже был пенсионный возраст в 60 лет.’

Таким образом, анализ французских высказываний с оборотами *c'est/ce sont* и *il y a* позволяет сделать следующие выводы:

- локализация ядерного тона обусловлена целым рядом семантико-прагматических факторов;
- к признакам рематического тона, участвующих в дифференциации нейтральных и маркированных КС, относятся прежде всего регистр и характер изменения высоты голоса;
- направление движения ядерного тона в верификативных высказываниях находится в зависимости от используемого оборота *c'est/ce sont* или *il y a*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. — Прага: Academia, 1966. — 101 с.
2. *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: Учебное пособие. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 240 с.
3. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. — М.: Добросвет, 2000. — 832 с.
4. *Julien S.* Prosodic, syntactic and semantico-pragmatic parameters as clues for projection: the case of “il y a” // *Nouveaux Cahiers de Linguistique Française.* — 2007. — № 28. — P.279–297.
5. *Gutzmann, D.* Verum focus is verum, not focus: Cross-linguistic evidence // *Glossa: a journal of general linguistics.* — 2020. — 5(1). — Режим доступа: <https://www.glossa-journal.org/article/id/5299/> doi: doi.org/10.5334/gjgl.347 (дата доступа 17.08.2024).
6. *Lacheret-Dujour A.* Focalisation et circonstance: que nous dit la prosodie du français parlé? // *Bulletin de la société de linguistique de Paris.* — 2003. — Т. 13. — P. 137–160.
7. *Morel M.-A., Danon-Boileau L.* Grammaire de l'intonation. L'exemple du français oral. — Paris: Ophrys, 1998. — 231 p.
8. *Rabatel A.* Valeurs énonciative et représentative des 'présentatifs' c'est, il y a, voici/voilà: effet point de vue et argumentativité indirecte du récit // *Revue de Sémantique et Pragmatique.* — 2001. — № 9–10. — P. 43–74.

СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

УДК 81'42+811.111

Алексеева Татьяна Сергеевна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, tati.alexeeva@gmail.com.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА DIVERSITY В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРИОДА ОСНОВАНИЯ США

В данной статье, выполненной в русле когнитивной лингвистики и с применением корпусных методов, рассматривается историческая составляющая концепта DIVERSITY. В частности, особенности его объективации в американском политическом дискурсе на материале текстов 1700–1830-х гг. за авторством отцов-основателей США.

Ключевые слова: концепт, DIVERSITY, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, политический дискурс, период основания США, отцы-основатели США.

Сегодня концепт DIVERSITY (РАЗНООБРАЗИЕ) является одним из ключевых, воспроизводимых в англоязычном пространстве вообще и в США в частности. Это косвенно подтверждают цифры, зафиксированные сервисом Google Books Ngram Viewer, согласно которому количество словоупотреблений лексемы diversity, объективирующей одноименный концепт в массиве оцифрованных текстов американского варианта английского языка объемом 155 млрд слов, в настоящее время составляет порядка 40 раз/млн слов [5]. Показатели частотности лексем-репрезентантов таких фундаментальных для Соединенных Штатов ценностных концептов как FREEDOM, COMPETITION, DEMOCRACY, PRIVACY, EQUALITY, HONESTY насчитывают 70, 37, 30, 22, 21 и 7 раз/млн слов соответственно. Что сопоставимо, а в некоторых случаях и меньше количества словоупотреблений diversity [7].

Столь существенное присутствие DIVERSITY в письменном (и не только) англоязычном пространстве сегодня провоцирует исследователя

обратить свой фокус внимания в сторону исторической составляющей данного концепта. А именно более подробно изучить, как концепт DIVERSITY был представлен в политическом дискурсе периода становления американской государственности, историческую эпоху, отмеченную следующими основополагающими событиями: появлением ее главных действующих лиц, отцов-основателей, Войной за независимость США, принятием Декларации независимости (1776), принятием Конституции США (1789) и последующим правлением первых президентов.

Для анализа концепта DIVERSITY в данный период обратимся к проекту Founders Online, созданному под эгидой американского Национального управления архивов и документации National Archives and Records Administration (NARA). Ресурс Founders Online насчитывает 184000 текстов 1700–1830-х гг., которые охватывают Колониальный период (1706–1775), Войну за независимость (1775–1783), Конфедеративный период (1783–1789), правление первых четырех президентов: Дж. Вашингтона (1789–1797), Дж. Адамса (1797–1801), Т. Джефферсона (1801–1809), Дж. Мэдисона (1809–1817) и последующие президентства периода 1817–1836 гг. Данные тексты представляют собой личную переписку, дневники, проекты документов, в том числе первые версии Декларации независимости, письменные дебаты вокруг текста Конституции и Билля о правах, обсуждения основ американского права, принципов государственного управления [4].

На первом этапе исследования проанализируем понятийную составляющую концепта DIVERSITY. Для этого обратимся к словарям того периода и проведем анализ некоторых словарных дефиниций ключевой лексики-репрезентанта DIVERSITY, а именно существительного *diversity*. Так, самый ранний источник Glossographia Томаса Блаунта (Thomas Blount) 1681 года определяет *diversity* следующим образом: *a being different or divers*. При этом автор поясняет дополнительно: *In Logick those things are said to be divers, which have no opposition to others, but different only in circumstance* [2]. Dictionarium Britannicum Натана Бейли (Nathan Bailey) 1742 года определяет *diversity* как: 1) *variety*; 2) *a being diverse or different*; 3) *unlikeness* [1]. Словарь 1773 года A New Dictionary of the English Language под авторством Уильяма Кенрика (William Kenrick) определяет *diversity* через четыре значения: 1) *difference, dissimilitude, unlikeness*; 2) *variety*; 3) *distinct being, not identity*; 4) *variegation* [6]. The Union Dictionary 1806 года, содержащий, как

указывает на титульной странице его автор Томас Браун (Thomas Browne), всё по-настоящему полезное из словарей Джонсона, Шеридана и Уолкера, толкует *diversity* как: 1) *difference, dissimilitude*; 2) *variety*; 3) *distinction of being, variegation* [3]. Таким образом, в понятийной составляющей концепта *DIVERSITY* конца XVII начала XIX вв. мы можем выделить следующие семы: «различие», «разновидность», «непохожесть», «мозаичность», «разнообразие».

При этом отметим, что словарная статья для лексемы *diversity* не встречается в специализированных юридических словарях того времени: ни в словаре *A New and Complete Law Dictionary* автора Timothy Cunningham 1771 года, ни в словаре *A New Law-dictionary* Жилия Джейкоба и др. (Giles Jacob et al.) 1773 года. То есть лексема *diversity* не является термином, но является общеупотребительной лексической единицей.

Следующим шагом исследования стало выявление когнитивных признаков концепта *DIVERSITY* с помощью корпусного анализа текстов периода 1700–1830-х гг. Для проведения данного этапа исследования методом сплошной выборки были отобраны тексты, содержащие лексему-репрезентант в базе ресурса *Founders Online*. Из 184 тыс. текстов *Founders Online* лексема *diversity*, объективирующая одноименный концепт, употребляется более чем в 400 случаях. Вручную были обработаны и приведены в соответствие 410 текстов, содержащих данную лексему. Затем с помощью корпус-менеджера *AntConc* из полученной выборки был создан собственный корпус текстов словопотреблений *diversity*, объем которого составил 1109022 слов (токенов).

С помощью корпус-менеджера удалось проанализировать несколько параметров: выявить самые частотные коллокации для лексемы-репрезентанта (*Collocate*), увидеть частотные кластеры (словосочетания) (*Cluster*), в которых используется целевая лексема, увидеть конкордансы с контекстами употреблений *diversity* (*KWIC*).

Самыми частотными определениями в препозиции для лексемы *diversity* стали следующие атрибутивы: *great* (40), *much* (12), *considerable* (9), *some* (8), *greater* (7), *material* (5) (в значении «существенный»). Самыми распространенными типами кластеров для *diversity* в данном корпусе текстов стали следующие предложные словосочетания: *diversity of* (326), *diversity in* (32), *diversity and* (11), *diversity between* (6). Самыми частотными коллокациями в постпозиции стали: *opinion* (92), *opinions* (47), *sentiment* (30), *sentiments* (18), *interests* (14), *circumstances* (7), *views*

(7), ideas (4), political sentiment (3), talents (3), independent decisions (3), language (3), studies (2), complexity (2) и пр. Для предложного словосочетания 'diversity of' коллокатами стали практически все вышеперечисленные лексемы в постпозиции. Для конструкции 'diversity in' коллокатами стали следующие слова и словосочетания: views, applications of labour, stipulations, faculties of men, human character, opinion(s) и пр. Конструкция 'diversity and' употребляется со следующими коллокатами: complexity, conflict, confusion, contrariety, uniformity. 'Diversity between' отмечена такими коллокатами в постпозиции как: counties, the legal and the market proportions of the metals, Jefferson and Adams и пр.

Приведём также несколько примеров употребления лексемы diversity в контексте:

- *Many attempts have been made to bring the Vermont dispute to an issue, but the **diversity** of opinions that prevail on one side & the dilatory artifices employed on the other have frustrated them.*

(из письма Джеймса Мэдисона к Джозефу Джонсу, политику из Виргинии, 10 октября 1780 г.)

- *Her [Spain] permanent security rather lies in the Complexity of our federal Govt. and the **diversity** of interests among the members of it which render offensive measures, improbable in Council, and difficult in execution.*

(из письма Джеймса Мэдисона Томасу Джефферсону, 20 августа 1784 г.)

- *The multitude and **diversity** of them [Quakers, Anabaptists Moravians, Swedenborgians, Methodists, Unitarians, Nothingarians], you will Say, is our Security against them all. God grant it.*

(из письма Джона Адамса Томасу Джефферсону, 18 мая 1817 г.)

- *... but there is as great a **diversity** in the human character and in mental Endowment as there is difference between frenchmen & spaniards whose Conduct would differ from the former on a similar Occasion...*

(из письма Джеймсу Мэю от Эдмонда Келли, первого афроамериканского священника баптиста, 30 июня 1821 г.)

Из вышеприведённых примеров и корпусных данных нам удалось установить следующее:

В понятийной составляющей концепта DIVERSITY в исследуемый период в большей мере отражены семы «различия», «непохожести», качественно характеризующие данный «слой» концепта; количественная составляющая, передающая идею множества, представлена через

лексему variety «разнообразие». В свернутом виде можно представить семантическую формулу значения понятийной составляющей концепта DIVERSITY: «diversity = разнообразие различий».

Из анализа предложных конструкций мы видим, что самое большое их количество приходится на сочетания '*diversity of*', '*diversity in*'. Это может свидетельствовать о том, что концепт DIVERSITY метафорически осмысливается как «контейнер», содержащий «объекты разнообразия».

Анализ коллокатов и контекстов употребления лексемы diversity показал, что «объектами разнообразия» для концепта DIVERSITY в большей мере служат абстрактные понятия, передающие ментальные сущности: мнения, точки зрения, интересы, идеи. Что свидетельствует об активной общественной и политической дискуссии, которая происходила в американском политическом дискурсе того периода. Также встречаются «объекты разнообразия» в виде разнообразия языков, талантов, человеческих способностей, характеров, цветов.

Концепт DIVERSITY сопоставляется с такими явлениями как сложность, конфликт, путаница, разногласие.

Концепт DIVERSITY характеризуется параметрически как большой, существенный, значительный.

Таким образом, проведенное исследование позволяет выявить некоторые когнитивные признаки концепта DIVERSITY в политическом дискурсе эпохи становления американской государственности и особенности осмысления явления разнообразия в данный исторический период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Bailey N.* Dictionarium Britannicum, 1742. — Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=CoRZAAAАсAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q=diversity&f=false (дата обращения 19.09.2024).

2. *Blount T.* Glossographia, 1681. — Режим доступа: https://books.google.ru/books?hl=ru&id=4_pmAAAАсAAJ&q=diversity#v=onepage&q=pervers&f=false (дата обращения 19.09.2024).

3. *Browne T.* The Union Dictionary, 1806. — Режим доступа: https://books.google.ru/books?redir_esc=y&hl=ru&id=3KDQRByYtYEC&q=diversity#v=onepage&q&f=false (дата обращения 19.09.2024).

4. Founders Online — Режим доступа: <https://founders.archives.gov> (дата обращения 19.09.2024).

5. Google Books Ngram Viewer. — Режим доступа: https://books.google.com/ngrams/graph?content=diversity&year_start=2021&year_end=2022&corpus=en-US&smoothing=3&case_insensitive=false (дата обращения 19.09.2024).

6. *Kenrick W.* A New Dictionary of the English Language, 1773. — Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/A_new_Dictionary_of_the_English_Language.html?id=HJtWAAAАсAAJ&redir_esc=y (дата обращения 19.09.2024).

7. *Kohls L.* *Robert* The Values Americans Live By. — Meridian House International, 1984. — Режим доступа: <http://homepages.se.edu/cvonbergen/files/2013/01/The-Values-Americans-Live-By.pdf> (дата обращения 19.09.2024).

УДК 811.581

Банкова Людмила Львовна,

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, BankovaLL@mgpu.ru.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧИСЛА: ВОПРОСЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ

В статье описаны принципы и методика структурирования концепта «число», которые могут быть применимы к любому языку и языковому материалу. Сам исследуемый концепт представляется метаобразованием, состоящим из суб-концептов конкретных чисел, расположенных слоисто и формирующих ядро и периферию. Иллюстрация приводимых в работе положений приведена на материале китайского языка.

Ключевые слова: числовая количественность, концептуализация числа, концепт «число», структура концепта, метаконцепт, субконцепт.

К языковой концептуализации числовой количественности приковано стабильно высокое внимание лингвистов и специалистов смежных наук. Особенно это верно в отношении китайского языка, особенность которого заключается в насыщенности классификационными формулами с содержанием нумеративного компонента (числительно-го). Проведены исследования лингвокультурологического плана, предметом которых являлся анализ вербализации того или иного числа в китайском языке и культуре [7; 10]. Как правило, в таких исследованиях (и это относится не только к китайскому языку) акцент сделан на рассмотрении первых десяти чисел цифрового ряда, в то время как большие числа находятся вне рамок исследовательского интереса. Кроме того, не отлажена методика проведения подобных исследований.

В настоящей работе мы ставим целью представить свой методологический вариант проведения исследования концептуализации чис-

ловой квантитативности (как отдельного числа, так и в целом) на материале любой лингвокультуры.

Прежде всего, обозначим что представляет собой концепт «число». Как и любой другой концепт, он имеет ядро и периферию [2, с. 5]. Также возможно выделение периферийных зон в ядре и разделение периферийной части на ближнюю и дальнюю в зависимости от актуальности рассматриваемого слоя для концепта. Сам концепт «число» представляется, согласно нашему видению, метаконцептом. Следовательно, субконцептами являются конкретные числа. Эти конкретные числа — слои концепта, поэтому структура всего метаконцепта слоистая.

Поясним структурирование концепта «число» на примере китайской лингвокультуры. Ядро состоит из пяти слоев — это субконцепты чисел *один, два, три, пять, десять тысяч* (о том, по каким принципам отбираются и соотносятся между собой слои, будет рассказано ниже). Возможно выделение периферийной зоны в ядре — в таком случае произойдет добавление концептов чисел *девять, семь, восемь, шесть, четыре, десять, сто*. К ближней периферии можно отнести все остальные разрядные числа (*тысяча и сто миллионов*), а также концепты чисел, превышающих первый десяток, которые представят дальнюю периферийную зону (*тринадцать, восемнадцать, двадцать четыре, двадцать восемь, тридцать семь, сорок пять, шестьдесят, шестьдесят четыре, семьдесят три, восемьдесят один, восемьдесят четыре, двести пятьдесят, двести девяносто, одиннадцать тысяч пятьсот двадцать*). При отборе последних мы руководствовались их важностью в отношении китайской системологии [5].

Представляется, что структурирование концепта «число» зависит от материала исследования. Например, если брать в качестве основы каноническое произведение Лаоцзы «Дао дэ цзин», являющееся даосским каноническим трактатом, то субконцепты будут располагаться в таком порядке: *один, два, три, десять тысяч* на основании изложенного в нем основополагающего пассажа из 42 строфы:

道生一， 一生二， 二生三， 三生万物... (《老子·四十二章》)
Дао (Путь) порождает единицу, единица порождает двойку, двойка порождает тройку, тройка порождает “десять тысяч вещей”» (перевод Тань Аошуан [9, с. 72].

Для полноты картины вербализации концепта ЧИСЛО необходимо обращаться к классическим произведениям (и это особенно важно в случае с китайской культурой), воспользоваться ассоциативным методом и методом опроса информантов [1; 8].

Теперь перейдем к рассмотрению субконцептов метаконцепта «число», представляющих концептуализацию конкретных чисел. Они также структурированы по принципу «ядро + периферия» с наложением элементов. С ядром соотносится понятийный компонент, с ближней периферией — образный компонент, а с дальней периферией — ценностный компонент. Понятийный компонент формируется из синонимов и антонимов (однако в случае числительных выраженность последними исключается), а в качестве синонимов выступают манифестаторы различных комплектов цифр, что особенно ярко проявляется в китайском языке (например, число *два* может быть записано с помощью иероглифов-цифр 二, 两, 貳, 卅, 乙 и 丑). Образный компонент состоит из образов, общих для всей лингвокультуры, которые определяют мировоззрение носителей китайского языка и культуры в виде «архетипов ситуаций, человеческого поведения» [6, с. 8], в то время как ценностный компонент включает в себя общенациональные и индивидуальные элементы (определяются посредством ассоциативного эксперимента [1]).

При исследовании концептуализации числа на материале китайского языка крайне важным нам представляется то обстоятельство, что китайские числа могут быть записаны несколькими комплектами иероглифов-цифр (обычными [3], формальными [4], сучжоускими, циклическими знаками), представляющими собой языковые знаки. Однако все проведенные исследования числа в концептуальном плане проводились на материале обычного комплекта, что сильно ограничивает картину концептуальной представленности числовой квантификации. В отношении исследования концептуализации числа на материале других языков, особенно использующих иероглифическую письменность, следует обращать особое внимание на все возможные варианты записи числа языковыми знаками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова, К. С. Карданова, Н. С. Панарина [и др.]. — Москва: Р. Валент, 2019. — 200 с. — EDN: XSISME.
2. Банкова Л. Л. Вербализация концепта «труд» в британском варианте английского языка: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.04. — Нижний Новгород, 2007. — 21 с. — EDN: NIXIUR.
3. Банкова Л. Л. Комплект китайских обычных цифр “小写” // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 76–81. — EDN: XTRGYH.

4. Банкова Л. Л. Комплект китайских формальных цифр // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 1. — С. 119–123. — EDN: YWLJHK.

5. Карапетьянц А. М. Раннекитайская системология / отв. ред. А. И. Кобзев; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2-е изд., стер. М.: Наука — Вост. лит., 2021. — 565 с. — EDN: VWYCWN.

6. Кондратова Т. И. Литература Китая. Москва: Московский городской педагогический университет, 2020. — 224 с. — EDN: ATJJUG.

7. Ли Сюэянь. Лингвокультурологический анализ числительных в русском и китайском языках // Вестн. Москов. ун-та. — Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — № 2. — С. 98–104.

8. Сулейманова О. А. Принципы и методы лингвистических исследований / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью “Языки Народов Мира”, 2020. — 352 с. — EDN: CFWTBN.

9. Тань Аошунан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 240 с.

10. Цуй Хун Ень. Семантика наименований чисел в русском и китайском языках: Лингвокультурологический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. — Краснодар, 2003. — 161 с.

УДК 81'37

Виноградова Светлана Аюповна,

Мурманский арктический университет,
Мурманск, Россия, svetvin@mail.ru.

О ТЕРМИНЕ «ПЛАСТИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ»

В статье описываются особенности семантики признаковых слов, отличающихся размытостью, диффузностью и способностью модулировать свое значение в дискурсе. Термин «пластичность семантики» предлагается автором для целей дальнейшего обобщенного изучения специфики семантики признаковой лексики и успешно отражает ее основные характеристики: абстрактное вне контекста значение, способность уточнять значение при употреблении, изменять один или несколько параметров значения в дискурсе.

Ключевые слова: семантика, лексическое значение, семантическая деривация, пластичность значения.

При рассмотрении семантических особенностей и процессов признаковых слов, в частности прилагательных, была обнаружена такая закономерность, как диффузность их семантики, неопределенность значения вне контекста или хотя бы микроконтекста. Это позволило

предложить термин «пластичность семантики», который показывает наличие единого информационного поля значения, готового изменить форму под влиянием поля описываемого слова. Различные значения прилагательного имеют общую основу, некое общее, абстрагированное от деталей значение, уточняющееся и видоизменяющееся в дискурсе употребления.

Впервые термин «пластичность» в отношении значений любых слов использовал Вольфганг Маркс [12, с. 455], опираясь на современные лингвофилософские представления о значении как употреблении. Следует, однако заметить, что для семантики вещных слов такой признак скорее передает процессы семантической деривации и контекстуальное расщепление ЛСВ многозначного слова.

В Санкт-Петербургской школе семантики развивалось учение М. В. Никитина о вероятностной структуре лексического значения, для которой важнейшим постулатом было то, что в структуре лексического значения обнаруживается «импликационал» (термин М. В. Никитина), включающий предполагаемые (имплицитируемые) признаки, способные описывать обозначаемую словом сущность [5, с. 107–110]. Выделяя данное силовое поле вокруг ядра (интенционала) лексического значения, ученый доказывал наличие не только «вероятностных» семантических признаков, но и отрицательных, которые назвал негемпликационалом. Семы импликационала, по мнению автора, реализуются лишь в определенных контекстах, но существуют в значении слова как потенциальные. Опираясь на эту теорию, М. В. Никитин построил также учение о семантической структуре слова, вывел формулы преобразований значений многозначного слова на основе симулятивных и импликационных связей сознания, вовлекающих семы как интенционала (например, метонимия), так и импликационала значения (например, метафора). Таким образом, ученый описал механизмы семантических преобразований и дал объяснение процессам семантической деривации, развил и усовершенствовал положения формальной семантики. Учение М. В. Никитина как никакое другое в лексической семантике предполагало тесную связь языковых и когнитивных процессов.

На основе психолингвистических исследований (о значении как «живом знании» (А. А. Залевская), о психологически релевантном значении (А. А. Леонтьев), о психологически реальном значении (И. А. Стернин), психолингвистическом значении (И. А. Стернин,

А. В. Рудакова) [3; 4; 9; 10 и др.] развивается представление о том, что полисемант не содержится в сознании ни как списочный состав словозначений, ни как комплекс всех его узуальных и окказиональных значений. Значение многозначного слова — это конструкт, ментальная схема, под которую может быть подведена ситуация. В этом конструкте существует базовая абстрактная категория, центральный узел, схема (Jakendoff), прототип категории (Langacker), «идеальное значение» (Herkovits), а производные значения строятся и анализируются с помощью определенных механизмов сознания. Прототипическая семантика в качестве ядра значения рассматривает, в частности, лексический инвариант, который С. А. Песина определяет таким образом: это — «абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе ЛСВ, составляющих семантическую структуру данного слова в соответствии с интуицией среднего носителя языка» [7]. Для многозначных слов, у которых невозможно выделить абстрактное нейтральное значение, общее для всех вариантов, предлагаются варианты выявления цепочек, сетей, основанных на «семейном сходстве» и т. д. [11, р. 266; 14]. Впрочем, многие аспекты архитектуры этих сетей остаются неясными.

В целом, следует отметить, что современная семантика, рассматривая значения многозначного слова, говорит о размытости и неопределенности его границ [8, с. 3–15], понятийной диффузности, различии в числе и плотности элементов и т. д. В связи с этим термин «вероятностная структура» лексического значения подтверждает свою точность, подчеркивая признаки неограниченности и стохастичности реализации сем, неопределенности ядерных компонентов.

Особого внимания в этом аспекте заслуживают признаковые (предикатные) слова. Не отвлекаясь на общую типологию слов, обозначающих не вещи, а признаки этих вещей, отметим, что их лексические значения признаков слов изначально, в первичном словарном значении, точно не формулируемы, а передают общее абстрактное представление о признаке в сознании, существующее разлито (представим себе абстрактный признак красноты, норовящий для облегчения восприятия принять вещные формы заката, разлитой краски и т. п.). Признаки не существуют в мире отдельно, они представлены нам в вещах, складываясь в типовые употребления. В силу этого

представления признаков слов, в частности прилагательных, в слове дробятся странным образом:

red — characterized by the colour which appears at the lower end of the visible spectrum; of fire, flame, lightning, etc.; of the sky or sun, esp. at dawn or sunset; of the cheeks and lips; hence also of persons; of the hair or beard; of soil, earth, etc.; of cloth, clothing, dyed with red; of persons having red hair; as an epithet (of blood; of animals having red or reddish hair; tawny, chestnut, or bay; of certain peoples, esp. the North American Indians, etc. [15]

Признак передается через его присутствие в различных объектах, наличие признака выражается разными способами; первое значение — некий конструктор, терминологическое представление о цвете, показывающее лексикографическую беспомощность в передаче смысла иным способом.

Возвращаясь к термину «пластичность», заметим, что нейросети предлагают такое определение этому слову: это — способность материалов изменять свои размеры и форму под действием внешних сил, не разрушаясь при этом. Аналогично пластичность значения предполагает способность видоизменяться в рамках единого общего информационного поля. И такое свойство семантики является встроеной характеристикой значения признаков слов (так, Н. Н. Болдырев [1] разработал теорию функциональной категоризации глагола, в дискурсе способного менять свою категориальную принадлежность, модифицируя свое значение), а также оно специфично для прилагательных [2].

Собственно, и автор термина В. Маркс в своей дальнейшей работе переносит его на семантику именно прилагательных. Автор пишет, что «одно и то же прилагательное может подчеркнуть разные свойства существительного в разных контекстах» [13, р.71–72]. Эту характеристику семантики прилагательных описывают многие авторы, отмечая, что «значение прилагательного сдвигается вместе со значением (каждого) существительного, которое оно определяет, в зависимости от того, к какому признаку этого существительного прилагательное относится» [16, р. 29].

Отдельного внимания заслуживают в этом аспекте относительные отсубстантивные прилагательные, у которых семантическое варьирование обозначаемого признака, характерное и для качественных,

является классообразующим признаком. Они не просто уточняют свое значение в дискурсе, модулируя его, но и проявляют имплицитные компоненты общего реляционного значения ‘related to...’, конкретизируя тип отношений между аргументами. Дальнейшее изучение этого процесса позволило создать типологию возникающих при дискурсивно-семантическом варьировании дополнительных смыслов у относительных прилагательных [6].

Таким образом, можно сказать, что признаковые слова характеризуются обобщенным описанием обозначаемого признака, проявляют склонность к модуляции значений, изменению одного или нескольких параметров при общем сохранении их лексического значения. Это позволяет ввести термин «пластичность значения» для признаковых слов в целом. Качественные прилагательные адаптируют значение в отношении описываемого объекта в рамках имеющегося. Относительные прилагательные не только разделяют эту черту, подтверждая свою принадлежность к словам признаковой семантики, но и дополняют ее способностью реализовывать в контексте употребления имплицитные приращения значения. Предлагаемый термин не затрагивает семантической деривации слова, при которой возникают новые значения, но в то же время предполагается, что пластичность значения слова является основой для развития полисемии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Болдырев Н. Н.* Функциональная категоризация английского глагола: Монография. — СПб.—Тамбов: РГПУ/ТГУ, 1995.
2. *Виноградова С. А.* Дискурсивно-семантическое варьирование относительных прилагательных (на материале английского языка) // Сибирский филологический журнал. — 2018. — № 2. — С. 218–226. — DOI: 10.17223/18137083/63/19. — EDN: XRCEJN.
3. *Залевская А. А.* Что там — за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. — 328 с.: рис., табл. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=241196> (дата обращения 10.09.2024).
4. *Леонтьев А. А.* Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. — М.: Наука, 1971.
5. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. — СПб: Научный центр проблем диалога, 1997.
6. *Никитин М. В.* Имплицитные приращения смысла в атрибутивных сочетаниях «относительное прилагательное + существительное» / М. В. Никитин, С. А. Виноградова // Современные проблемы теории языка: Сборник статей, посвященный юбилею заслуженного деятеля науки доктора филологических наук профессора М. В. Никитина. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. — С. 69–75.

7. Песина С. А. Слово в когнитивном аспекте. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 344 с. — EDN: SDQYPX.
8. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — Москва: Рус. словари, 2000.
9. Стернин И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. — (2)12. — 2010. — С. 57–63.
10. Стернин И. А., Рудакова А. В. Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж: «Истоки», 2017.
11. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. — Vol. II: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1991.
12. Marx W. Die Kontextabhängigkeit der Assoziativen Bedeutung / Wolfgang Marx // Zeitschrift für experimentelle und angewandte Psychologie. 1977. — № 24. — S. 455–462.
13. Marx W. The Meaning-Confining Function of the Adjective // Psycholinguistic Studies in Language Processing / Gert Rickheit and Michael Bock (eds.). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1983. — P. 70–81. (Research in Text Theory. Vol. 7.)
14. Norvig P., Lakoff G. “Taking: A study in lexical network theory // Proc. of the 13th annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley Linguistic Society, 1987.
15. OED — Oxford English Dictionary Second Edition on CD-ROM (v. 4.0). Oxford University Press, 2009. Oxford English Dictionary. The definite record of the English Language. — Copyright 2016.
16. Raskin V., Nierenburg S. Lexical Semantics of Adjectives: A Microtheory of Adjectival Meaning / Viktor Raskin, Sergei Nierenburg. Las Cruces, New Mexico State University, 1995. 69 p. — Режим доступа: <http://web.ics.purdue.edu/~vraskin/adjective.pdf> (дата обращения: 12.09.2024).

УДК 81'373

Воложанина Татьяна Сергеевна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт Петербург, Россия, evita22@bk.ru,

Барачевская Анна Алексеевна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт Петербург, Россия, barachevskayaaaa@gmail.com.

WORD OF THE YEAR 2023: СЛОВА ГОДА КАК МАРКЕРЫ АКТУАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В статье рассматриваются лексические единицы, получившие звание “Word of the Year”, а также вошедшие в шорт-листы авторитетных лингвистических организаций в 2023 году. Авторы предлагают тематическую классификацию слов года, которые анализируются с точки зрения словообразования и социокультурной мотивировки, представляя актуальные в 2023 году вопросы технической, политической и медиасферы.

Ключевые слова: слово года, Word of the Year, массовая культура, медиа, социальные сети, искусственный интеллект, политика.

Проект “Word of the Year” («Слово года») представляет широкое поле для социолингвистических, лексикологических, этимологических и лингвокультурологических исследований. “Word of the Year” — это ежегодная акция, проводимая с целью выявить самые актуальные, важные и популярные слова и выражения, отражающие события, общественные интересы и настроения конкретного года.

Нами были рассмотрены лексические единицы, получившие звание “Word of the Year”, а также вошедшие в шорт-листы авторитетных лингвистических организаций Collins Dictionary, Oxford University Press, Cambridge Dictionary, Merriam-Webster, Dictionary.com, American Dialect Society в 2023 году. Выполнив анализ всех слов и выражений, мы выделили три тематические группы: «Массовая культура и медиа», «Искусственный интеллект», «Политика». В данной работе мы рассматриваем примеры из каждой группы, вызывающие наибольший интерес.

Тематическая группа «Массовая культура и медиа» оказалась наиболее многочисленной, в нее мы включили лексические единицы, связанные с индустрией развлечений, интернетом, социальными сетями.

Rizz («риз») — непринужденная привлекательность, обаяние, стиль. Это слово, популяризированное звездой стриминговых площадок Kai Cenat, предположительно было образовано от “charisma” способом сокращения. Именно “rizz” стало словом года по мнению Oxford University Press, а Dictionary.com назвали его самым часто искомым сленговым термином 2023 года [6; 7].

Неро baby («непо-бейби») — выражение, образованное способом сложения слов “nepotism” («непотизм») и “baby” («малыш»), описывает ребенка известного родителя, чей успех, как полагают, обусловлен семейными связями. В 2023 году этот феномен широко обсуждался, пользователи социальных сетей раскритиковали многих «непо-малышей», посчитав, что дети знаменитостей слишком легко получили свою известность [4].

Situationship («ситуативные отношения») — слово-портмоне, обозначающее романтические отношения, которые не считаются официальными или устоявшимися. Образовано способом словосложения:

“situation” («ситуация») + “relationship” («отношения»). Этот термин, популярный в социальных сетях, отражает неопределенность, которую многие люди чувствовали в отношениях в 2023 году [7].

Beige flag («бежевый флаг») — популярный в соцсетях термин, используемый для обозначения качества потенциального партнера, указывающего на то, что он скучен или лишен оригинальности. Со временем у этого понятия появилось второе значение, ставшее более распространенным — черта или привычка партнера, рассматриваемая как странная и необычная, не однозначно хорошая, но и не настолько плохая, чтобы закончить отношения [7].

Parasocial («парасоциальные отношения») — односторонние, безответные отношения, при которых пользователь соцсетей или поклонник начинает чувствовать ложную связь со знаменитостью. Аффикс “para-” имеет значение «за пределами» [7].

Authentic («аутентичный») — слово года по версии Merriam-Webster, используемое для характеристики чего-то подлинного, не имитирующего, а также «верного собственной личности, духу или характеру». В 2023 году популярность этого слова существенно возросла, чему способствовали обсуждения искусственного интеллекта (этот аспект будет рассмотрен в следующем разделе), идентичности, знаменитостей. Так, певицы Лэйни Уилсон, Сэм Смит и Тейлор Свифт фигурировали в заголовках с заявлениями о поиске своего «подлинного голоса» и «подлинного я». В социальных сетях бренды и влиятельные лица также стремились быть аутентичными — Илон Маск попал в заголовки, когда сказал, что люди должны быть «самими собой» в соцсетях [5].

De-influencing («деинфлюенсинг») — отговаривание пользователей соцсетей от приобретения определенных товаров. Деинфлюенсеры рассказывают своим подписчикам, какие популярные продукты не стоят своих денег и призывают не поддаваться агрессивному маркетингу. Деинфлюенсинг отражает тренд 2023 года на разумное потребление и скептическое отношение к культуре гиперконсюмеризма [7].

Теперь рассмотрим лексические единицы, определенные нами в тематическую группу «Искусственный интеллект». Развитие искусственного интеллекта признано новой вехой технологической революции, что находит отражение в речи.

AI, artificial intelligence («ИИ», аббревиатура для «искусственный интеллект») — ключевой термин, описывающий «моделирование мыслительных функций человека с помощью компьютерных программ», был назван словом года 2023 по версии Collins Dictionary [4].

Hallucinate («галлюцинировать») — создавать ложную информацию и представлять ее правдивой, про искусственный интеллект. Инструменты ИИ, особенно те, которые используют большие языковые модели (LLM), доказали свою способность генерировать правдоподобный текст, но они часто делают это, используя ложные или выдуманные «факты», то есть «галлюцинируют». Примечательно, что слово “hallucinate” признано “Word of the Year 2023” дважды — по мнению Cambridge Dictionary и Dictionary.com [3; 6].

Deepfake («дипфейк») — слово-портмоне, образованное сложением “deep learning” («глубокое обучение») и “fake” («подделка»), это поддельное изображение, видео или аудио, которое было убедительно изменено с помощью ИИ с целью представить кого-то в ложном свете. Так, например, в 2023 году всплеск обсуждения дипфейков произошел, когда в созданной фанатами рекламе Tesla благодаря ИИ «появился» актер Райан Рейнольдс, и когда в интернет-рекламе политика Рона Десантиса использовались поддельные снимки Дональда Трампа [4; 5].

Stochastic parrot («стохастический попугай») — термин, предложенный американским лингвистом, профессором Эмили М. Бендер, — большая языковая модель (LLM), которая может генерировать правдоподобный синтетический текст, но на самом деле абсолютно не понимает, что говорит. Эта проблема в 2023 году стала особенно острой, поскольку языковые модели все чаще применяются в таких важных областях, как здравоохранение, финансы и транспорт [1; 2].

Prompt («подсказка») — инструкция, данная человеком программе искусственного интеллекта. Oxford сообщает, что в 2023 году значительно участилось использование слова “prompt” в контекстах, связанных с ИИ, что отражает возросшую значимость ИИ в обществе и потребность в человеческих навыках для направления и уточнения его работы [7].

Authentic («аутентичный») — как было упомянуто выше, это слово 2023 года по версии Merriam-Webster используется для характеристики чего-то подлинного, не имитирующего. По мере развития искусственного интеллекта, чат-ботов и технологий deepfake, грань между

подлинным и поддельным становится все более размытой, именно поэтому понятие аутентичности особо актуально в наши дни [5].

Слова, включенные нами в тематическую группу «Политика», позволяют узнать, какие политические вопросы волновали носителей американской и британской лингвокультуры в 2023 году.

Ceasefire («прекращение огня») — призыв к прекращению военных действий в палестино-израильском конфликте, с новой силой разгоревшемся в 2023 году [1].

Kibbutz («кибуц») — сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении. Когда 7 октября 2023 года Хамас начал атаки на Израиль из сектора Газа, среди целей были мирные жители кибуцев [5].

Context («контекст») — слово, использованное президентами Гарварда, Массачусетского технологического института и Пенсильванского университета при ответе на вопросы о том, нарушают ли призывы к геноциду евреев, озвученные в рамках пропалестинских протестов на территории кампусов, правила поведения в их учебных заведениях. Президенты ответили, что это «зависит от контекста», вызывая возмущение многих еврейских групп [1].

Strike («забастовка») — данное слово сыграло заметную роль в 2023 году, в течение которого прошло много громких и продолжительных забастовок сценаристов, актеров, работников автомобильной промышленности, медиков, работников сферы услуг и др. [6].

Coronation («коронация») — акт возложения короны на голову монарха. Церемония коронации нового британского монарха, Карла III, вызвала всплеск популярности этого термина в мае 2023 года [5].

Indict («обвинять») — «предъявлять обвинение в совершении преступления по решению коллегии присяжных в надлежащей правовой форме». В 2023 году в новостях очень часто обсуждались обвинения, предъявленные бывшему президенту Дональду Трампу по четырем отдельным делам, а также обвинение в даче взяток за молчание [5].

Wokeism («воукизм», от *woke* — «пробудившийся») — продвижение либеральной прогрессивной идеологии и политики в ответ на проявление социальной, расовой и гендерной несправедливости и предрассудков. Dictionary.com зафиксировали колоссальный рост просмотров страницы “*wokeism*” на 2300% в 2023 году [6].

Таким образом, проведенный анализ позволил рассмотреть актуальные в 2023 году вопросы технической, политической и медиасферы.

Слова года из тематической группы «Массовая культура и медиа» демонстрируют, насколько большую роль играют социальные сети в жизни людей, становясь платформой для активного формирования новых понятий и создания неологизмов и сленга. В то же время в медиа и онлайн-пространстве наблюдается тенденция на стремление к искренности, аутентичности (“authentic”, “de-influencing”).

Среди слов года 2023 выделяется объемный пласт лексики, связанной с искусственным интеллектом, что отражает факт возросшего влияния технологий, имитирующих человеческое мышление. Вместе с тем, и в этой области наблюдается активная дискуссия об аутентичности, что может быть связано с проблемами, возникающими при использовании ИИ, LLM, дипфейков, или даже тревогой о том, что ИИ может заменить человека.

Тематическая группа «Политика» включает слова года, которые показывают, какие политические проблемы находились в фокусе внимания американского и британского общества в 2023 году. Среди них: палестино-израильский конфликт, забастовки профсоюзов, суд над Дональдом Трампом, вступление на престол Карла III и движение за социальную справедливость.

Результаты исследования подтверждают, что слова года 2023 отражают важные социокультурные явления и процессы американской и британской лингвокультур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *American Dialect Society*. All of the Words of the Year, 1990 to Present // 2023 WORD OF THE YEAR. — Режим доступа: <https://americandialect.org/woty/all-of-the-words-of-the-year-1990-to-present/#2023> (дата обращения 10.08.2024).
2. *Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S.* On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? — New York, NY, USA. — 2021. — P. 610–623. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922> (дата обращения 03.09.2024).
3. *Cambridge Dictionary*. The Cambridge Dictionary Word of the Year 2023 is... — Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/editorial/woty> (дата обращения 12.08.2024).
4. *Collins*. The Collins Word of the Year 2023 is... — Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/woty> (дата обращения 12.08.2024).
5. *Merriam-Webster, Incorporated*. Word of the Year 2023. — Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year> (дата обращения 10.08.2024).
6. *Norlen N., Barrett G.* The Dictionary.com Word of the Year is hallucinate. — Режим доступа: <https://content.dictionary.com/word-of-the-year-2023/> (дата обращения 10.08.2024).
7. *Oxford Languages*. Oxford Word of the Year 2023. — Режим доступа: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2023/> (дата обращения 12.08.2024).

Грошкова Илона Александровна,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, groshkova.ilona@inbox.ru.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА GLORY

В статье представлены результаты исследования структуры концепта GLORY и его вербализации на материале лексикографических источников. Внимание также уделяется описанию номинативного поля концепта и его ассоциативной составляющей.

Ключевые слова: структура концепта, номинативное поле концепта, ассоциативная составляющая концепта, слава.

Концепт — ключевое понятие лингвокультурологии и когнитивной лингвистики — представляет особый научный интерес, поскольку на современном этапе развития науки ученые не пришли к единому мнению по вопросу о том, что конкретно имплицитно означает понятие «концепт». В разное время концепт являлся объектом исследования в работах С. А. Аскольдова-Алексеева, Д. С. Лихачева, Е. С. Кубряковой, В. И. Карасика, А. А. Залевской, С. Г. Воркачева, В. В. Красных [2, с. 21–24], а также проблема концепта была широко освещена в работах Е. А. Нильсен [2] и И. В. Кононовой [1].

Одной из задач, которые необходимо решить при изучении концепта, является определение структуры лингвокультурного концепта [3]. И. В. Кононова предлагает исследовать концепт с опорой на его «образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, этимологическую и историческую составляющие» [1, с. 34].

В этимологическом словаре [11] содержатся данные о том, что впервые лексема *glory* была употреблена в англоязычных текстах в середине XIV века в среднеанглийский период, когда существительное имело значение «источник славы». В конце XIV века в результате расширения значения слово получило значение «жажда славы, тщеславие, гордыня, хвастовство, славолюбие». Существительное *glory* имеет старофранцузское происхождение, восходя своими корнями к латыни. В XIII веке форма слова *glorie* в старофранцузском языке имела следующие значения: «поклонение Богу», «известность», «великолепие, помпезность». Латинское слово *gloria* употреблялось в значении «слава, известность, почет» [11].

В середине XIV века в среднеанглийский период в употребление также входит глагол *to glory*, заимствованный из старофранцузского языка в форме *glorier*, который имел значение «прославлять», «гордиться собой, хвастаться». На английский глагол также повлиял латинский глагол *gloriar* в значении «хвастаться, превозносить себя, бахвалиться, гордиться собой» [11].

Обратимся к дефинициям лексемы *glory*, представленным в толковых словарях английского языка.

Cambridge English Dictionary: *glory* (n): 1. **praise and thanks**, especially as given to God; 2. **great admiration, honour**, and **praise** that you earn by doing something successfully [7].

Oxford English Dictionary: *glory* (n): 1. high **renown** or **honour** won by **notable** achievements; 2. **magnificence** or **great beauty**; 3. a thing that is **beautiful, impressive**, or **worthy of praise**; 4. **praise, worship**, and **thanksgiving** offered to a deity [12].

Collins English Dictionary: *glory* (n): 1. **fame** and **admiration** that you gain by doing something **impressive** [8].

Merriam-Webster Online Dictionary: *glory* (n): 1. **praise, honour**, or **distinction** extended by common consent; 2. **worshipful praise, honour**, and **thanksgiving**; 3. a state of **great gratification** or **exaltation** [10].

Обобщение словарных дефиниций позволяет установить наличие следующих оттенков значений лексемы *glory*: «благодарность, почет, восхваление, известность, поклонение, полученные за выполнения своего долга и совершения великого подвига», «что-то впечатляющее, достойное похвалы и при этом вызывающее чувство невероятного восторга и восхищения».

Для построения номинативного поля концепта GLORY методом сплошной выборки из англоязычных толковых словарей и тезаурусов были выбраны синонимы существительного *glory*: *honour, praise, fame, celebrity, distinction, acclaim, prestige, immortality, eminence, kudos, renown, exaltation, illustriousness, accolade, dignity, grandeur, greatness, majesty, triumph, nobility, pomp, sublimity, reputation, worship, blessing, gratitude* [8], [9], [10], [13]. Для полноты анализа также были рассмотрены лексические единицы, номинирующие противоположные понятия: *shame, disgrace, dishonour, disrepute, infamy, condemnation, ignominy, humiliation, obscurity*.

На материале словарей синонимов и тезаурусов были определены категории, которые позволяют выявить ассоциативную составляющую

концепта: *слава/известность* (fame, celebrity, distinction, prestige, renown, illustriousness, reputation), *восхваление/одобрение* (praise, acclaim, kudos, accolade, triumph, gratitude), *возвеличивание/поклонение* (eminence, exaltation, greatness, majesty, sublimity, worship), *честь/достоинство/благородство* (dignity, nobility, honour, blessing), *великолепие/пышность* (grandeur, pomp).

Для формирования номинативного поля исследуемого концепта из толковых словарей [7], [8], [10], [12] были подобраны коллокации, включающие в себя имя концепта. В ходе изучения устойчивых выражений была выявлена сочетаемость существительного *glory* с некоторыми прилагательными, которые номинируют признаки, характеризующие концепт: *faded glory, former glory, original glory, past glory, reflected glory, full glory, personal glory, military glory, crowning glory*. Существительное *glory* также употребляется в глагольных фразах: *to grab glory, to recapture the glory, to go to one's glory, to bring glory, to bask/to revel in glory, to restore something to its former glory, to get/to cover oneself in glory, to send to glory, to glory in, glory be!* Субстантивные словосочетания представлены следующими примерами: *a moment of glory, the glory days of, in one's glory, morning glory, a blaze of glory, at the height of one's glory, Old Glory, to the glory of God*. Интерес также представляют идиоматическое выражение *no guts, no glory* и устойчивое сравнение с ключевым словом *as expensive as glory*. Кроме того, существительное *glory* является центральным компонентом некоторых афоризмов: «*Glory follows virtue as if it were its shadow*» (Marcus Tullius Cicero) [4]; «*Great is the glory, for the strife is hard!*» (William Wordsworth) [5]; *Avoid shame, but do not seek glory, — nothing so expensive as glory* (Sydney Smith) [6].

Компоненты номинативного поля концепта GLORY демонстрируют несколько векторов восприятия концепта носителями английского языка. В о - п е р в ы х, в большинстве европейских языков, в том числе и в английском, лексема *glory* имеет религиозный оттенок употребления, что подтверждают релевантные слова из лексико-семантического поля «поклонение Богу». В о - в т о р ы х, для носителей английского языка концепт GLORY напрямую связан с такими моральными ценностями, как долг, справедливость, совесть, борьба со злом. Большинство коллокаций с лексемой *glory* также коррелирует с понятием «слава», подробно описанном в английских рыцарских романах, оказавших влияние на формирование мировоззрения англи-

чан. В этих романах показано, что слава не только приносила личное удовлетворение, но и укрепляла социальный статус рыцаря, награждала его признанием со стороны народа. Славная репутация позволяла поступкам продолжать жить в сознании людей даже после смерти рыцарей.

Проанализировав способы языковой репрезентации концепта GLORY, а также этимологию его компонентов, мы можем выделить следующие метафорические модели, репрезентирующие образную составляющую концепта GLORY и характеризующие всеобщее признание, уважение к личности и признание ценности: СЛАВА—ЧЕСТЬ, СЛАВА—ИЗВЕСТНОСТЬ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кононова И. В. Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 2: Языкознание. — Волгоград, 2014. — С. 32–39. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.5.4
2. Нильсен Е. А. Модели языковой экспликации концепта ВРЕМЯ в английских художественных произведениях XVII века / Е. А. Нильсен // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Лингвистика». — Выпуск 14. — № 2 (261). — 2012. — С. 14–19.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 226 с.
4. AZ Quotes [Electronic resource] — Available from: <https://www.azquotes.com/quote/56639> (дата обращения: 10.09.2024).
5. AZ Quotes [Electronic resource] — Available from: <https://www.azquotes.com/quote/1072394> (дата обращения: 10.09.2024).
6. AZ Quotes [Electronic resource] — Available from: <https://www.azquotes.com/quote/1307784> (дата обращения: 10.09.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

7. Cambridge English Dictionary [Electronic resource] — Available from: <https://dictionary.cambridge.org>
8. Collins English Dictionary [Electronic resource] — Available from: <https://www.collinsdictionary.com>
9. Dictionary.com [Electronic resource] — Available from: <https://www.dictionary.com/>
10. Merriam Webster Online [Electronic resource] — Available from: <https://www.merriam-webster.com>
11. Online Etymology Dictionary [Electronic resource] — Available from: <https://www.etymonline.com>
12. Oxford English Dictionary [Electronic resource] — Available from: <https://www.oed.com>
13. Thesaurus.com [Electronic resource] — Available from: <https://www.thesaurus.com/>

ТИПОЛОГИЯ КИТАЙСКИХ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ ТИПА ЧЭНЬЮЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Китайская языковая культура, имеющая многовековую историческую традицию, по праву считается уникальным источником фразеологических единиц, устойчивых по структуре, красочных по форме и заключающих в себе глубокий внутренний смысл. Изучение китайских фразеологических оборотов представляет собой актуальную тему для переводчиков китайского языка с точки зрения формирования лингво-культурологических компетенций и профессиональных навыков.

Ключевые слова: идиома, чэньюй, китайский язык, экономика, вэньянь.

В китайской лингвистической науке область фразеологии объединена общим термином 熟语 *húyǔ*. В словаре «现代汉语词典» понятие «熟语» характеризуется как фиксированная лексическая структура, составные компоненты которой не подлежат замене [6, 1267]. Фразеология в китайском языке включает несколько категорий (成语 *чэньюй*; 谚语 *яньюй*; 歇后语; 惯用语 *гуаньюньюй*) [4] Основными и универсальными признаками фразеологизмов являются: переосмысление лексико-грамматического состава, устойчивость и неизменяемость фразеологизма, воспроизводимость [2, с. 9].

Наиболее обширным по объему и частоте употребления в системе фразеологических единиц китайского языка являются чэньюй 成语 — «готовые выражения», идиомы.

Китайские фразеологизмы в языковом сознании зафиксировали способ видения мира китайским народом, культуру, исторический опыт, этические и философские концепции, которые на протяжении истории концептуализировались в определенной семантической типологии. Особенностью знаковой функции фразеологизмов является их устойчивость и воспроизводимость, они представляют уникальный материал для описания языковой картины мира китайского народа. Именно эта часть языковой культуры сформировала определенное лингвистическое пространство, вобравшее в себя многовековой культурно-исторический опыт.

В отечественной науке, несмотря на целый ряд работ по исследованию китайских фразеологизмов, тем не менее, отсутствуют комплексные труды по данной теме. Существующие работы авторов освещают отдельные аспекты функционирования идиом и особенностей их языковой составляющей. На современном этапе развития межкультурных и торгово-экономических отношений представляется актуальным изучение идиом в сфере экономического дискурса; владение данным пластом знаний поможет улучшить международную бизнес коммуникацию и углубить теоретические знания о китайском языке.

Рассмотренные нами примеры идиом экономической направленности являются четырехкомпонентными сочетаниями, построенными по нормам древнего китайского языка *вэньяня*. По содержанию идиомы экономической тематики можно условно разделить на три группы. Группа первая представлена четырехсложными выражениями с благопожелательным семантическим полем. Данная группа содержит в себе разного рода пожелания процветания в бизнесе или торговле, карьере. В таких фразеологических оборотах, часто встречаются морфемы «богатство, прибыль, удача». Например, 大吉大利 *dàjí dàlì* «желаю счастья и благополучия!»; 繁荣富强 «процветание и могущество»; 招财进宝 *zhāocái jìnbǎo* «привлекать богатство и обладать сокровищами» (пожелание финансового благополучия); 前程似锦 *qiánchéng sìjǐn* «прекрасные перспективы», используется для пожелания процветания в бизнесе.

Вторая группа идиом *чэньюй* экономического содержания представлена выражениями оценочного характера, которые содержат описание различных ситуаций в бизнесе: как успешного дела, так и убыточного, — характеристику способов ведения дела. В данной группе часто встречаются морфемы «цена, качество, убыток, прибыль: 金玉满堂 *jīnyù mǎntáng* «богатство и роскошь залы заполнены золотом и нефритом»; 门庭若市 *méntíng ruòshì* «перед домом [людно и шумно] как на рынке» (обр. в знач.: толпятся гости, полно народу, нет отбоя от посетителей); 日升月恒 *rìshēngyuèhéng* «[как] поднимающееся солнце, [как] прибавляющаяся луна» (обр. о непрерывном развитии, неуклонном движении вперёд); 财竭力尽 *cáijié lìjìn* «деньги и власть исчерпаны». (обр. оказаться в трудной ситуации); 童叟无欺 *tóngǒuwúqī* «здесь не обманут ни ребёнка, ни старика» (обр. о честном ведении торговли); 货真价实 *huòzhēnjiàshí* «товар добротный, цены умеренные»; 马到功成 *mǎdào gōngchéng* «быстрый успех; везение с самого начала»;

春风得意 c hūn fēng dé yì «переживать полосу удач, быть на вершине успеха».

В третьей группе идиом чэньюй экономической тематики широко представлены выражения, которые можно объединить по содержанию как идиомы нравственно-поучительного характера. В данных выражениях порицаются такие отрицательные качества, как стяжательство, алчность, погоня за прибылью, обман и надувательство партнеров, нечестное ведение бизнеса. Данная категория наиболее ярко демонстрирует связь с традиционными конфуцианскими представлениями о благопристойном поведении в обществе и конфуцианской морали и добродетели. Например, 财大气粗 cáidà qìcū «деньги не проблема, не замечать высоких цен»; «кичиться своим богатством, выставлять напоказ свое богатство»; 见利忘义 jiànlì wàngyì «завидев деньги, забывает долг»; 唯利是图 wéi lì shì tú «стремиться только к наживе; погоня за прибылью, меркантильный подход».

Идиомы представляют собой уникальный материал, интересный для понимания представлений китайского народа о нравственных ценностях, отношении к деньгам и бизнесу. Указанные в словарях источники, показывают, что бытующие до сих пор идиоматические выражения уходят в глубину истории. Эмпирической базой для изучения специфики функционирования идиом чэньюй в текстах экономической направленности послужили корпус ВВС [3], Большой китайско-русский словарь [1], 现代汉语词典 [5].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Большой китайско-русский словарь. Режим доступа: <https://dabkrs.com/htm> (дата обращения 22.09.2024).
2. Корнилов О. А. Жемчужина китайской фразеологии. — Москва.: ЧеРо, 2005. — 336 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

3. 北京语言大学 ВСС 语料库 语料库 北京语言大学语言和文化研究中心 ВСС. Режим доступа: <https://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/0/成语> (дата обращения 22.09.2024).
4. Ма Гофань Краткое введение в идиомы /马国凡 《成语简论》. 沈阳.—Шэньян, 1959. — Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1792168200501237829&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 22.09.2024).
5. 现代汉语词典:2002年增补本/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 现代汉语词典:2002年增补本/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. Современный китайский словарь. — 6-е изд., испр. и доп. — 2002.

6. Китайско-русский словарь // Под редакцией Отдела редактирования словаря Института лингвистики Китайской академии общественных наук.— 6-е изд., испр. и доп.— Пекин: Коммерческая пресса, 2005.— 1870 с.

УДК 811.111

Казачкова Юлия Александровна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, kazachkova.yu@unecon.ru.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА DEATH В РОМАНЕ ДЭНИЕЛА МЕЙСОНА «THE WINTER SOLDIER»

Данное исследование посвящено анализу экспликации концепта DEATH в романе Дэниела Мейсона «The Winter Soldier». В результате исследования были выявлены модели, через которые в тексте реализуется концепт DEATH, включая такие модели, как «DEATH is a shadow», «DEATH is a whisper», «DEATH is a thread» и «DEATH is peace». Эти модели отражают многогранное восприятие смерти как физического, метафорического и философского явления.

Ключевые слова: художественный концепт, концептуальная метафора, Д. Мейсон, «The Winter Soldier», смерть.

Когнитивная лингвистика сосредотачивается на изучении концептов — ментальных структур, отражающих человеческое восприятие и осмысление мира [2]. Концепты являются важной частью нашей когнитивной системы, поскольку они структурируют знания и организуют их для эффективного использования в общении.

Обобщив различные дефиниции, мы рассматриваем концепт как когнитивную единицу человеческого сознания, закрепленную в языке посредством слова, которая отражает как национальный, так и индивидуальный опыт восприятия реальности [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Важную роль в формировании понятия художественного концепта играет соотношение индивидуального и национального. С. Г. Воркачёв подчеркивает, что художественный концепт объединяет как объективные знания, так и личные, субъективные переживания, отражая одновременно универсальные и индивидуальные смыслы [3, с. 64]. Он определяет концепт как ментальную структуру, которая включает в себя как дефиниционную (понятийную) составляющую, так и образную, где образы и символы играют ключевую роль

в осмыслении этого концепта. Это отмечает и О. В. Беспалова — «художественный концепт — единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [1, с. 220].

Концепт *DEATH* представляет собой гораздо более многогранное и сложное ментальное явление, чем окончание физического существования, с которым традиционно ассоциируется. Смерть в разных культурах и контекстах может символизировать не только конец, но и переход, трансформацию или даже новое начало. В литературных произведениях этот концепт приобретает дополнительные кластеры значений, отражая индивидуальные, социальные и культурные представления о жизни и ее завершении. В данном исследовании принята попытка описать трактовку концепта *DEATH* в романе Дэниела Мейсона «*The Winter Soldier*» с учетом культурных и лингвистических особенностей, заложенных в тексте.

В лингвистике особое внимание уделяется выражению концептов через язык. Концепт, который включает ядро, приядерную зону и периферию, демонстрирует как различные аспекты концепта могут быть выражены через лексику и образы. Ядро концепта *DEATH* состоит из основных, универсальных знаний о конце жизни, тогда как периферия отражает индивидуальные и культурные представления о смерти.

Основным лексическим репрезентантом концепта *DEATH* в английском языке является существительное *death*, происходящее от древнеанглийского слова *deaf*. В толковом словаре «*The Oxford English Dictionary*» оно определяется как: 1) *the end of life; the permanent cessation of all vital functions in a living creature*; 2) *the act of dying*; 3) *the state of being dead* [10]. В романе «*The Winter Soldier*» слово обретает дополнительные смысловые оттенки, касающиеся не только физической смерти, но и психологических трансформаций, утрат и осознания конечности человеческого существования.

Наша статья посвящена изучению художественного концепта *DEATH* в романе Дэниела Мейсона «*The Winter Soldier*». В романе «*The Winter Soldier*» концепт *DEATH* представлен в том числе через разнообразие метафор, которые отражают не только физическую гибель, но и моральное разрушение, эмоциональную пустоту и утрату человеческой идентичности.

Роман «The Winter Soldier» Даниэла Мейсона представляет собой значимое произведение современной литературы, в котором историческая достоверность сочетается с глубокой эмоциональной наполненностью. События разворачиваются на фоне Первой мировой войны — одного из наиболее трагичных и кровопролитных периодов в истории. В этом контексте тема смерти приобретает особую значимость, проявляясь в многообразии ее осмыслений через призму различных персонажей и ситуаций. Д. Мейсон использует богатый арсенал лингвистических средств для создания атмосферы и передачи эмоциональных состояний героев.

Одним из самых важных проявлений смерти в романе являются тени и образы, которые сопровождают героя на протяжении всего произведения. Так, мы можем выделить метафорическую модель **“DEATH is a shadow”**: “Death is like a shadow gliding over the earth, something no one can challenge”, “it felt as if death itself hovered in the air” [9, с. 202, 271].

В романе «The Winter Soldier» метафора **«LIFE is a journey»** играет ключевую роль в формировании образа жизненного пути персонажей. В рамках этой модели смерть выступает как финальная точка пути, неизбежный и логически завершенный этап. В ходе анализа текста можно проследить, что смерть для персонажей — не просто конец существования, но естественное завершение их жизненного пути. Таким образом, концепт DEATH в романе передается через модель **“DEATH is the final destination”**, которая встраивается в модель **“LIFE is a journey”**: “Perhaps it would be easier, he thought, if his journey ended now”, **“The final journey into oblivion, a path we all must tread”** [9, с. 262, 286].

Смерть также может восприниматься как нечто тонкое и неуловимое, что отражает модель **«DEATH is a whisper»**. В этом случае смерть представляется как тихий, почти незаметный переход, который едва ощущается, но неизбежно присутствует. **“Death is like an incredibly quiet whisper, gently lulling the body into sleep and carrying it into the boundless expanse of eternity”** [9, с. 18].

Не менее интересным метафорическим переносом является представление смерти в виде нити — **«DEATH is a thread»**, что подчеркивает ее тонкость и связь с жизнью, словно нить, которая однажды будет разорвана. **“Death is like a delicate and invisible thread, severing the strong bond with the earth but not disappearing, transitioning into a new state of existence”** [9, с. 13].

В романе «The Winter Solder» также присутствует репрезентация смерти как обретения покоя. Концепт «**DEATH is peace**» акцентирует внимание на аспектах покоя и завершенности. Эта модель отражает представление о смерти как о состоянии окончательного успокоения и умиротворения. “In death’s embrace, we find our **ultimate rest**”, ““Shhhh,” said Margarete, crouching by the soldier once again, caressing his hair, **hushing him until he calmed**” [9, с. 56, 107].

В романе «The Winter Solder» Дэниел Мейсон представляет концепт DEATH как сложное, многослойное явление. Через разнообразные метафорические модели, такие как «**DEATH is a shadow**», «**DEATH is the final destination**», «**DEATH is a whisper**», «**DEATH is a thread**» и «**DEATH is peace**», автор демонстрирует различные варианты восприятия смерти. Она выступает не только как физическое повреждение, но и как тонкое, едва заметное изменение, хрупкая связь с жизнью и состояние окончательного умиротворения. Д. Мейсон через эти образы передает глубину и многозначность смерти, делая ее ключевым аспектом как на уровне индивидуальных переживаний героев, так и на уровне философского осмысления жизни и ее завершения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Беспалова О. Е.* Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексикографическом представлении: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. — Санкт-Петербург, 2002. — 220 с. — EDN: QDTFLF.

2. *Болотнова Н. С.* Методики анализа концептуальной структуры художественного текста / Н. С. Болотнова // Введение в когнитивную лингвистику: хрестоматия, учебные задания и вопросы / Сост. Л. Г. Золотых. — Астрахань: Астраханский университет, 2007. — С. 47–54.

3. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.

4. *Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2010. — 422 с.

5. *Кононова И. В.* Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2014. — № 5 (24). — С. 32–42. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.4>.

6. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения; Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

7. *Нильсен Е. А.* К экспликации концепта «время» в английском языке // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия: литературоведение, языкознание, психология. — № 10/2 (50). — 2006. — С. 211–217.

8. *Нильсен Е. А.* Модели языковой экспликации концепта ВРЕМЯ в английских художественных произведениях XVII века // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Лингвистика», выпуск 14, № 2 (261). — 2012. — С. 14–19.
9. *Mason D.* The Winter Soldier. — Little, Brown and Company, 2018. — P. 336.
10. *Murray J.* The Oxford English Dictionary. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — Vol. 4. — P. 302.

УДК 811.581

Пруцких Татьяна Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, pruta@mail.ru,

Пруцких Андрей Александрович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, proutskikh@yahoo.com

КОНЦЕПТ «ПУТЕШЕСТВИЕ» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья посвящена изучению лингвокультурного концепта «путешествие» в китайском языке, а именно, исследованию ценностной, образной и понятийной сторон данного концепта. Определены признаки, которые китайцы вкладывают в понятие культурного концепта «путешествие». На основании анализа дефиниций «путешествие» и словарной выборки лексем и фразеологизмов со значением «путешествие» делается вывод об особенностях ценностной картины мира китайского этноса.

Ключевые слова: китайский язык, культурный концепт «путешествие», традиционная китайская культура, фразеологизмы, новые языковые средства.

Путешествие в современном мире — это проявление инициативы в изучении неизвестных мест, исходя из собственных предпочтений и возможностей, это расширение кругозора и получение уникального опыта, это способ интеллектуального роста и развития, способ отдыха и восстановления эмоциональных сил. Путешествия играют важную роль не только в жизни отдельных людей, но и целых народов, избавляют людей от предрассудков и стереотипов, становятся одним из важных каналов содействия сохранению, наследованию и распространению культуры.

Наше исследование посвящено изучению лингвокультурного концепта «путешествие» в китайском языке. Вслед за Н. Д. Арутюновой (1993, 1999), С. Г. Воркачевым (2007), В. И. Карасиком (2002),

В. В. Красных (2002, 2003), Г. Г. Слышкиным (2000), Ю. С. Степановым (1997, 2001) мы считаем, что «основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт — многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [1, с. 91].

Понятийная составляющая представляет концепт как дефиницию во всем многообразии его использования в языке. По данным иероглифического онлайн словаря китайского языка [6] дадим определения основным лексемам со значением «путешествовать»:

- yóu 人或动物在水里行动: 游泳。游水。Люди или животные передвигаются в воде: плавают.
- lǚ 出行的, 在外作客的: 旅行。Отправляться в путь (в путешествие), быть гостем вдали от дома путешествовать в качестве гостя: путешествовать.
军队的编制单位, 在师与团之间。Организационная единица армии, между дивизией и полком (воен. бригада, состоящая из 500 человек).
泛指军队: 军旅。 В общем понимании относится к армии: армия, войска.
共同: 旅进旅退。Общее значение: вместе отправляться в поход, вместе возвращаться назад.
- xíng 走: 行走, 步行, 旅行。Идти: ходить, ходить *пешком*, путешествовать.
出外时用的: 行装。Предметы, которыми пользуетесь в путешествии: дорожные принадлежности, багаж.
流通, 传递: 行销。Находиться в обращении, циркулировать; передавать, пересылать: сбыт, маркетинг.
从事: 进行。Заниматься: проводить, осуществлять.
流动性的, 临时性的: 行商。Обладать ликвидностью, носить временный характер: заниматься торговлей, вести бизнес.
足以表示品质的举止行动: 行径。Манеры, достаточные для выражения моральных качеств: поступок, поведение.
实际地做: 行礼。Делать реально, практически: отдавать честь, выполнять долг вежливости.

Также считаем целесообразным привести примеры двусложных лексических единиц с иероглифами 游yóu, 旅lǚ, 行xíng (см. Табл. 1) из Китайско-русского словаря 汉俄词典 [5] по заданной тематике.

**Словарная выборка двусложных лексических единиц
с иероглифами 游yóu, 旅lǚ, 行xíng со значением «путешествовать»**

游 yóu	旅 lǚ	行 xíng
游伴 компаньон	旅伴 компаньон	行程 путь, переход
游记 путевые заметки	旅次 стоянка,	行动、行走 ходить двигаться
游客 турист	остановка	行脚 странствовать
游览 экскурсия	旅客 пассажир	行进 идти вперед
游戏 игра, забава	旅程, 旅途 путь,	行径、行为 поведение, поступок
游艺 культурное	дорога	行军 марш, поход
развлечение	旅店、旅馆 гостиница	行礼 отдавать честь,
游荡 слоняться,	旅费 путевые	поклониться
шататься	расходы	行李 багаж
游方 странствовать	旅行 путешествие	行猎 охотиться
游逛 гулять,	旅游 туризм	行旅 путники,
прогуливаться		путешественники
游学 обучаться		行人 пешеход
на чужбине		行善、行好 делать добро
游行 странствовать,		行驶 идти, ехать, плыть
шестьовать		行踪 следы,
游泳 плавать		местопребывание

Можно сделать предварительное обобщение, что в *понятие* культурного концепта «путешествие» китайцы вкладывают следующие признаки: 1) Передвижение — покидать дом, странствовать; отправляться в путь пешком или по воде. 2) Наличие определенной цели — осуществлять военные походы и шествия; заниматься торговлей или бизнесом; обучаться и культурно развлекаться. 3) Наличие определенных правил — использование разнообразных предметов, необходимых в путешествии; расходы на путешествия, места временного проживания 4) Социальные классы — военные, туристы, пассажиры, попутчики и др. Путешествие характеризуется положительной коннотацией и имеет множество разнообразных языковых проявлений, фиксирующих как сам процесс путешествия, так и отношение к данному явлению, например, 行善 делать добро, 行礼 выполнять долг вежливости и др.

Путешествие — это своего рода эмоциональное потребление. Путешествие вдали от места проживания все чаще становится для людей важной целью, чтобы успокоить свое настроение и восстановить силы. Путешествие дает телу и разуму новые способности, новые перспективы и новый опыт. *Образную* компоненту концепта «путешествие» хочется представить всеми составными элементами этого комплексного явления, а именно: планирование путешествия (旅行计划), подбор компании (选择游伴), транспортные перемещения (交通运输), экскурсионная программа (游览计划), питание и проживание (食物和住宿), новые знакомства и впечатления (新认识和印象), усталость и удовлетворение (疲劳和满足), фотографии и книги (照片和书籍), желание вернуться домой (回家的愿望), радость возвращения (归来的喜悦) и новые туристические планы (新的旅行计划).

Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, которые используются в разных областях лингвистической науки, акцентуацией ценностного элемента. *Ценностная* сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. Далее мы приведем примеры, что китайцы считают важным и ценным в путешествиях, какие этнокультурные характеристики можно наблюдать в китайских фразеологизмах по заявленной теме — все это формирует ценностную картину мира китайского этноса.

1. Путешествие — это преодоление рельефных и климатических особенностей. 跋山涉水 исходить горы, переходить реки (обр. в знач.: испытывать все тяготы пути, преодолевать испытания дальних дорог). 风吹日晒 ветер продувает и солнце опалает; открытый ветру и солнцу.

2. В дороге не нужно торопиться — здесь реализуется древняя китайская мудрость — 慢走 торопись медленно. 不怕慢就怕站 Не бойся медленно идти; бойся остановиться. 远行无急步 В дальней дороге не нужно торопиться.

3. К путешествиям нужно тщательно готовиться. 出门问路入乡问俗 Отправляешься в дальний путь — узнай дорогу; приедешь на новое место — узнай обычаи. 读万卷书行万里路 прочесть десять тысяч книг, пройти десять тысяч ли; обр. получать теоретические и практические знания; дополнять теоретические знания практическими навыками.

4. Проще и интереснее путешествовать в компании — это подтверждает главенство коллективного сознания над индивидуальным у китайцев. 行要好伴, 住要好邻 В дороге нужен хороший спутник,

в жизни — хороший сосед. 结伴而行 Путешествовать в компании. 结伴旅行 Путешествие с попутчиком.

5. Каждое большое дело начинается с малого, так и дальние путешествия складываются из многочисленных маленьких шагов. 千里之行, 始于足下 поход в тысячу ли начинают с первого шага; длинный путь начинается с первого шага.

6. В родные и полюбившиеся места нужно возвращаться — это особая радость и ностальгия. 旧地重游 вновь посетить знакомые места; вновь побывать в знакомых местах; снова совершить путешествие в знакомые места.

7. Какими бы прекрасными не были туристические маршруты, нет ничего лучше родного дома — это чувство патриотизма и любви к родине является очень важной отличительной чертой каждого жителя Китая. 金窝银窝, 不如自家的穷窝 «Золотое гнездо, серебряное гнездо — хуже, чем свое бедное гнездо» [2, с. 15].

8. Путешествовать самыми разными способами, путешествовать по Китаю. 云游天下 странствовать, бродить по свету (букв. на облаках плыть над Поднебесной).

Жизнь людей меняется, а значит появляются адекватные языковые средства для обозначения новых явлений. Среди десяти выражений сети интернет 2023 года в китайском языке появилась фраза特种兵式旅游 — спецназ тур: вид путешествий, завоевавший особое распространение среди студенческой молодежи, основной сутью которого является за короткое время посетить как можно больше мест и потратить как можно меньше денег. Как правило, такие экстремальные туры рассчитаны на один, два, три дня активных перемещений с минимальным количеством времени на отдых и сон. Большинство туров организуется в выходные, и предполагают от участников достаточно хорошее здоровье и определенную физическую подготовку, что и объясняет их направленность на молодежь. Причины популярности этих маршрутов в их низкой стоимости и высокой насыщенности, кроме того, это своеобразный вызов преодоления для молодежи. Приведем несколько программ предлагаемых спецназ туров. «一天21公里, 逛8个景点, 睡4个小时» — за один день 21 километр, посещение 8 достопримечательностей, сон 4 часа [3]. «30小时, 6个景点, 往返1300公里» — 30 часов, 6 достопримечательностей, маршрут туда-обратно 1300 километров [4].

Анализ китайских фразеологических единиц показывает, что в традиционной китайской культуре путешествие ассоциативно связано с преодолением трудностей, необходимостью предварительной подготовки, преимуществом путешествия в хорошей компании, любовью к родине и радостью от возвращения в понравившиеся места. Китайцы всегда желают человеку, отправляющемуся в путешествие, спокойной дороги, попутного ветра 一路平安, 一路顺风, поэтому осторожность и безопасность в пути особо подчеркиваются в китайской культуре: 平安是福 Безопасность (в пути) — это счастье!

Интересно наблюдать, что первоначальное значение путешествия как военного похода проявляется и в современных словосочетаниях, акцентируя скромность потребностей, выносливость туристов и познавательный характер спецназ тура.

Перспективами дальнейшего исследования считаем изучение возрастных особенностей отношения китайцев к путешествиям, для чего необходимо проведение анкетирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
2. Лю Цзюань Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Волгоград, 2004. — 20с.
3. 潮安广播电视台: 五一假期结束! 符合“特种兵式旅游”的恢复指南来了/百度. — Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1798274159810598235&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 02.10.2024).
4. 李砍柴:30小时6个景点, 往返1300公里, “特种兵式旅游”藏着一地鸡毛/百度. — Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1765675912982162844&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 02.10.2024).
5. 汉俄词典/上海外国语学院汉俄词典编写组编. 北京: 商务印书馆出版, 1992. 1250页.
6. 在线汉语字典. — Режим доступа: <http://xh.5156edu.com/html3/17537.html> (дата обращения 10.10.2024).

Родин Валентин Антонович,

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия, rodin.valentin2014@yandex.ru.

ВЫЯВЛЕНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ КАТЕГОРИИ «НАВЕСНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ ГИДРАВЛИЧЕСКОГО ЭКСКАВАТОРА»

В настоящей статье проанализированы и описаны когнитивно-семантические характеристики метафорической лексики английской терминологии в области строительной техники, относящейся к категории «Навесное оборудование гидравлического экскаватора». Рассмотрены особенности формирования метафорических моделей данных терминологических единиц. Сделаны выводы о принципах, лежащих в основе трансформаций метафорических понятий.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, метафорическая модель, семантический компонент, термин.

Метафора является структурной и смыслообразующей единицей когниции. Метафорические механизмы описываются как понимание одной семантической области в понятии другой при извлечении общего признака [7, с. 46]. Изучение функций и свойств метафоры является одним из центральных предметов исследования лингвистов-когнитологов. Причина сложности и дискуссионного характера данной проблемы кроется в многоаспектной структуре метафоры, в связи с чем возникает все больше подходов к ее интерпретации [4, с. 1122].

В когнитивной науке укрепилось мнение о том, что, помимо связи с языком и мышлением человека, метафора является одним из главных средств структурирования информации об окружающей действительности, а также формирования новых ментальных категорий и продуцирования нового знания посредством употребления слов в непрямом значении [6]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что все значения слова есть ничто иное как метафорический перенос. Когнитивная теория метафоры актуализируется в работах таких ученых, как Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ж. М. Тернер, Дж. Серль, Д. Дэвидсон, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, В. Г. Гак и др.

В настоящем исследовании внимание автора направлено на одну из центральных когнитивных теорий — дескрипторную теорию метафоры. Она была разработана Дж. Лакоффом и предполагает наличие

такого понятия, как «метафорическая проекция». Согласно дескрипторной теории, метафора рассматривается как процесс взаимодействия области источника (конкретной области, доступной для восприятия и способной категоризировать знания, полученные в результате взаимодействия человека с окружающим миром) и области цели (области, которая является итогом метафорической экспансии) [3, с. 20]. Сфера источника регулируется сигнификативными дескрипторами, которые включают в себя понятия и феномены из различных семантических полей. Сфера цели, в свою очередь, регулируется денотативными дескрипторами, то есть, словами, которые называют определенные объекты или феномены, о которых, в конечном итоге, идет речь [1, с. 9].

Отношения между сигнификативными и денотативными дескрипторами могут быть рассмотрены как переход от абстрактного, собирательного образа к конкретному понятию, которое в дальнейшем должно быть осмыслено. Подобное взаимодействие является основой для формирования так называемой метафорической модели (далее М-модель). М-модель связывает исходную и новую понятийные сферы, которые складываются в сознании носителей языка и реализуется по следующей схеме: «X — это Y». Компонент «X», будучи исходной понятийной областью, содержит в себе определенный эмотивный компонент, который, в дальнейшем, сможет сохраниться при переходе к компоненту «Y» и дать возможность раскрыть весь когнитивный потенциал метафоры [7, с. 248].

Процесс образования специальных терминов в различных сферах нередко происходит на основе общеупотребительной лексики. Явление полисемии возникает по причине метафорического и метонимического переосмысления семантики отдельно взятого слова [5, с. 52]. Появление метафоры во многих терминологических единицах сферы строительной техники обусловлено потребностью людей в поиске и осмыслении принципов работы различных механизмов, относящихся к строительным машинам. Поэтому целесообразно выявить содержательное ядро (далее СЯ) всех лексико-семантических вариантов термина, которое обеспечит поиск подходящих лексем для его понимания и интерпретации. Метафора, содержащаяся в терминологической единице, выполняет роль защитного пояса для СЯ, делая отсылку к номинативно-непроизводному значению (далее ННЗ) и повышая шансы на корректную интерпретацию [2, с. 17].

В связи с вышесказанным, необходимой мерой является выявление М-моделей некоторых терминологических единиц, связанных со сферой строительной техники. В настоящем исследовании будут выявлены М-модели англоязычных терминов строительной техники категории «Навесное оборудование гидравлического экскаватора». Выявление М-моделей будет осуществляться по следующей схеме:

1. Определение ННЗ лексической единицы в общеупотребительном словаре.
2. Определение ННЗ термина в техническом словаре.
3. Выявление общих семантических компонентов в двух дефинициях, служащих основанием для метафорического переноса.
4. Наименование М-модели.

Материал для анализа был взят из англоязычного руководства по эксплуатации гидравлического экскаватора СТ195 СТ230 СТ260 Operating Manual [8, с. 25]. Методом сплошной выборки были отобраны три терминологические единицы, обозначающие основные элементы навесного оборудования гидравлического экскаватора и содержащие метафору: thumb (захват); bucket (ковш); jaws (тиски).

Обратимся к термину thumb (захват). Дадим определение слову thumb, исходя из информации в общеупотребительном словаре: «a short thick digit of the human hand that is analogous in position to the big toe and differs from the other fingers in having only two phalanges, allowing greater freedom of movement, and being opposable to each of them» [9]. В данном случае речь идет о большом пальце руки. Далее обратимся к техническому словарю. В нем значение термина thumb (захват) представлено следующим образом: «a moveable part of a machine that can be used in combination with the excavator's bucket in order to pick up material like branches, brush, rocks etc.» [10]. Найдем общие семантические компоненты, лежащие в основе метафорического переноса. Компонент «freedom of movement», выявленный, исходя из анализа дефиниции в общеупотребительном словаре, указывает на подвижность большого пальца; на то же указывает семантический компонент «a moveable part», взятый из дефиниции, приведенной в техническом словаре. Компоненты «being opposable to each of them» [9] и «pick up material» [10]. также можно считать близкими, поскольку противопоставление большого пальца связано с необходимостью захватывать, брать в руку какие-либо предметы. Связь с принципом действия части тела человека является основанием для метафорического переноса. На основе

приведенного анализа, выявим М-модель: «Часть тела — оборудование». В основе образования термина thumb лежит антропоморфная метафора.

Схематически данную М-модель можно изобразить следующим образом:

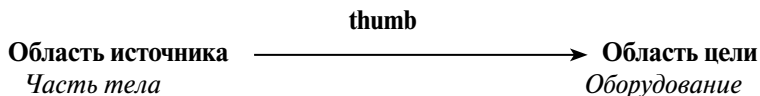

Рисунок 1 — Схематическое изображение М-модели термина thumb

Проанализируем термин bucket (ковш). Обратимся к общеупотребительному словарю для анализа дефиниции. Дадим определение слову bucket: «a typically cylindrical vessel for catching, holding, or carrying liquids or solids» [9]. В данном случае речь идет о приспособлении, называемом «ведро», которое является общеизвестным и используемым в быту. Обратимся к техническому словарю для анализа термина bucket: «a bucket is one of the most common excavator accessories, helping to dig or clean the surrounding area» [10]. Схожесть компонентов «carrying liquids or solids» [9] и «helping to dig or clean the surrounding area» [10] является основанием для метафорического переноса. Для того, чтобы расчистить территорию, в ковш необходимо набрать некоторое количество материала и перенести его из одной части в другую. Семантический компонент, выявленный из определения, данного в общеупотребительном словаре, указывает на то, что ведро также используется для переноски различных материалов. На основе приведенного анализа, выявим М-модель: «Бытовой предмет — характеристика оборудования».

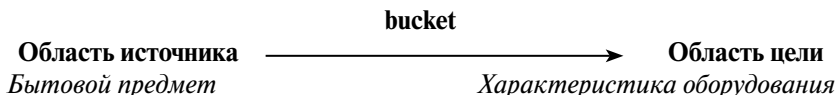

Рисунок 2 — Схематическое изображение М-модели термина bucket

Перейдем к термину jaws (тиски). Дадим определение слову jaws в общеупотребительном словаре: «either of two or more opposable parts that open and close for holding or crushing something between them» [9]. Исходя из анализа данной дефиниции, можно сделать вывод о том, что речь идет о челюсти человека или животного. Далее обратимся к техническому словарю: «multi-purpose and have vertical and horizontal

grooves on their surfaces so that they can hold circular or irregularly shaped objects for drilling or milling» [10]. Найдем общие семантические компоненты, лежащие в основе метафорического переноса. Таковыми являются «holding or crushing something between» [9] и «hold circular or irregularly shaped objects» [10]. Функция челюстей человека или животного заключается в удержании некоторых объектов. Тиски гидравлического экскаватора также используются для удержания предметов различной формы для последующей манипуляции. На основе приведенного анализа, выявим М-модель: «Функции части тела — принцип действия оборудования».

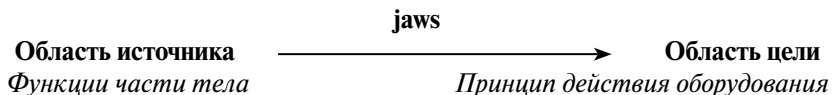

Рисунок 3 — Схематическое изображение М-модели термина jaws

Описанные в настоящем исследовании процессы выявления М-моделей терминов thumb (захват); bucket (ковш); jaws (тиски) являются основанием для следующего вывода. Несмотря на различные области источника, основанием для метафорического переноса при формировании англоязычных терминов, относящихся к категории «Навесное оборудование гидравлического экскаватора», лежит сходство по принципу действия и функционирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 7–21.
2. Киселева С. В. Предикаты партитивной семантики со значением становления и исчезновения партитивных отношений в современном английском языке: автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.02.04. — Санкт-Петербург, 2007. — 45 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
4. Макашова В. В. Когнитивная теория метафоры А. Н. Баранова / В. В. Макашова // Вестник Удмуртского университета. — Серия «История и филология». — 2022. — С. 1122–1129.
5. Масалова Л. Г. Структурно-семантические особенности терминологии строительства в английском и русском языках: магистерская диссертация студентки 2 курса очной формы обучения по направлению 45.04.02 — Лингвистика, магистерская программа «Теория и практика преподавания иностранных языков и культур» / Л. Г. Масалова; науч. рук. Д. Е. Эртнер; рец. С. Н. Антонова; Тюм. гос. ун-т, Институт филологии и журналистики. — Тюмень, 2017. — 95 с.

6. Category and Invariant Study of Polysemous Words / *Pesina S. A., Vinogradova S. A., Kiseleva S. V., Trofimova N. A., Pastushkova M. A., Ovcharenko N. V.* Funktional Aspects of Interdeterminacy. // *Revista Entre Linguas*. — v. 7. — esp. 8. — 2021. — DOI: <https://doi.org/10.29051/el.v7iesp.8.16357> (BoC).

7. Functioning of metaphor through the prism of invariant theory of polysemy / *Pesina S. A., Vinogradova S. A., Kiseleva S. V., Trofimova N. A., Rudakova S. V., Baklykova T. Yu.* — *Applied Linguistics Research Journal*. — 2021. — Т. 5. — № 4. — С. 247–252.

8. СТ195 СТ230 СТ260 Operating Manual. — Руководство по эксплуатации: 2022. — 131 с.

9. Merriam Webster dictionary. — Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bucket> (дата обращения 20.09.2024).

10. Construction Machinery Glossary. — Режим доступа: <http://www.theconstructionmachinery.com/glossary.html> (дата обращения 20.09.2024).

УДК 81'139+811.58

Shishmareva Tatiana Yevgenievna,

Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia, taniyashi72@yandex.ru,

Dyundik Yulia Borisovna,

Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia, dyular@mail.ru.

CORPUS-DRIVEN GRAMMATOLOGY OF CHINESE WRITING: PROBLEM STATEMENT

A computer-readable corpus of Chinese came into being recently. In this article the authors examine the idea that computer-driven corpora of Chinese characters can be successfully used for different researches in grammarology. The authors state that the ability to analyze and use corpus-driven grammarology is considered to be one of the most important skills to study the language both from theoretical and practical points of view.

Key words: grammarology, Chinese writing, character, corpus, corpus grammarology, transdisciplinarity.

Компьютерный корпус китайского языка был создан относительно недавно. В данной статье рассматривается идея о том, что компьютерные корпуса китайских знаков могут успешно применяться для различных исследований в области грамматологии. Утверждается, что умение грамотно использовать знания, накопленные наукой грамматологией на основе анализа корпусов иероглифов, является одним из важнейших умений при изучении языка как с теоретической, так и практической точек зрения.

Ключевые слова: грамматология, китайская письменность, иероглиф, корпус, корпусная грамматология, трандисциплинарность.

The end of XX century became a pivotal moment in every sphere of people's lives, and in linguistics as well, thanks to computer technologies.

Using computers brought us to an absolutely new branch in linguistics — corpus linguistics. Today corpora is one of major instruments in modern linguistics. A linguistic corpus is a collection of linguistic data which can be used to represent a complete description of a language or, if we speak about a multilingual corpus, of language differences [9, 11].

Grammatology is a compulsory component of linguistics, whose studying doesn't have such a long history. Precise description of grammatology as a science has been presented by Derrida in the monograph "On Grammatology". According to the author, grammatology is some specific form of knowledge which opposes to some major principles of traditional science. Later grammatology as a science has been properly studied and developed by O. M. Gotlib and his followers [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10].

Writing is undoubtedly an obligatory component of culture, it is a result of people's development on some certain stage, a cultural phenomenon which contains some social attributes and whose development depends on the society. Chinese writing is the only one in the world which has been ideographic throughout the development of the language. Its major elements (morphograms and logograms) correlate with morphemes and words of the Chinese language being their graphic manifestations [1].

Chinese hieroglyphic material, characters, being a typical form of writing, can be used as a basis for creation a corpus of characters, a database, designed with the help of modern technologies. Some knowledge on Chinese writing is not enough in this case, a number of other things such as an ability to select, compare, filter, import and export some data become obligatory to fulfill the task. So, corpus-driven grammatology can be considered a new branch of science, it is a mixture of multidisciplinary approaches, firstly founded on different texts with Chinese characters containing a great piece of information that can be decoded and can become a starting point for defining and describing different phenomena and secondly on modern technologies and ability to use them properly. Undoubtedly, Chinese characters themselves are the central part of corpus-driven grammatology researches, the information they have absorbed is very important that is why they represent the foundation for different studies of Chinese writing grammatology. Research, collection and storage, analysis and statistics of information give a lot of opportunities for new ideas and theories in the sphere of Chinese grammatology, they help verify the canonicity of characters and study how this information can be used in processing Chinese as a language and some complementary sciences.

It should be mentioned that the study of Chinese writing grammatology using character corpus (字料库) can be useful for both theoretical and practical needs: firstly interdisciplinary theoretical researches relying on Chinese character corpus, grammatology of Chinese writing itself can occur to develop the essence of Chinese writing and studying the major peculiarities of their development; secondly it can be implemented into teaching and studying Chinese characters for everyday practical use and the process of teaching and studying Chinese as a (foreign) language. "... Interest has grown tremendously in the use of language corpora and computer tools for language education" [8]. So, corpus-driven grammatology can be subdivided into two major parts, theoretical (1) and practical / applied (2) which we will describe in more detail.

1) General corpus-based *linguistic studies*. The main purpose of such researches is to reevaluate and overstate the theories which have already existed in Chinese writing grammatology to verify them in accordance with new information received. In this case some language corpora can be considered just a supplementary instrument, but a necessary one; and studying the Chinese language as a linguistic *science* basing on linguistic corpus of Chinese. Undoubtedly, such studies are deeply dependent on corpora and how new concepts and methodology of new information description of Chinese characters are applied. In this situation some corpus becomes the only source and the only field of research. The main purpose of such researches is to describe the formation and evolution of Chinese characters. Here different methods of studying the history of characters, their development and some changes that occur in grammatology can take place.

2) Language corpora can be used for *practical means*. Teaching Chinese characters and information acquisition in Chinese are the major spheres where Chinese writing grammatology can be applied. The idea is to combine the theory of corpus-driven grammatology with teaching Chinese on different levels so that it becomes highly effective. At the same time, corpus-driven grammatology can be considered a transdisciplinary science, its findings can become extremely useful in studying and teaching philology, lexicography, ancient literature, culture studies and many other sciences connected with the development of human society. Corpus-driven grammatology becomes a necessary supplementary, but extremely valuable source to make a research more deep and well founded.

The study of corpus-driven grammatology seems to be a burning topic as it presents a combination of ancient knowledge accumulated in the writing

system and modern technologies which we can't live without in today's world. Creation of corpus-driven grammatology of Chinese writing takes much effort but gives a great ground for providing new theories, constructing new hypotheses, initiating new researches. A corpus itself can become a perfect supplement which allows to easily collect, keep and code enormous quantity of information that can be found in characters. Moreover, corpus-driven grammatology is a transdisciplinary science whose data can be used in many studies connected with the development of humanity.

REFERENCES

1. *Готлиб О. М.* Основы грамматиологии китайской письменности: учебное пособие. — Москва: Восток-Запад, 2007. — 282 с.
2. *Деррида Ж.* О грамматиологии. Пер. с франц., вступит ст. и комм. Н. С. Автоновой. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.
3. *Домашевская Д. М.* Теоретические основания подхода к идеографической письменности с позиции теории систем / Д. М. Домашевская, Т. Е. Шишмарева, Н. В. Терехова, Е. А. Хамаева // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности. Материалы Международной научной конференции. — Иркутск, 2019. — С. 138–150.
4. Отечественные труды в области грамматиологии китайской письменности второй половины XIX — первой половины XX веков / Д. М. Домашевская, Т. Е. Шишмарева, Н. В. Терехова, Е. А. Хамаева // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности. Материалы Международной научной конференции. — Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. — 276 с.
5. Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Т. Е. Шишмарева, Е. А. Хамаева, Н. В. Терехова, Д. М. Домашевская. — Иркутск: Издательство ИГУ, 2019. — 669 с.
6. *Хамаева Е. А.* Этимологический vs. этимографический анализ знаков китайской идеографической письменности / Е. А. Хамаева, Т. Е. Шишмарева // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 136–140.
7. *Шишмарева Т. Е.* К вопросу о шестеричной парадигме базовых знаков китайской письменности // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания: материалы Международной научной конференции. — Иркутск: ИГУ, 2020. — С. 86–92.
8. *Conrad S. M.* The importance of corpus-based research for language teachers // System. — 1999. March — Issue 1. — P. 1–18. — Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0346251X98000463> [https://doi.org/10.1016/S0346-251X\(98\)00046-3](https://doi.org/10.1016/S0346-251X(98)00046-3) (дата обращения: 17.07.2024).
9. *Dash N. S.* Corpus linguistics: an introduction. — New Delhi: Pearson Longman, 2008. — 175 p.
10. *Gotlib O.* Some aspects of semantics from the point of view of grammatology (on the basis of the Chinese writing system). — Иркутск: Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2009. — № 4. — С. 6–8.
11. *Sinclair J.* Corpus, concordance, collocation. — Oxford University Press, 1991. — 179 p.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

УДК 821.512.122

Азкенова Жанаргуль Кадырбековна,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

«ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР» (MUNDUS IMAGINALIS) И КОНСТРУИРОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЭЗИИ ЖЫРАУ*

Поэзия жырау XV–XVIII веков отражает процесс конструирования казахской культурной идентичности. Она воплощена в концептах, понимание которых требует декодирования мифов и символов казахского эпоса. В статье на материале поэзии Казтугана жырау и Бухара жырау рассмотрена категория «воображаемый мир» (Mundus Imaginalis). Внимание к понятию обусловлено установлением границы между материальным и духовным мирами. Анализ воображаемого мира опирается на концепты, характеризующие казахскую идентичность.

Ключевые слова: культурная идентичность, мифология, символика, национальная картина мира, жырау.

Средневековая поэзия жырау, содержащая истоки национальной картины мира, является одним из источников конструирования казахской культурной идентичности. Так, эстетика поэзии жырау XV–XVIII вв. построена не только на символике казахского фольклора, но и воплотила так называемый «воображаемый мир» (Mundus Imaginalis), который позволяет выявить сложную природу казахского национального самосознания.

В западной науке понятие «воображаемый мир» привело к формированию разных точек зрения на природу и способы конструирования культурной идентичности, что связано с определением особого статуса воображения. Исследование национальной идентичности в русле понятий «национальный дух», «народный дух», «национальный

---

* Доклад написан в рамках проекта «Научная концепция казахской риторики: риторический идеал, идентичность, аргументация и речевая практика».

характер», «душа нации», тяготеет к выявлению связи становления нации с языком, этносом и мифами о происхождении в работах Э. Смита, Дж. Хатчинсона: «...культурная идентичность есть результат ощущения преемственности истории и общей памяти народа, которые имеют свое воплощение в мифах и символах...» [5, с. 5].

Одной из научных школ, выработавших традиции в исследовании культурной идентичности, является школа профессора Сибирского федерального университета (СФУ) Н. Копцевой [6] и ее учеников – К. Дегтяренко [3], Ю. Замараевой [4], А. Шпак [8] и др. Культурная идентичность как часть социальной обоснована в диссертации А. Шпак: «культурные тексты и их интерпретации анализируются как максимально эффективные способы конструирования сложной социальной идентичности, так как имеют знаково-символическую основу, воспринимаемую одновременно всеми представителями той или иной социально-культурной группы» [8, с. 4].

Опыт систематизации культурной идентичности на примере поэзии жырау предпринят в трудах казахстанских ученых – Е. Турсунова, Ж. Бектурова, Б. Абылкасимова, С. Негимова, А. Жаксылыкова, Ш. Ибраева, К. Жанабаева. В идеях Турсунова о самобытном характере поэтики жырау, формировании жанровых признаков еще в I тысячелетии до нашей эры, воплощении казахскими поэтами специфики устного творчества тюркских народов, тюркской эстетики и художественной словесности, выражении ими древней и средневековой казахской эпической традиции [7] можно констатировать в качестве предмета рассмотрения признаки национального самосознания казахов, а также культурной идентичности.

Изучение поэзии Казтугана жырау и Бухара жырау в аспекте категории «воображаемый мир» (*Mundus Imaginalis*) позволяет установить истоки формирования культурной идентичности в той границе, которая пролегает между материальным и духовным мирами. Цель настоящей работы состоит в обобщении современных концепций культурной идентичности с позиции миромоделирования и мироощущения поэтов.

В поэзии жырау нашли выражение и понятия, демонстрирующие в большей степени элементы кочевой эстетики. Здесь представлены основные ценности казахского народа: патриотизм, справедливость, неприятие чужого, концентрация на духовном аспекте существования человека.

Анализ поэзии жырау, в творчестве которых использована зрелищная и звуковая символика казахского фольклора, показал философию

идентичности: это такие идеи, как «относительно спокойное принятие возможности смерти», «существование противоположных сил, в том числе жизни и смерти», «условность и прозрачность границ», «степь как модель казахского мира».

В творчестве Казтугана жырау человек представлен в связи с природой, в непрерывном единстве с природным миром. Примером тому является песня «*Alan da alan, zhurt\...*» («*Земля и необъятные просторы, народ*») [1, с. 38–39]. Песня с родной землей проникнута тоской по утраченному. Последняя строфа содержит не только прощание и личный разрыв лирического героя с Родиной от сознания утраты родной земли, но и благородное желание быть счастливыми пришедшим на благословенную землю Едиля. Данный мотив объясняется любовью к родной земле, взрастившей Казтугана и его народ.

Поэзия жырау содержит систему устойчивых образов, характеризующих ее эстетическое своеобразие. Так, фольклорный антропоморфизм, восходящий к мифопоэтике, объясняет аллегорический характер образов животных. У казахского народа почитаемыми считались четыре вида скота «төрт тулік». Эти животные имели своих духов покровителей: покровитель верблюда – Ойсыл Кара, овцы – Шопан-ата, коровы – Зенге баба, лошади – Жылкышы-Камбар ата.

Философское отношение к смерти представлено в стихотворении Бухара жырау «*Жиырма деген жасыңыз...*» (Когда тебе двадцать...) [2, с. 91], где поэт, перечисляя все периоды жизни человека, сравнивает их с природными явлениями: «ағып жатқан бұлақтай», «жарға ойнаған лактай», «ерттеп қойған құр аттай» («подобен ты бегущему роднику», «игривому козленку на краю пропасти», «оседланному коню, стоящему наготове»).

В данном толгау предстают ключевые понятия картины мира кочевника: образ *золотой юрты*, *лунного света*, *просвистевшей сабли*. Воображаемый мир ярко представлен в песне. На всей поэзии жырау лежит культ кочевой жизни, признаваемой вечной, иначе «Небо и Земля придут в смятение».

Итак, казахская культурная идентичность являет воплощение мировоззренческих взглядов на смерть, осмысление ее в системе представлений о мироустройстве, которые несет утверждающий смысл. Отсутствует резкая граница между жизнью и смерть, добром и злом, светом и тьмой. Жырау через визуальные образы оживляли архетипы, которые передают картину мира казахского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антология казахской поэзии. Составление, вступительное слово, перевод с казахского и комментарии Ауэзхана Кодара. — Алматы: издательский дом «Таймас», 2006. — 450 с.
2. Бес ғасыр жырлайды: XV ғасырдан XX ғасырдын бас кезіне дейінгі қазақ ақын жазушыларының шығармалары. Үш томдық. [Текст] / Бас шығарушы М. Байділдаев — Алматы: Жазушы, 1984. (Қазақ ССР ғылым академиясы М. О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты). Том 1. / Құрастырушы М. Мағауин, М. Байділдаев. 1984, 256 бет, суретпен көркемд.
3. *Дегтяренко К. А.* Культурная память и конструирование этнической идентичности коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации (на материале анализа кетов) в конце XX — начале XXI вв. Диссер. на соиск. учен. степ. канд. культурологии. — Красноярск: СФУ, 2021. — 212 с.
4. *Замараева Ю. С.* Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности (на материале Красноярского края). Автореф. диссер. на соиск. учен. степ. д-ра культурологии. — Красноярск: СФУ, 2021. — 54 с.
5. *Колесник М. А.* Конструирование русской культурной идентичности: концептуальный и методологический подходы. Диссер. на соиск. канд. культурологии. СФУ. — Красноярск, 2015. — 168 с.
6. *Копцева Н. П., Неволько Н. Н., Резникова К. В.* Формирование этнической культурной идентичности в современной России с помощью произведений национального искусства (на примере эвенкийского эпоса и декоративно-прикладного искусства) // Электронный журнал «Педагогика искусства». — М.: Институт художественного образования и культурологии РАО, 2013. — № 1. — С. 1–15. — ISSN 1997-4558.
7. *Турсунов Е. Д.* Древние типы носителей казахского фольклора (генезис и типология). Диссер. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. — Алматы: Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, 2003. — 195 с.
8. *Шпак А. А.* Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей (на материале исследования регионов Сибирского федерального округа). Диссер. на соиск. учен. степ. д-ра культурологии. — Красноярск: СФУ, 2021. — 168 с.

УДК 811.111–26

Ананьина Марина Александровна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, ananinama@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ АЛЛЮЗИВНОГО КОНЦЕПТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Художественное мышление имеет много общего с научным мышлением. На основе изучения художественного дискурса можно понять особенности актуализации многих когнитивных механизмов, относящихся к картине мира и вербализации концептов. Цель исследования состоит в обосновании

возможности когнитивного моделирования актуализации аллюзивного антропонима в художественном тексте. Процесс анализа основан на использовании понятий концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Когнитивно-стилистический анализ концепта аллюзивного антропонима включает исследование метонимической, метафорической или метафтонимической природы транспозиции когнитивных признаков, учет когнитивно-композиционного параметра, типа когнитивной операции при реализации актуального значения концепта аллюзивного антропонима в художественном тексте.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним, художественный концепт, художественный текст, когнитивно-стилистический анализ, когнитивно-дискурсивный анализ.

Художественная речь в когнитивном аспекте является одним из актуальных вопросов современной когнитивной стилистики. О. Е. Евтушенко проводит анализ и обобщение концепций художественного сознания в когнитивном аспекте и рассматривает идеи и философские взгляды В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Кассирера, Д. Лукача, Ж. Делеза и Ф. Гваттари [6, с. 9–22]. Ученый приходит к выводу о том, что творческое мышление имеет различные формы и особенности в различных типах дискурса, таких, как прозаический, поэтический и философский. Однако в них могут быть представлены одинаковые концепты, получающие различную вербализацию. Художественное мышление может служить фундаментом для изучения многих когнитивных процессов.

По мнению ученых-филологов, художественный текст служит ярким и адекватным средством передачи концептуальной картины мира, которая имеет индивидуальный характер и характеризуется понятийным, эмоциональным, ассоциативным, культурологическим содержанием. Картина мира художественного текста является проекцией основных общечеловеческих категорий в индивидуальном авторском мировидении [10, с. 27]. Художественный текст служит естественной средой бытования концепта в его вербальном виде в социально-исторической реальности [8, с. 35]. Именно в тексте концепт получает свою дискурсивно-стилистическую маркированность. Когнитивно-стилистический анализ художественного концепта предполагает изучение текстовых дискурсивно-стилистически маркированных концептов, репрезентированных в художественном тексте; анализ основан на моделировании ассоциативно-смыслового развертывания концепта в тексте, результатом анализа служит описание миромоделирующего потенциала концепта с учетом его дискурсивно-стилисти-

ческой приуроченности [8, с. 37]. Согласно точке зрения Л. В. Миллер, использующей терминологию А. Вежбицкой, художественный концепт представляет собой объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Художественная реальность» [7, с. 86]. Это свернутое описание сущностей, появляющихся на протяжении исторического художественного творчества [7, с. 89].

Художественный концепт является дискурсивно-стилистически маркированным, то есть обладает эстетической и когнитивной функциями, присущими дискурсу художественного текста [2, с. 14]. Выделяется особый концептный уровень формулирования и декодирования смыслов в художественном тексте [7, с. 101].

Исследования дискурсивной семантики в настоящее время часто происходят в русле идей интертекстуальности и прецедентных феноменов. В лингвокультурологии у каждого лингвокультурного сообщества признается наличие лингвокогнитивной базы, в которой хранятся представления о тех или иных феноменах [4]. Данные представления носят характер инвариантов. Инвариант един для всех членов лингвокультурного сообщества и представляет собой «максимально редуцированное, минимизированное представление, по сути сведенное к скупому набору дифференциальных признаков» [9, с. 148]. Мы считаем, что в рамках прецедентности и ее феноменов могут быть рассмотрены различные феномены, одним из которых является аллюзивный антропоним. Если прецедентное имя может встретиться в различных жанрах средств массовой информации, статьях, анекдотах и других типах текстов, то применительно к художественному тексту следует придерживаться термина «аллюзивный антропоним», в большей степени ориентированного на когнитивно-стилистический анализ текста и имеющего связь с природой стилистического приема аллюзии.

Когнитивно-дискурсивный анализ аллюзивного художественного концепта предлагается проводить на основе когнитивного моделирования с использованием теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье [11, 9]. и М. Тернера [8, 9, 12]. Использование инструментов данной теории позволяет изучить лингвокреативность использования аллюзивного антропонима как разновидности художественного концепта. Применение теории концептуальной интеграции является продуктивной в изучении процессов апелляции и вторичной номинации с использованием имен собственных [1]. К отмечаемым

в научной литературе особенностям аллюзивного имени относятся такие черты, как семиотичность, интертекстуальная природа, участие в создании диалогичности художественного текста, создание нового текста с новыми смыслами, стилистический потенциал, импликация, пресуппозиция, связь с фоновыми знаниями, ассоциативная природа, расширение семантического потенциала создаваемого текста, когнитивная значимость [3]; [5]. Вместе с тем отмечается, что данный феномен требует дальнейшего изучения.

Когнитивное моделирование процесса актуализации аллюзивного концепта в художественном тексте основано на последовательном анализе взаимодействия двух вводных и одного родового ментальных пространств, когнитивные признаки которых могут взаимодействовать в разных комбинациях и приводить к образованию интегрированной структуры-бленда. Взаимодействие когнитивных признаков может происходить на основе метонимии, метафоры или так называемой метафтонимии (термин Л. Гуссенса). Когнитивный взгляд на природу данных процессов предполагает анализ когнитивно-композиционного параметра на основе таких принципов, как соположение, достраивание или развитие. Когнитивной операцией порождения актуального значения аллюзивного имени-концепта могут выступать введение одной когнитивной структуры в другую, элиминация когнитивной структуры, высвечивание когнитивной структуры, повторение/выстраивание когнитивной структуры по аналогии/контрасту. Данный анализ может предоставить ценные сведения о когнитивных закономерностях актуализации концепта аллюзивного антропонима, позволит рассмотреть данный феномен не только как стилистический, но и как когнитивно-стилистический прием.

В качестве примера рассмотрим отрывок из англоязычного романа Дж. Фаулза «Коллекционер»: *The only unusual thing about him — how he loves me. Ordinary New People couldn't love anything as he loves me. That is blindly. Absolutely. Like Dante and Beatrice.*

He enjoys being hopelessly in love with me. I expect Dante was the same. Mooning around knowing it was all quite hopeless and getting lots of good creative material from the experience [13, p. 234].

В отрывке описываются размышления юной художницы, которую похитил главный герой романа Фредерик Клегг. Героиня считает, что Клегг слепо влюблен в нее и сравнивает это состояние с прототипическим чувством между Данте и Беатрис. Согласно Словарю аллюзий,

статья Dante and Beatrice содержит информацию о том, что первая книга Данте посвящена Беатрис, которую он платонически обожал. Беатрис не могла ответить взаимностью, и каждый из них состоял в браке с другим человеком [14, p. 243]. Прототипичность заключается в наличии двух героев, один из которых влюблен, а также дифференциальных признаков *platonically, adoration, did not return his love, devoted to her all his life*. Миранда, однако, скептически оценивает такое чувство, о чем свидетельствуют оценочные коннотации слова *mooning around, hopeless, lots of good creative material*. С точки зрения Миранды, в ситуации можно наблюдать эгоизм как поэта, так и Клегга, поэтому данное чувство вряд ли можно назвать любовью. Взаимодействие прототипических признаков происходит на основе метонимии «носители свойства вместо свойства», метафорический перенос лежит в основе транспозиции образов Клегга и Миранды, Данте и Беатрис, особенностей их отношений. Имена Данте и Беатрис поднимают стилистическое звучание текста, выводя его на более возвышенный поэтический уровень. Когнитивно-композиционный параметр заключается в действии принципа когнитивного соположения, когда признаки сливаются или слагаются вместе, как бы дополняя друг друга. Операционным механизмом является повторение одной когнитивной структуры в другой. В качестве инференции может выступать отсутствие динамики в отношениях Клегга и Миранды, их безнадежность, а также наличие психических особенностей или отклонений у Клегга. Таким образом, аллюзивный антропоним может быть рассмотрен как художественный концепт, что позволяет изучить когнитивные механизмы в основе реализации данного приема. В основе взаимодействия когнитивных признаков лежат процессы метафтонимии, причем метонимизация является первичным процессом. Когнитивно-композиционный параметр включает соположение, достраивание и развитие. В данном процессе задействованы операциональные механизмы высвечивания когнитивной структуры, введение одной когнитивной структуры, элиминация когнитивной структуры, повторение когнитивной структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабина Л. В., Паршина Е. О. Когнитивные основания апеллятивов, образованных от имен собственных // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2012. — № 3. — С. 23–31.

2. *Богоявленская Ю. В.* Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология: ежегодный сборник научных трудов / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2013. — 227 с.

3. *Галиева М. Р.* Концептуальная значимость аллюзии в художественном тексте // Бюллетень науки и практики, 2020. — Т. 6. — № 11. — С. 459–464. — DOI: 10.33619/2414-2948/60-58.

4. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. — Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2022. — 200 с.

5. *Дреева Дж. М., Асланян Р. М.* Аллюзивный потенциал имен собственных в художественном дискурсе // Современный ученый, 2023. — № 1. — С. 18–23.

6. *Евтушенко О. В.* Художественная речь как инструмент познания. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 552 с.

7. *Миллер Л. В.* Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): Диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. — Санкт-Петербург, 2004. — 249 с. — EDN: NMYXQV.

8. *Орлова О. В.* Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестник Томского государственного университета, 2009. — № 326. — С. 34–38.

9. *Скребицова Т. Г.* Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций. — М.: Издательский дом ЯСК, 2020. — 312 с.

10. *Хачмафова З. Р.* Женская языковая личность в художественном тексте: Диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 — Майкоп, 2011. — 398 с. — EDN: QFLXAJ.

11. *Fauconnier G.* Mental Spaces // Linguistics and Philosophy. — 10 (2). — 1987. — Pp. 247–260.

12. *Fauconnier G., Turner M.* Polysemy and Conceptual Blending // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language. Edited by Brigitte Nerlich, Vimala Herman, Zazie Todd, and David Clarke. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. — 2003. — Pp. 79–94.

13. *Fowles J.* The Collector. London: Vintage Books, 2004. 286 p.

14. *The Oxford Dictionary of Allusions* / ed. by A. Delahunty, Sh. Dignen and P. Stock. Oxford — N. Y.: Oxford University Press, 2003. 453 p.

УДК 82-1/-9

Байтурина Улжан Кабиевна

Евразийский гуманитарный институт им. А. К. Кусаинова
Астана, Казахстан, u.baiturina@mail.ru

СТРУКТУРА СЮЖЕТА И ИЛЛОКУТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В РОМАНЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Статья посвящена иллокутивному воздействию как способу раскрытия риторического мастерства писателя и особенностей его реалистического метода. Работа построена на формальном анализе трех сцен встречи героя романа со следователем и направлена на описание манипуляций героев, способов илло-

кутивного воздействия автора на читателя. Показана связь структуры сюжета и манипулятивных техник.

Ключевые слова: формальный метод, речевое поведение, манипуляции, автор, реализм.

Преимущества использования формального и риторического методов анализа заключаются в установлении структуры сюжета с помощью описания речевого поведения героев, а также форм присутствия автора в произведении.

Рассмотрение трех встреч преступника и следователя в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» показывает мастерство построения сюжета и искусство активизации писателем воображения читателя, его открытия в области русского реализма. Эти открытия обусловлены русской идеей Достоевского – верой в духовное преображение оступившегося человека, нарушившего библейские заповеди.

В первой встрече героев примечателен спор о вере. Это – кульминация сюжета. Комментарии автора: «Твердо отвечал Раскольников» и «...повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия» [4, с. 53] – обозначают экспликацию, отражающую способность героя к духовному возрождению. Для Раскольникова выбранная им тактика: «молчать, вслушиваться и приглядываться» – объясняет и его игру, и стремление скрыть переживаемые муки, и вместе с тем твердость в вопросах веры. Отсюда заданный на протяжении трех встреч мотив игры в кошки-мышки. В первую встречу доминирует преступник.

Вторая встреча показывает смену ролей и тактик, доминирование следователя. Однако следователь не имеет доказательств причастности героя к убийству старухи-процентщицы. Отсюда отвлеченные рассуждения следователя о психологии и манипуляции, построенные на доведении его собеседника с расстроенной психикой до признания. Сознательный уязвимость следователя, преступник готов принять вызов. Демагогические рассуждения Порфирия Петровича о статье студента и демонстративное игнорирование бешенства Раскольникова являют широкий диапазон манипулятивных инструментов в тактике следователя. Намеки Порфирия Петровича – сознательная провокация, направленная на выведение оппонента из состояния равновесия. Следователь ведет открытую игру в кошки-мышки, намеренно акцентируя вызов «жертвочке», которая от него не убежит. Давление на Раскольникова аргументом: «жертвочка» не убежит, потому что некуда, да

и смысла нет: «психологически не убежит» — распознается Раскольниковым как намерение, провоцирующее его на нервный срыв. Раскольников страстно и злобно обвиняет следователя во лжи и требует соблюдения закона: допросить по форме, если его подозревают, а не применять известные «юридические приемы». Элементы скрытой угрозы в речи следователя: о неотвратимости наказания, обреченности жертвы — сопровождаются взаимными обвинениями и разоблачениями — прямым у Раскольникова и скрытым у Порфирия Петровича.

Иллокутивное воздействие автора создается подведением читателя к кульминации. Ее составляют болезненные для героя рассуждения о Наполеоне, судебной практике, нравах молодежи и умонастроении либеральной интеллигенции. Ей ненавязчиво противопоставляет себя следователь как служитель закона. Лестные характеристики уму, оригинальности, честности конфидента, намеки на общественную среду и объяснимую для молодости склонность к зависимости от умонастроения эпохи, брожений в умах сменяются монологом о Наполеоне. Но, если в их первую встречу его саркастичное: «Кто у нас не Наполеон?» — звучало риторически и даже оправдывало моду на бонапартизм, то в эту встречу противопоставление Наполеону личного характера становится поводом к ведению открытой игры.

Интересна в устах следователя и аллюзия — упоминание бабочки, которая на свечку летит. Такое же сравнение использовал мысленно Раскольников, когда шел на первую встречу. Аллюзия в сознании героев связана с мотивом выяснить степень владения оппонентом истиной о преступнике. Однако она приобретает противоположный смысл у участников встречи. Для Раскольникова это — страх быть разоблаченным. Для Порфирия Петровича — через имитацию ложного сочувствия добиться признания героя.

Речевое поведение героев описывается автором при помощи рефлексии. Авторефлексии Раскольникова в первую встречу противопоставлена авторефлексия следователя во вторую. Так автор вытесняет сюжетный мотив «дельца» в момент первой встречи на мотив «дело» в момент второй встречи.

Особенность реалистического метода Достоевского состоит в воссоздании внутреннего конфликта. Структура сюжета позволяет выявить такие компоненты: Завязка 1 — Игра в кошки-мышки, Завязка 2 — Статья о преступлении. «Обманывающее актерство» следователя, Завязка 3 — Наказание, Кульминация — Рефлексия следователя по

поводу статьи Раскольников. «Обманывающее актерство» следователя, Развязка 1 – Приступ бешенства у Раскольникова, Развязка 2 – Разоблачение следователем Раскольникова. Широкий диапазон манипулятивных техник Порфирия Петровича включает притворство, демонстрацию психологического превосходства, открытие истинного лица, ложь, болтовню, намеки. Первые две встречи следователь назовет в третью встречу «странными». Порфирий Петрович безжалостен к жертве и в третью встречу: «... у вас нервы поют и подколенки дрожат» [4, с. 91].

Примечательно, что автор предваряет третью встречу решением героя покончить со Свидригайловым. Тихо, неслышно вошедший следователь ассоциируется в сознании Раскольникова с кошкой: «Неужели подслушивал?». Экспозиция сюжета создает ожидание героя и передает его душевное состояние: отсутствие страха преступника перед следователем. Открыто заявленная следователем стратегия встречи направлена на откровенность: «Я именно пришел с тем, чтоб уже всё сказать и дело повести на открытую». Следователь вновь использует уловки, основанные на понимании психологии Раскольникова: «Раздражительны вы уж очень, Родион Романыч» и «нетерпеливы и больны вы очень» [4, 92]. Откровенность следователя цинична: «На характер ваш я тогда рассчитывал, Родион Романыч, больше всего на характер-с». Признание следователя о глумлении над статьей во вторую встречу не следует понимать как раскаяние. Обладая здравым и прагматичным умом, Порфирий Петрович обращает внимание на нелепость, фантастичность статьи, но вместе с тем и искренность, «гордость юную и неподкупную», «смелость отчаяния». Но для него это в целом «мрачная статья». Не скрывает следователь и того, что статья Раскольникова стала для него способом разгадки преступления. Другое признание следователя, не менее циничное, в обыске квартиры героя, когда тот лежал в бреду и проговорился о колокольчиках, визите в квартиру, где делался ремонт Миколкой. Признание следователя касается и манипуляций в первые две встречи: «шутки шутил».

Развязка словно уравнивает поведение героев: «Они оба замолчали, и молчание длилось даже до странности долго, минут с десять» [4, с. 92], [4, 93]. Следователь предлагает сделку – учинить явку с повинною и обещает герою облегчение участи. Признание следователя: «Я честный человек, Родион Романыч, и свое слово сдержу» – возвращает читателя к тому, что в речи Порфирия Петровича

концепты Православия *страдать, вина, совесть*, приобретая строго юридический смысл, обретают противоположную семантическую нагрузку. Так писатель выявляет кризис современного ему права в обществе и юридической практике. Следователь даже идет на компромисс, пытаясь сохранить репутацию «честного человека». Прием перевернутой пирамиды, используемый следователем против героя, показателен в другом примере, создающем кульминацию сюжета. Это угроза посадить героя и, когда не удастся добиться признания героя, следователь дает совет Раскольникову. Этот совет вызван скрытым раздражением от неудавшейся сделки и касается гипотетического сведения героем счетов с жизнью. Следователь допускает «фантастический» характер такого финала для Раскольникова. На этот случай следователь просит оставить «краткую, но обстоятельную записочку». Понятным содержание записочки делает упоминание о камне. Завершение встречи пожеланием следователя: «Добрых мыслей, благих начинаний!» — является еще более циничным на фоне понимания характера Раскольникова. Прием зеркальной симметрии, использованный автором романа в трех встречах героя со следователем, типологически сопоставим с широко применявшимся Пушкиным принципом симметрии в композиции [1], [2], [3], [5].

Мастерство иллюкутивного воздействия автора заключается в описании тактик героев, их балансировании между рациональными аргументами и манипуляциями. Роль автора как скрытого нарратора, а также риторическая роль наблюдателя, хроникера событий характеризуют способы иллюкутивного воздействия на читателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гринбаум О. Н.* Гармония стиха Пушкина и математика гармонии. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. — 25 с.
2. *Гринбаум О. Н.* Гармонический строй пушкинского стиха. — Ч. I. Ритмодинамика романа «Евгений Онегин» и современное стиховедение // *Язык и речевая деятельность*. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. — Т. 6. — С. 86–121.
3. *Гринбаум О. Н.* Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. — 158 с.
4. *Достоевский Ф.* Преступление и наказание. — Москва: ЭКСМО, 2020. — 672 с.
5. *Эткинд Е. Г.* Симметрические композиции у Пушкина. — Париж: Institut d'études slaves, 1988. — 84 с.

Идрисова Эльмира Танибергеновна,
Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова,
Актобе, Казахстан, elmira_idrisova@mail.ru.

«ЗАПОМИНАНИЕ» И «ВОСПОМИНАНИЕ» КАК ПРОЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ПОЭЗИИ ЖИЕМБЕТА ЖЫРАУ*

Статья посвящена рассмотрению «запоминания» и «воспоминания» как категориям культурной памяти, характеризующим казахский риторический идеал и риторическую идентичность. Проблема рассмотрена на материале песен поэта – Жиембета жырау. Показано создание истории посредством «воспоминания», ставшего мифом и способствовавшего формированию коллективной идентичности, и «запоминания» как разновидности ритуальной коммуникации.

Ключевые слова: Жиембет жырау, картина мира, казахский риторический идеал, риторическая идентичность.

Одной из практик ритуальной коммуникации, в которой закрепляется важнейшая форма коллективной идентичности, в казахской поэзии была лирика жырау. О творчестве Жиембета жырау, принадлежащего к военной аристократии кочевников, названного «казахским Овидием», сохранились сведения лишь в народных сказаниях, легендах и жырах. «Жиембет — один из военачальников Есим-хана и его походный певец-жырау. Вместе с тем, Жиембет, судя по народным преданиям и по его собственным произведениям, оставался крупным феодалом и влиятельным бием, игравшим большую роль в государственных делах» [1, с. 67].

Поэзия Жиембета жырау интересна как объект изучения культурной памяти. Рассмотрение поэзии в аспекте идеи Эрла и Ригни об обусловленности культурной памяти «медиальными» рамками воспоминания и медиальных процессов, через которые воспоминания становятся коллективной памятью, обращают внимание на роль категорий «запоминание» и «воспоминание» для реконструкции культурной памяти и описания казахской риторической идентичности. Такой подход требует анализа восприятия читателем образов культурной памяти, переживания, воспоминания, суждения, ценностных и этических представлений, формирующих картину мира.

---

* Доклад написан в рамках проекта «Научная концепция казахской риторики: риторический идеал, идентичность, аргументация и речевая практика».

Толгау Жиёмбета-жырау «Еңсегей бойлы Ер Есім» (Ты стал мудрее всех, Есим) [5, с. 52] – это обращение к хану Есиму. Об истории создания произведения писал М. Магауин: «Калмыцкие князья-тайши прислали в подарок хану Есиму красивую девушку. Младший брат Жиёмбета батыр Жолымбет, прельстившись красавицей, похитил ее на полпути, не дав доехать до хана. Сначала Жиёмбет пришел в ярость от того, что Жолымбет осмелился выступить против хана, но потом простил его дерзость и помирился с ним. Тогда хан Есим решил наказать обоих братьев. Узнав об этом, Жиёмбет при первом удобном случае произнес перед ханом свое толгау» [1, с. 168–169]. «Переживание» в песне является одновременно и знанием, и воспоминанием, оно отражает связь внутреннего и внешнего мира человека.

Основание для воссоздания картины культурной памяти содержит классификация понятия «память», предложенная М. Хальбваксом. Ученый различал два ее типа: память внутреннюю (личную, автобиографическую) и память внешнюю (социальную, историческую) [2]. В песне Жиёмбета жырау можно выявить оба типа памяти. При этом память внутренняя преобладает, так как Жиёмбет был одним из тех, кто способствовал возведению Есима на ханский трон: *Қолыңа болдым сүйесін, // Қолтығыңа болдым демесін* (Я был опорой твоей руке, // Был поддержкой для тебя) [5, с. 52]. В песне в форме острого диалога с одним из самых жестоких и всесильных ханов мог говорить только человек, заслуживший право быть почитаемым. В частности, проясняет образ хана и особенности отношений поэта с ним автобиографическая память жырау. В философском толгау «Еңсегей бойлы Ер Есім» (Ты стал мудрее всех, Есим) [5, с. 52–54] память хранит, с одной стороны, доказательства могущества и значимости его фигуры: *Дегенімді қылғансың, // Қайратымды білгенсің* (Что я просил, ты делал. // Силу мою ты знал) [5, с. 53]. С другой стороны, Жиёмбет вспоминает о том, что Есим-хан не оценил его верности, преданности и героизма: *Сырым саған түзу-ді / Садаққа салған бұлыңдай; // Сатып алған құлыңдай* (Нрав мой к тебе был честным, // Как стрела в натянутом луке; // Как купленный тобою раб был) [5, с. 53]. В этой песне, обращаясь к Есиму, Жиёмбет упоминает события кровопролитного похода казахов на ойратов в XVII в. Обращение к истории посредством «воспоминания», ставшего мифом и способствовавшего формированию коллективной идентичности, является художественным свидетельством памяти общества как единого целого, образующего платформу для формирования идентичности.

В песне «Еңсегей бойлы Ер Есім» (Ты стал мудрее всех, Есим) исторические события, воссозданные в воспоминании автора: *Сіздің естен кеткенмен, // Біздің естен кеткен жоқ* (Если ушло из вашей памяти, // Не ушло из памяти нашей) [5, с. 53], составляют память внешнюю, историческую. Данный фрагмент является подтверждением мысли о том, что для культурной памяти важна не фактическая история, а история, воссозданная в воспоминании, преобразующаяся в миф. А. Жаксылыков отмечал: «Их (жырау) идеал был в эпическом прошлом, непонятное настоящее, тем более неопределенное будущее, для них не могли стать полновластным эстетическим объектом...» [3, с. 309].

Система ценностных и этических представлений, спроецированных на личность лирического героя, формирует национальную картину мира. Говоря о своей доблести, Жиёмбет в образах животных символически определил ценностные для казаха понятия: *Көрүші едім, Есім хан, // Ханымды күнім, сізді айымдай* (Я думал, хан Есим, // Что ханум — мое солнце, ты — мой месяц); *Өрлігімді сұрасаң, // Жылқыдағы асау тайыңдай* (Если спросишь о моей гордости, // Необъезженному стригунку подобна она) [5, с. 53]. При этом появляются сравнения, параллелизмы, воспроизводящие картину мира казахов и мировоззрение поэта посредством принципа антропоморфизма: *Зорлығымды сұрасаң, // Бекіре менен жайындай. // Періктігімді сұрасаң, // Қарағай менен қайындай* (Если спросишь о моей мощи, // Подобна мощи сома и севрюги она. // Если спросишь о моей прочности, // Подобна она сосне и березе) [5, с. 53].

Картина культурной памяти дополняется «запоминанием», также усиливающим экспрессию коммуникации автора и адресата. Она воспроизводит особенности ритуальной практики, обычаи и обряды, воплотившие казахский риторический идеал. В песне «Еңсегей бойлы Ер Есім» (Ты стал мудрее всех, Есим) Жиёмбет гордится крепостью, спаянностью своего рода. Обращаясь к хану: *Мен, өлсе, құнсыз кетер деме сен / Кешегі өзіңнің ұрып өлтірген / Тілеуберді құлыңдай!* (Ты не думай, что когда умру, останусь я без отмщения, // Как твой раб Тлеуберды, // Которого вчера сам ты убил, избивая) [5, с. 53], он предупреждает о возмездии и еще раз напоминает о несправедливости правителя: *Тілеуберді құлың мен емес, // Мұның, ханым, жөн емес* (Я не раб твой Тлеуберды, // Здесь, мой хан, ты не прав) [5, с. 53].

Для анализа и сопоставления трех взаимосвязанных уровней процесса коллективных воспоминаний плодотворна классификация А. Эрл,

показывающая необычайную сложность и высокую динамичность данного процесса [4]. Исследователь заметил: «Уровень “объективных” или “данных” обществу условий процесса воспоминания, включающий в себя социально-общественные структуры общества; уровень “субъективных”, к которому относятся отношения власти, политические интересы процесса воспоминания, а также различные, ориентированные на интересы людей, “техники воспоминания”; уровень непосредственных воспоминаний, которые организуются по специальным сценариям и проявляют себя в конкретной “практике воспоминаний”» [4, с. 34]. В творчестве Жиембета можно выделить отмеченные ученым уровни процесса коллективных воспоминаний: объективные, субъективные, непосредственные. В произведениях поэта нашла отражение жесточайшая борьба казахов против ойратов, что дает основание выделить в них объективный уровень воспоминаний. Так, в обращении Жиембета к хану Есиму процесс воспоминания включает в себя представления о конкретном историческом времени: *Қалмақтың Бөрі ханы келгенде* (Когда явился калмыцкий хан Бори) [5, с. 53]. Автор передает знание деталей данного события, которое хранил в своей памяти.

В песне Жиембета «Әмірің қатты, Есім хан» (Суров твой приказ, хан Есим) можно проследить субъективные, или личные воспоминания, которые включают в себя отношения власти, политические интересы. Автор, признавая ошибку Жолымбета в попытке выступить против хана, требует от хана прощения: *Хан ие, ісің жол емес. // Жолбарыстай Жолымбет / Құрбандыққа қол емес* (Хан, дело твое не правое. // Жолымбет, подобный тигру, // Жертвоприношения не заслуживает) [5, с. 52]. Вновь Жиембет напоминает хану о своей верной службе хану и утверждает: *Атадан жалғыз мен емес* (Я не единственный в своем роду).

Песни «Қол-аяғым бұғауда» (В оковах) [5, с. 54], «Басы саудың түгел-дүр» (У того, кто жив-богат) [5, с. 54] также основаны на реальных событиях. В конфликте с ханом Жиембет потерпел поражение, был изгнан и вынужден скитаться на чужбине. Здесь прошлое существует лишь в представлениях лирического героя. Реально существует не память, а субъект, который хранит в себе воспоминания о прошлом: *Қол-аяғым бұғауда, // Тарылды байтақ кең жерім! // Арманда болып барамын* (Руки и ноги мои закованы, // Необъятная, бескрайняя земля стала тесной! // Ухожу, не осуществив заветную мечту) [5, с. 54]. Определяющим в песне «Басы саудың түгел-дүр» (У того, кто жив-богат)

является уровень непосредственных воспоминаний. Жиёмбет вспоминает о мучительной жизни на острове, куда был изгнан: *Қашырды бүйтіп елімнен / Күйеуден безген қатындай* (Прогнал меня так из страны, // Как бабу, сбежавшую от мужа!) [5, с. 54]. В толгау «Қол-аяғым бұғауда» (В оковах) Жиёмбет создает историю посредством «запоминания» как разновидности коммуникации, также воспроизводящей ее ритуальный характер.

Итак, память в поэзии жырау выступает не просто как «функция», а как один из главных способов существования человека. Анализ «запоминания» и «воспоминания» как категорий культурной памяти способствует описанию казахского риторического идеала и обусловленной им риторической идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кобыз и копые. Повествование о казахских акынах и жырау XV–XVIII веков / Пер. М. Мағауина. — Алматы, 2003. — 263 с.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ.статья С. Н. Зенкина. — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.
3. Жаксылыков А. Предметно-концептуальный мир поэзии жырау и его передача в переводах на русский язык // Вестник КазНУ. — Серия филологическая. — 2017. — № 2 (166). — С. 308–315.
4. Буллер А., Линченко А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. — 2019. — Вып. 66. — С. 5–18 // [Электронный ресурс] / — Режим доступа: <https://goi.ru/r/1/66.1> (дата обращения: 15.08.2024).
5. Бес ғасыр жырайды: 2томдық. Том 1. / Құрастыр. М. Мағауин, М. Байділдаев. — Алматы: Жазушы, 1989. — 256 бет, суретті.

УДК 811.11

Кудрявцева Анна Александровна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, kudryavtseva.anna2009@yandex.ru.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ НАРЦИССИЗМ В ПЬЕСЕ О. УАЙЛЬДА «THE IMPORTANCE OF BEING EARNEST»

Цель данной статьи — определить особенности репрезентации когнитивной модели НАРЦИССИЗМ в пьесе Оскара Уайльда «The Importance of Being Earnest». В ходе исследования дискурсивной личности нарцисса было выявлено, что наиболее частотным способом репрезентации является

противопоставление нарцисса другим членам общества, что репрезентируется посредством таких стилистических приемов, как антитеза, метафора, эпитет и повтор.

Ключевые слова: дискурсивная личность, когнитивная модель, нарциссизм, нарцисс, О. Уайльд.

Данное исследование посвящено изучению дискурсивной личности нарцисса на примере героя пьесы Оскара Уайльда «The Importance of Being Earnest» — Алджернона Монкрифа. Дискурсивная личность нарцисса — это, прежде всего, динамическое проявление языковой личности нарцисса в диалогическом взаимодействии [1]. Для описания дискурсивной личности нарцисса обратимся к когнитивной модели *НАРЦИССИЗМ*, которая позволяет зафиксировать наиболее важные свойства рассматриваемого персонажа во взаимодействии с его окружением [2].

Данная модель охватывает три уровня:

- суперординатный уровень представлен самим понятием *НАРЦИССИЗМ*;
- базовый уровень представлен двумя блоками: «отношением нарцисса к миру» и «отношением мира к нарциссу и к себе через восприятие нарцисса»;
- субординатный уровень представлен четырьмя блоками, уточняющими блоки базового уровня: «отношение нарцисса к себе»,

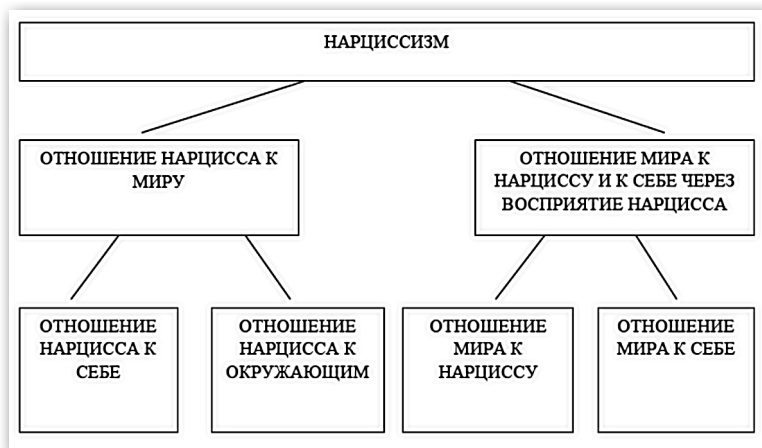

Рисунок — Когнитивная модель *НАРЦИССИЗМ*

«отношение нарцисса к окружающим», «отношение мира к нарциссу» и «отношение мира к себе» [3].

Рассмотрим подробнее субординатный уровень модели на языковых примерах.

ОТНОШЕНИЕ НАРЦИССА К СЕБЕ

В начале пьесы нарцисс Алджернон хвастается перед своим слугой Лейном, как он играет на фортепьяно, противопоставляя свою манеру игры традиционной, принятой в обществе.

С помощью антитезы (I — any one, accurately — with wonderful expression, I — Life) Алджернон подчеркивает, что он не играет на музыкальном инструменте как все, по правилам, и в этом его уникальность и необычность. Он выделяет свою чувственную сторону характера, оставляя техническую сторону вещей для более прозаических жизненных ситуаций.

У героя-нарцисса всегда имеется свое мнение, которое всегда идет вразрез с общепринятым. Он намеренно искажает или «переворачивает» известные устоявшиеся фразы с целью выделиться на общем фоне.

В беседе со своим другом Джеком, говоря об известных всем вещах, Алджернон подменяет понятия: браки — на разводы (“... Divorces are made in Heaven ...” [4]), юношей — на девушек (“... girls never marry the men they flirt with ...” [4]), брак — это не двое, а трое (“... in married life three is a company and two is none” [4]), для женщин быть похожими на своих матерей — это трагедия, а для мужчин трагедия — быть не похожими (“... All women become like their mothers. That is their tragedy. No man does. That’s his ...” [4]). По всей вероятности нарцисс полагает, что ломая стереотипы, он будет выделяться из толпы своим неординарным мышлением.

Обсуждая с Джеком предложение руки и сердца, Алджернон, используя повтор лексемы *romantic*, заявляет, что нет ничего романтического в самом предложении в отличие от состояния влюбленности (*romance*), которое характеризуется неопределенностью. Иными словами, романтично — свобода, неромантично — ограничения, накладываемые, в частности, браком. Нарцисс не может существовать в рамках, в законах, в ограничениях — это ему чуждо.

Затем нарцисс делает предположение, что если бы он когда-нибудь и женился, то постарался бы забыть об этом, т. е. сделал бы так, как никто не делает, но он не такой, как все.

После всего вышесказанного Джек просит Алджернона не быть таким циничным, т. к. это слишком простой путь выделиться, но герою-нарциссу удастся и здесь превратить свой недостаток в достоинство.

При помощи эпитета “*bestly competition*” [4] Алджернон подчеркивает факт того, что очень непросто вообще быть кем-то в современном мире, надо как зверь сражаться за это, непросто быть нарциссом, нужно постоянно доказывать, что ты не такой, как все.

В беседе с Леди Брэкнелл нарцисс придерживается все той же тактики противопоставления.

На реплику о своем хорошем поведении Алджернон отвечает, что он хорошо себя чувствует. Он не хочет отвечать так, как от него ожидают, а хочет выделиться, удивить.

Такая же тактика у Алджернона и по отношению к другу Джеку. Джек предупреждает о серьезных неприятностях, но нарцисс на контрасте говорит, что они ему нравятся, и они никогда не бывают серьезными.

Подчеркивая свое превосходство во внешнем виде и в образованности, Алджернон использует антитезы *occasionally — always* и *little — immensely* (“... *occasionally a little over-dressed ... — ... always immensely over-educated ...*” [4]).

Как для эстета для нарцисса важен процесс приема пищи. В ответ на упрек Джека по поводу спокойного поглощения кексов в то время, как ситуация вокруг непростая, Алджернон заявляет, что не может торопиться во время еды, это неправильно.

Нарцисс при помощи антитезы *in agitated manner — calmly* выражает свое убеждение, что кексы можно есть только спокойно, без суеты. К этому можно добавить его замечание про масло, которое может запачкать его манжеты, которое подчеркивает, что внешний вид имеет огромное значение для нарцисса. Он должен быть уникален во всем.

ОТНОШЕНИЕ НАРЦИССА К ОКРУЖАЮЩИМ

Поведение Алджернона как дискурсивной личности нарцисса проявляется в его взаимоотношениях со следующими персонажами: слугой Лейном, другом Джеком, Леди Брэкнелл и Гвендолен.

Как истинный нарцисс Алджернон не интересуется личной жизнью своего слуги Лейна, это выше его достоинства.

После того, как Лейн оставляет своего господина в одиночестве, нарцисс размышляет о том, какой пример семейной жизни должны подавать люди низшего сословия для всех остальных, и делает нелестное заключение. По мнению Алджернона, взгляды Лейна на брак можно описать как недостаточно серьезные (lax), из чего нарцисс делает вывод, что всему низшему сословию, к которому относится и Лейн, вообще чужда моральная ответственность (“... no sense of moral responsibility ... “[4]).

Когда нарцисс говорит о людях своего круга, у него также находят-ся к ним претензии. Алджернон делает замечание своему другу Джеку о том, чтобы тот был серьезен в отношении ужина в заведении, т. к. это важное мероприятие для самого нарцисса.

Свое отношение к людям, которые несерьезно относятся к приему пищи, нарцисс выражает через глагол hate и эпитет shallow, что может указывать на то, что это не люди его уровня.

Говоря о своих родственниках, Алджернон также использует нелестный эпитет в сочетании с метафорой — “a tedious pack of people” [4] — скучная кучка людей. Более того, ему даже нравится слышать что-то неприятное о них.

Нарцисс любит все контролировать и иметь власть над окружающими. Джеку он категорично не дает благословение на брак с кузиной Гвендолен, а Гвендолен, в свою очередь, он не дает разрешения поговорить с Джеком. Разница лишь в том, что в случае с Гвендолен Алджернон ведет себя мягче, используя оборот “I don’t think I can allow” [4].

В отношении внешнего вида друга Джека у Алджернона также есть замечания. Он считает, что Джек слишком смешон в том, во что он одет, и довольно категорично дает понять, что приятелю стоит переодеться, так как нарцисс должен иметь такое же безупречное окружение, как он сам.

ОТНОШЕНИЕ МИРА К НАРЦИССУ

Алджернон Монкриф не вызывает откровенно отрицательных эмоций у своего окружения. Однако есть некие особенности его взаимоотношений с Джеком, Леди Брэкнелл и Гвендолен.

В беседе с Алджерноном о браке Джек делает ремарку по поводу устройства памяти первого. Однако Нарцисс утверждает, что поставится забыть про брак, если в него вступит, на что Джек замечает, что

суд по разводам и создан как раз для людей с так любопытно устроенной памятью. Данный эпитет в очередной раз подчеркивает непохожесть нарцисса на большинство других людей.

Также Джек противопоставляет себя Алджернону, говоря о том, что он не будет спорить с нарциссом, а сам нарцисс, наоборот, всегда спорит, тем самым выделяя себя на общем фоне.

Надо заметить, что Джек хоть и является другом Алджернона, но порой не готов согласиться с нарциссом, что выражает неоднократно, например, с помощью фразы “That is nonsense!” [4]. Однажды в его реплике собраны три отрицания nonsense, never, nonsense, что усиливает эффект возмущения и несогласия с другом.

Более спокойна и серьезно настроена к нарциссу Леди Брэкнелл, которая с позиции своего возраста и положения не готова подыгрывать племяннику и прямо указывает ему на нелепость его ответа. На реплику тети о поведении нарцисса следует его ответ о самочувствии. Леди Брэкнелл настроена серьезно и делает строгое замечание Алджернону, что поведение и самочувствие — не одно и то же, и они редко совпадают. Своим формальным тоном (not quite, in fact) она не дает повода для вольностей.

Гвендолен вслед за своей матерью также с достоинством отвечает на высказывания кузена, даже ставит его на место. Используя отрицательную форму прилагательного immoral, говоря о его отношении к жизни, а также указывая на его несоответствие своему возрасту, Гвендолен не поддерживает нарциссичское эго Алджернона.

Выводы

По результатам проведенного исследования дискурсивной личности нарцисса с помощью когнитивной модели *НАРЦИССИЗМ* на материале пьесы О. Уайльда «The Importance of Being Earnest» можно сделать следующие выводы. Когнитивная модель нарциссизма представлена тремя блоками: «отношение нарцисса к себе», «отношение нарцисса к миру» и «отношение мира к нарциссу». Основным способом репрезентации когнитивной модели является противопоставление нарцисса остальным членам общества, что выражается зачастую с помощью антитезы, а также в произведении среди прочих языковых средств и стилистических приемов были выявлены: метафора, эпитет, повтор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кононова И. В., Гунькова Д. Е. Дискурсивная личность американского политического радиокомментатора в когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 2(41). — С. 621–625. — EDN: PTUDCJ.
2. Нильсен Е. А. Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций (на материале английского языка): дисертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. — Санкт-Петербург, 2015. — 535 с. — EDN: QTHCJZ.
3. Нильсен Е. А., Кудрявцева А. А. Репрезентация когнитивной модели НАРЦИС-СИЗМ в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — Вып. 2: — Сер. Филологические науки. — Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. — С. 41–55. — DOI: 10.5922/pikbfu-2024-2-4.
4. Wilde O. The Importance of Being Earnest — Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/844/844-h/844-h.htm> (дата обращения: 01.09.2024).

УДК 81'42

Разумовская Вероника Адольфовна,

Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия, veronica_raz@hotmail.com,

Бояркина Альбина Витальевна,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербургская государственная консерватория,
Санкт-Петербург, Россия, al.bojarkina@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ПОЛИМОДАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ: ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В МУЗЫКАЛЬНЫХ ДРАМАХ РИХАРДА ВАГНЕРА

В статье рассматривается случай трансформации «сильных» литературных произведений в полимодальный текст, в частности, в текст либретто. На примере музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Парсифаль» анализируются некоторые особенности преобразования литературного сюжета в текст либретто. В многомерном и многокомпонентном центре переводной аттракции вербальный оригинал определяется как аттрактор перевода (ядро ЦПА), а все его вторичные версии (активные, пассивные и потенциальные) образуют поле переводимости, имеющее центральную и периферийную части.

Ключевые слова: литературный источник, полимодальные тексты, музыкальные драмы, либретто, Рихард Вагнер.

В пространстве мировой культуры представлены тексты (в широком понимании семиотического явления текста), которые с полным правом могут быть отнесены к категории «сильных». Такие тексты

являются национальным и мировым культурным достоянием, имеют продолжительную и успешную историю своего существования, известны представителям «своих» и «чужих» культур и обладают выраженным свойством реинтерпретативности — регулярным появлением многочисленных новых версий оригинала [5]. Понятие «сильного» текста, относительно недавно вошедшее в научную парадигму современной гуманитаристики, традиционно используется по отношению к произведению художественной литературы, бесспорная эстетическая и культурная ценность которого обеспечивает генерирование его вторичных версий, образующих центр переводной аттракции (ЦПА). В многомерном и многокомпонентном ЦПА вербальный оригинал является аттрактором перевода (ядром ЦПА), а все его вторичные версии (активные, пассивные и потенциальные) образуют поле переводимости, имеющее центральную и периферийную части [9,10].

Понятие «сильного» текста культуры с полным правом применимо к текстам, которые имеют невербальную или не только вербальную семиотическую природу. В данном случае к категории «сильного» текста культуры могут быть отнесены музыкальные, хореографические, изобразительные и прочие произведения искусства. Настоящее исследование обращено к полимодальным «сильным» текстам, обладающим сложной (гибридной) семиотической природой. Материалом для предпринятого анализа стала музыкальная драма Р. Вагнера «Парсифаль / Parsifal» (1882) — последняя опера композитора, оказавшего значительное влияние на немецкую и европейскую музыкальную культуру. Особое внимание уделено литературным источникам вагнеровского текста, ставшим исторической и культурной основой оперы, и, прежде всего, стихотворному рыцарскому роману В. фон Эшенбаха (крупнейшего поэта немецкого Средневековья) «Парцифаль» (ок. 1210) и предшествующему роману мифу о Персивале — одной из ветвей сказания о короле Артуре, входящей в цикл романов Круглого стола.

Уникальность музыкальной драмы Вагнера состоит в том, что композитор интерпретировал прецедентные вербальные тексты и стал автором либретто. На специфику трансформации литературных источников имеют влияние различные процессы, в случае музыкальных драм Рихарда Вагнера — эволюция мировоззрения автора: от мифов и легенд в «Кольце Нибелунгов» до христианской риторики в «Парсифале» [6, 8].

Готовый литературный сюжет у Вагнера не используется в «необработанном» виде. Полиmodalный текст музыкальных драм предполагает некую недосказанность, пропуск информации, которые компенсируются за счет другого канала передачи информации («неясности» в тексте дополняются музыкальным материалом и визуальным решением). В целом эта недосказанность представляет широкое поле для интерпретации, что является несомненным плюсом и для либретто. Сам сюжет может подвергаться сокращениям, при этом некоторые сюжетные линии укрупняются, что «заостряет» конфликт и усиливает драматизм фабулы. Сочетание сразу нескольких литературных источников в одном либретто встречается в случае фольклорной основы сюжета — мифы, сказания, которые сами по себе имеют варианты прочтения в разных культурах, в либретто могут быть представлены отдельными сюжетными линиями и объединяться в довольно мозаичную структуру.

Особенностями текста либретто Вагнера в целом могут быть некая «рыхлость», «составленность» сюжета; большое количество героев и довольно запутанная интрига, которая возникает вследствие соединения множества сюжетных мотивов в одном произведении и разработкой сразу нескольких главных идей и параллельных линий; в либретто вагнеровских драм часто наблюдается амбивалентность героев (оппозиция плохой-хороший), что позволяет рельефно вывести конфликты на первый план; связь внутри сюжета осуществляется за счет других каналов информации — аудиального (лейтмотивная драматургия) и визуального [1].

То есть в полиmodalных текстах и, в частности, в музыкальных драмах Рихарда Вагнера сама фабула произведения не обязательно должны быть точным слепком фабулы исходного литературного произведения (или произведений), достаточно лишь одного или нескольких эпизодов, произвольно соединенных и интерпретированных автором [4, 7]. Такая трансформация исходного литературного текста позволяет уже вторичному тексту либретто стать источником для последующих интерпретаций. Возникающие при этом лакуны в сюжете заполняют другие источники информации (аудиальные, визуальные), которые соединяют все слои информации в единое художественное целое [2, 3].

Важное значение имеют также вопросы культурной информации и памяти, содержащиеся в литературных источниках, и проблемы их

сохранения в вагнеровском либретто, а также в последующих иноязычных версиях. Выдвигается гипотеза о связи «силы» литературных источников, оригинального либретто и музыкального текста Вагнера, что обеспечивает сохранение и успешное существование оперы как уникального полимодального текста немецкой и мировой культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Адамейко-Першенкова Г. П.* Пространственно-временная трансгрессия в визуальной интерпретации современных оперных постановок // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Минск, 22–23 октября 2021 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2021. — С. 469–477. — EDN: CLGEJX.

2. *Бояркина А. В.* Принципы перевода либретто и проблемы интерпретации мультимодального текста // Russian Journal of Linguistics. — 2022. — Т. 26. — № 3. — С. 807–830. — DOI 10.22363/2687-0088-27360. — EDN: WCMBFS.

3. *Бояркина А. В.* Виктор Коломийцов: переводы Вагнера // Сравнительное искусствоведение — XXI век: Статьи и материалы II Международного конгресса «Орловские чтения: Актуальные проблемы современного сравнительного искусствоведения», Санкт-Петербург, 01–03 декабря 2014 года. — Выпуск 2. — Санкт-Петербург: Российский институт истории искусств, 2021. — С. 151–163. — EDN: UKAAPZ.

4. *Ершова И. В., Попова О. В.* «Она меня за муки полюбила». Шекспировский сюжет глазами Вагнера-романтика // Вопросы литературы. — 2015. — № 3. — С. 223–238. — EDN: TVTPWX.

5. *Кузьмина Н. А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. — 228 с.

6. *Магомедова Д. М.* Вагнеровские сюжеты в культуре символизма: «Кольцо нибелунга» vs «Парсифаль» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Серия 7: Литературоведение. — 2024. — № 2. — С. 47–57. — DOI 10.31249/lit/2024.02.03. — EDN: UZLJGU.

7. *Попова О. В.* Функция волшебных цепочек во французских средневековых поэмах о Рыцаре с лебедем и опере Р. Вагнера «Лоэнгрин» // Вестник Удмуртского университета. — Серия: История и филология. — 2018. — Т. 28, № 2. — С. 216–220. — EDN: YMJXXV.

8. *Предоляк А. А.* Религиозно-философские искания в немецком музыкальном театре XIX века (на примере драмы-мистерии «Парсифаль» Р. Вагнера) // Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире: Сборник материалов международной научной конференции, Майкоп, 27–29 сентября 2017 года / Редактор-составитель С. И. Хватова. — Майкоп: Издательство «Магарин Олег Григорьевич», 2017. — С. 445–459. — EDN: ZSQJUL.

9. *Разумовская В. А.* «Сильный» текст литературы как объект перевода и перепевода // Русистика и компаративистика. — 2022. — Вып. XVI. — С. 233–249. — DOI: <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2022.16.14>.

10. *Razumovskaya V. A.* A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // Mundo Eslovo. — 2019. — № 18. — P. 202–215.

Тимралиева Юлия Геннадьевна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, juliati@yandex.ru,

Федоров Никита Антонович,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, fnikx@mail.ru.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ ГЕОРГА ТРАКЛЯ

В статье рассматриваются ключевые элементы идиостиля австрийского поэта-экспрессиониста Георга Тракля в соотношении с общими тематическими и образными художественными лейтмотивами эпохи немецкого экспрессионизма; на примере анализа переводов произведений Георга Тракля анализируются основные принципы работы переводчика с экспрессионистской лирикой.

Ключевые слова: экспрессионизм, Георг Тракль, индивидуальный стиль, переводческие трансформации, стратегия перевода.

Австрийский поэт-экспрессионист Георг Тракль, несмотря на короткий и трагичный жизненный путь, выработал уникальный поэтический стиль, выступающий объектом исследований в области лингвистики и литературоведения. Перевод лирики Тракля на русский язык сопряжен с определенными трудностями, многие из которых предопределены спецификой индивидуального стиля автора. Анализ используемых в работе с лирикой Тракля переводческих трансформаций позволит выявить продуктивные переводческие стратегии в работе с экспрессионистской лирикой.

Несмотря на неоспоримую уникальность поэтики Тракля, многие знаковые образы немецкого экспрессионизма стабильно отображаются в произведениях автора. Например, часто используемый Траклем образ смерти, которая в экспрессионистском мировоззрении в своей прямой «физичности» и диссонантной эстетике сосуществует со смертью символичной, а мертвецы «олицетворяют собой поработенных цивилизацией, забывших об истинных ценностях людей эпохи власти денег» [4, с. 86]. В то же время для Тракля не характерны эксперименты с формой, присущие многим экспрессионистам; ему, напротив, присущи уважение к поэтической традиции, строго контролируемая техника стиха, филигранная выверенность взаимодействия всех языковых уровней.

К ключевым элементам авторского идиостиля Тракля можно отнести цветочные и звуковые метафоры. Метафорическая функция цвета в лирике Тракля проявляется в его иррациональности, интенсивности, субъективной наполненности. Тракль использует цветочную живопись как способ углубить эмоциональную сторону своего поэтического мира, цвет в его произведениях выступает особым методом семантической кодировки, показывающей не наружную сторону описываемого, а его скрытую эмоционально-образную сущность. В художественном сознании Тракля доминирует визуальная составляющая, а цветочная метафора выступает «способом движения материи в его поэтическом мире», выполняя «важнейшее условие современного искусства, сформулированное Бодлером, — оно совмещает в себе одновременно субъект и объект творчества, мир вне художника и художника самого» [2, с. 173]. И хотя цвет как способ передачи скрытых смыслов в литературе не является изобретением Тракля, его картина видения значительно выделяется на фоне национальной традиции, так как обладает концептообразующей функцией и является одним из основных способов познания и структурирования мира [1, с. 189–190].

Похожим свойством обладает и звук, формирующий уникальный для поэзии Тракля «принцип музыкальности». При создании своих иррациональных поэтических образов Тракль использовал техники музыкального письма для эстетизации звучания [3, с. 279], заимствуя такие элементы музыкальной теории, как полифоническая природа, лейтмотивность, диссонантность, контрапункт как противопоставление вариативных элементов в одном стихотворении, ритмическая организация, вариативные повторы, звуковые последовательности, чередование длительности и т. п. [2, с. 171]. Сочетая использование соответствующей лексики (*singen, klingen, läuten, hallen, Glocke, Lied, Klang, Tanz, Stimme, Gesang, Flöte, Orgel* и др.) с фонетическими гармониями и ритмическими конструкциями, поэт создает в своей лирике объемный и многогранный эффект звучания, который детализирует художественный мир стихотворений автора. Значимым в музыкальном рельефе произведений Тракля является не только само звучание, но и его громкость. Особую роль в его лирике играет семантика тишины, связываемая исследователями с предкризисным состоянием духа, когда перед лицом грядущей катастрофы привычные отношения переверачиваются и вместо громкого крика или иного звука звучит лишь шепот. Музыкальность лирики Тракля выражается как лексико-семантически, так и ритмиче-

ски, для произведений автора характерны структуры, диктующие свой особенный темп. Это в сочетании с насыщенностью звуковых образов создает особую мелодику лирики Тракля.

Для выявления принципов работы переводчика со стилистически сложными текстами, к которым безусловно относится экспрессионистская лирика, нами были проанализированы несколько стихотворений Тракля и их переводы разными авторами. Сопоставительный анализ переводов с текстом оригинала и между собой позволил выявить наиболее продуктивные переводческие трансформации и проследить последовательности в их применении. Было установлено, что количество и характер используемых трансформаций во многом зависит от индивидуального подхода переводчика к лирическому тексту. Более вольный перевод сопрягается с более частым использованием лексико-семантических трансформаций. Незначительное использование трансформаций дает схожий по семантическому и образному составу текст, отличающийся от оригинала структурно. Большая смысловая буквальность приводит к нейтрализации стилистических приемов, однако текст перевода становится более схож с оригиналом в способах описания ситуаций.

Рассмотрим в качестве примера переводы фрагмента стихотворения «Im Winter» Н. Захаревич и И. Руста: *Bisweilen schellt sehr fern ein Schlitten/ Und langsam steigt der graue Mond.* — *Седой колокольчик плачет впотьмах./ И медленно встает луна.* — *Лишь изредка звенит бубенчик санный,/ И серый месяц медленно восходит в тишине.* В первом предложении Н. Захаревич отказывается от образа саней, опустив синекдоху *schellt ein Schlitten* и переместив акцент на колокольчик как источник звука (отсутствие в тексте перевода метонимии отчасти компенсируется добавлением эпитета *седой*), в то время как И. Руст прибегает к конкретизации, сохранив оригинальный образ и обозначив реальный источник звука (*бубенчик санный*). Оба переводчика отказываются от буквального перевода словосочетания *sehr fern*: Н. Захаревич меняет семантику дали на семантику темноты (*плачет впотьмах*), И. Руст подчеркивает семантику тишины (*лишь изредка звенит*). При переводе второго предложения Н. Захаревич сужает семантический объем оригинального текста, опуская метафору цвета; И. Руст, напротив, расширяет семантический объем оригинального текста, дополняя визуальный образ (*серый месяц*) акустическим (*в тишине*). Таким образом, Н. Захаревич предлагает более вольный перевод с частым

использованием замен и опущений, И. Руст, напротив, чаще прибегает к добавлениям, его перевод семантически ближе к оригинальному тексту, но больше отличается от него по структуре.

При работе с особенно сложными и насыщенными метафорическими средствами выражения текстами переводчик стремится отобразить в тексте перевода наиболее значительные образы, формирующие основу авторского стиля. В лирике Тракля, как уже было обозначено выше, основу стиля во многом формируют цветопись и звукопись. В этой связи интересен перевод фрагмента стихотворения «*Romanze zur Nacht*» за авторством О. Бараш: *Beim Talglicht drunt' im Kellerloch/ Der Tote malt mit weißer Hand/ Ein grinsend Schweigen an die Wand./ Der Schläfer flüstert immer noch.* — *Малюет на стене мертвец/ Молчанья мерзостный оскал./ Зияет пропастью подвал./ Сновидца шепот. Стук сердец.* Этот фрагмент представляет собой сложный комплекс стилистических средств, ориентированных на передачу цвета/ света и звука. О. Бараш использует ряд синтаксических перестановок, позволяющих выстроить в тексте перевода схожий комплекс образов. Передавая ядро стилистической фигуры, переводчик посредством лексико-семантических опущений избавляется от некоторых деталей визуального ряда (*Talglicht, weiße Hand*), но путем добавления расширяет ряд акустический (*стук сердец*). Таким образом, выпадающие звенья одного ряда компенсируются звеньями другого ряда, в результате чего в переводе сохраняется многомерный образ смерти, выступающий у автора предметом не только образного, но и чувственного восприятия.

Заметно упрощает работу переводчика лирических текстов отсутствие жестко заданной метрической формы. Например, в работе со стихотворением «*Abendlied*», представляющим собой свободный стих, переводчики О. Бараш и В. Вебер не ограничены рамками метра и рифмы: *Am Abend, wenn wir auf dunklen Pfaden gehen./ Erscheinen unsere bleichen Gestalten vor uns.* — *Под вечер, когда идем мы темными тропами./ Бледные тени наши встанут перед нами.* — *Вечерами, когда мы бредем по темнеющим тропам./ Перед нами встанут бледные образы наши.* Это позволяет обоим переводчикам в полной мере отобразить авторский образный ряд, не прибегая к лексико-семантическим и стилистическим трансформациям, ограничиваясь лишь незначительными синтаксическими перестановками.

Таким образом, анализ переводов стихотворений Георга Тракля показал, что работа переводчика со стилистически сложной лирикой строится на соблюдении баланса между структурой и семантико-

стилистическими элементами: переводчик обеспечивает сохранность формальной структуры путем перестановок и замены «слабых» элементов, а посредством комплексных трансформаций отображает глубинные смыслы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Мальцева И. Г., Пестова Н. В.* Об эквивалентности и ментальной адекватности переводов цветowych концептов Г. Тракля // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — 2005. — № 16. — С. 189–197.
2. *Пестова Н. В.* Австрийский литературный экспрессионизм: монография / Н. В. Пестова. — ФГБОУ «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2015. — 273 с.
3. *Сакулина Е. А.* Музыкальные мотивы в поэтических текстах Георга Тракля // Мировая литература в контексте культуры. — 2011. — № 6. — С. 278–282.
4. *Тимралиева Ю. Г.* Лирика немецкого экспрессионизма в контексте европейского модернизма // Известия СПбГУЭФ. — 2014. — № 4. — С. 83–89.

УДК 82'4

Шипова Ирина Алексеевна,

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, schipowa@mail.ru.

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРЫ НОН-ФИКШН (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ Ф. ИЛЛИЕСА «1913 ЛЕТО ЦЕЛОГО ВЕКА»)

Статья посвящена бестселлеру Ф. Иллиеса, который принадлежит к жанру нон-фикшн. Цель анализа — определение основных лингвистических, в частности, стилистических приемов для привлечения широкого круга читателей к картине мира накануне Первой мировой войны, которая складывается из мозаичного изображения жизни всемирно известных деятелей науки, культуры и политики и которая определила дальнейший ход истории. В качестве приемов выделены — особый вид нарратора, своеобразный хронотоп, ритмико-интонационный рисунок, интертекстуальные включения и стилистический слом.

Ключевые слова: литература направления нон-фикшн, хронотоп, недиегетический нарратор, интертекстуальность, стилистический слом.

Книга Флориана Иллиеса «1913. Лето целого века» (Florian Illies «1913: Der Sommer des Jahrhunderts») своеобразное и яркое произведение, которое вызывает живой интерес и к тому, как она построена, и к тому, какие лингвостилистические средства делают её увлекательной.

Содержательно книга относится к литературе нон-фикшн, поскольку она базируется не на вымысле, как это происходит в художественной литературе, а на многочисленных документах. Как утверждает Н. Б. Иванова, «Non-fiction есть все, что не fiction, но остающееся в пределах художественного письма» [3, с. 7]. Повествование в ней представляется с позиции автора — немецкого историка культуры, публициста и писателя, события более чем столетней давности, что ясно из названия. Люди, о которых идет речь, реально жившие в ту эпоху знаменитости из области искусства, политики, науки и др. Это — личности, повлиявшие на развитие общества в XX веке, отразившие его в своем творчестве и в полной мере ощутившие те изменения, которые принесло время накануне Первой мировой войны. По мнению автора, именно 1913 год, а не 1914 год стал знаковым для последующих событий в Европе и мире.

Данную книгу, представляющую собой документальное повествование о прошлом, с одной стороны, и авторское видение происходящего в течение одного года, с другой правомерно позиционировать в некой промежуточной точке между художественным текстом и тем самым «невымыслом», который и являет собой нон-фикшн. Ф. Иллиес явно обладает талантом рассказчика, аналитика, провокатора в хорошем смысле слова, потому что интрига, заданная композицией и архитектурой текста, не дает возможности отвлечься от него, возбуждает желание читать дальше, постоянно находиться в поиске взаимосвязи между событиями, людьми, обстоятельствами, странами, языками и культурами. Показателем успешности этого труда с момента его выхода в свет в 2012 году можно считать перевод текста на 28 языков, включая русский, многократное переиздание и многочисленные положительные, не редко восхищенные отзывы и комментарии критиков и читателей.

Книга состоит из двенадцати глав, озаглавленных по названию месяцев года, в каждой из которых описываются события жизни выдающихся писателей, художников, композиторов, ученых, политиков и членов их семей, которые, по мнению автора, носят знаковый характер для них самих и для эпохи в целом. Главы разделены на разделы, объем которых варьируется от одного предложения до двух-трех страниц, что отвечает запросу современных читателей, не всегда готовых долго сосредотачиваться на длинных и сложных текстах. Перечисление всех, о ком рассказывается в тексте, займет не менее

страницы, поэтому ограничимся небольшим списком: Ф. Кафка, Т. и Г. Манны, Р. М. Рильке, О. Шпенглер, Л. Армстронг, А. Шёнберг, П. Пикассо, А. Матисс, О. Кокошка, Г. Климт, А. Гитлер, И. Сталин и В. Ленин, З. Фрейд и К. Г. Юнг, М. Вебер, А. Эйнштейн и мн. др. Из названных имен видно, что все они не только хорошо известны, внесли свой вклад в мировую историю и культуру, но и отражают большинство интеллектуальных сфер человеческой деятельности, и потому многогранно и почти всеохватно очерчивают действительность того времени.

Идеология повествования выражена в стремлении автора передать картину мира в пространственно-временном континууме синхронного изображения судеб многих людей в виде выхваченных из их жизни кратких историй, которые начинаются в одной главе, сменяются новыми описаниями, продолжаются в других главах, где получают свое развитие и имплицитную интерпретацию. Последняя выражается через некий прием комментирования в виде кратких замечаний, риторических вопросов, неявно отражающих позицию автора. Именно авторское начало отличает эту книгу от многих исторических описаний с цитированием документальных источников, личных писем или мемуаров.

Отличительные особенности книги «1913. Лето целого века» кратко можно представить следующим образом:

1. Повествовательная перспектива изображаемого определяется нарратором, которого нельзя назвать ни однозначно аукториальным, ни как-либо персонафицированным. Он присутствует в тексте как организующий центр композиции, определяет «точку видения» [5, с. 9] и выражает свое мнение через выбор определенных языковых практик. В соответствии с положениями нарратологии, автор, повествующий о неких событиях как бы от третьего лица, обозначается термином *недидеетический нарратор* [4, с. 36], типичный для литературы *нон-фикшн*. Он передает *внешнюю перспективу* развития истории безотносительно к себе и сокращает временной интервал между своей системой координат и описываемыми событиями, объективируя изложение [там же], включая в текст замечания и комментарии типа:

(1) „Ja, wers verstünde zu blühn“ [6, S. 29] или

(2) „War früher doch alles besser?“ [6, S.169].

Таким образом Ф. Иллиес актуализирует свое отношение к историческим событиям и их участникам. Эти речевые практики стилистически

маркированы через синтаксис в регистре разговорной речи, что можно интерпретировать как проявление внешней диалогичности, провоцирующей адресата-читателя на внутреннюю реакцию согласия или несогласия на вызов автора-адресанта.

2. Границы пространственно-временных планов заданы в заглавии книги и ассоциируются с годом, предшествующим Первой мировой войне, а значит, соотносятся практически со всем миром.

Пространственно-временной континуум реализуется в хронотопе (взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенной в литературе) [1, с. 234], в котором конкретизируются описываемые события [там же, с. 396]. Эти параметры текста необходимы для ориентации в нем читателя, опирающегося на стабильного автора и представляющего необходимую точку опоры [2, с. 272]. Хронотоп в книге Иллиеса неоднозначен, поскольку автор, очертив время, постоянно меняет место рассказываемых историй. С позиций лингвистики текста средства выражения пространственно-временных отношений используются для членения повествования, маркируя его дискретность [4, с. 11]. Грамматическими средствами при этом выступают, в частности, различные номинации локальной семантики и глагольно-временные формы. В книге упоминаются города многих стран мира, но в основном европейских (Berlin, Paris, Wien, Strasburg, Den Haag, Venedig, New York и мн. др.).

Временные формы глагола, используемые автором, служат одним из средств членения текста на разделы и отражают позицию нарратора, поскольку он комбинирует пространственно-временные планы, то предлагая одну из историй в повествовательном презенсе с перфектом для выражения предшествования (3), то в претеритуме с плюсквамперфектом (4), то варьируя оба способа отражения временной перспективы в контактной позиции (5). Например:

(3) ...Else Lasker-Schüler *reist* Hals über Kopf ab aus Sindelsdorf nach München, *findet* ein Zimmer in einer Münchener Pension in der Theresienstraße.

Die Marks *reisen* ihr nach und finden sie dort im Frühstücksraum, vor sich auf dem Tisch ganze Armeen von Zinnsoldaten, die sie wohl für ihren Sohn Paul *gekauft hat*, ... [6, S. 24].

(4) Schon als sich Picasso und Eva *kennenlernten*, *waren* sie nach Ceret in den Pyrenäen *geflüchtet*. <...> Picasso wollte der Großstadt und ihrer Künstlerszene entfliehen, um endlich arbeiten zu können [6, S. 92].

(5) Als Alma Mahler in Franzensbad *saß* und den Hochzeitstermin verstreichen *ließ*, da *malte* Kokoschka erst weiter an der „Windsbraut“ und *nahm* dann in Verzweiflung die schwarze Farbe, um sein Atelier in einen Sarg zu verwandeln. Dann aber *kommt* Alma zurück, und sie *verfallen* einander erneut [6 S. 200].

Презенс придает ощущение реальности происходившего, смещает точку видения с прошлого на настоящее, делает повествование динамичным и достоверным, благодаря чему позиции автора и наблюдателя как бы объединяются. Претерит объективирует изложение, формально не совпадающее с временем нарратора, делая его наблюдателем, отдаляет изображение событий [7, с. 7].

3. Ритмико-интонационный рисунок текста неоднороден, поэто-му повествование как бы пульсирует благодаря использованию автором ряда приемов, которые выявляют некоторые закономерности.

Ритм текста Ф. Иллиеса очень своеобразен, что обусловлено опи-санным выше варьированием временных глагольных форм как (5), использованием сложного синтаксиса, в котором развернутые струк-туры пара- и гипотаксиса соседствуют с эллипсисами, номинативны-ми предложениями или краткими структурами как (1) или (2).

4. Практика интертекстуальности включает цитирование личных писем, культурно-исторических источников, художественных произ-ведений, что позволяет придать тексту впечатление достоверности описаний через частное мнение героев историй и их современников. Кроме того, в книге постоянно возникают аллюзии на известные факты, события, художественные и исторические явления. Пример, подтверждающий это, приведен в (6).

5. Стилистика современной публицистической прозы пересекает-ся с аутентичностью текстов эпохи столетней давности, что приводит к неявному стилистическому слому в повествовании, порождает до-полнительное напряжение и интригует читателя.

(6) Vor allem aber hat Tucholsky auf den ersten Blick die schwachen Grenzen zwischen Fiktion und Wirklichkeit durchschaut: „Hesse ist wie dieser Veraguth; er hat heimatliche Zelte abgebrochen und geht — wohin?“ Gute Frage. [6, S. 65].

В последнем контексте (6) описана реакция писателя и публи-циста К. Тухольского на книгу Г. Гессе «Россхальде», в которой автор описывает свои личные переживания, перенося их на жизнь

героя Иоганна Верогута. После введения цитаты Ф. Иллиес как бы вступает в диалог то ли с Тухольским, то ли с читателем в виде реплики: «Хороший вопрос».

Таких дополнений в книге много, поэтому их можно рассматривать как некий стилистический прием, постоянно провоцирующий читателя на реакцию, призывающий его к утверждению или опровержению высказанного мнения или просто к рассуждениям на предложенную тему.

Перечисленные приемы в той или иной степени встречаются в литературе нон-фикшн, что можно подтвердить или опровергнуть, только исследовав другие книги данного направления. Хотя примеров подобных изданий много и сферы описания на материале «вне вымысла» все более расширяются, но анализ книг нон-фикшн не имеет пока устоявшихся традиций. Однако очевидно, что и в этой литературе важной является индивидуальность, талант, компетентность и профессионализм автора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: «Художественная литература», 1975. — 504 с.
2. *Дымарский М. Я.* Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. — СПб.: Наука, 2000. — С. 258—280.
3. *Иванова Н. Б.* По ту сторону вымысла // Знамя. — 2005. — № 11. — 58 с.
4. *Кострова О. А.* Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре: монография. — М.: Флинта, 2023. — 151 с. — ISBN978-5-9765-5125-1.
5. *Чугунова Н. Ю.* Языковая структура образа рассказчика в жанре (на материале автобиографической прозы А. Рекемчука): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.01. — Улан-Удэ, 2011. — 24 с.
6. *Illies F.* 1913: Der Sommer des Jahrhunderts. S. Fischer, Frankfurt am Main, 2021. — 319 S.
7. *Reichenbach H.* The Tenses of Verbs (1947) // Inderjeet Mani, James Pustejovski, Robert Gaizauskas (ed.). The Language of Time: A Reader. — Oxford University Press, 2005. — P. 71—78.

Яковлева Екатерина Анатольевна,

Институт иностранных языков
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, yakowlewa85@yandex.ru,

Недбайлик Сабина Рудольфовна,

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, snedbailik@mail.ru,

Соколов Александр Андреевич,

Институт истории, социальных и политических наук
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, sokolowaa@list.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье дается общий обзор основных признаков, типологии, особенностей реализации метафоры как уникального явления когнитивной стилистики, имеющего неоднозначную природу, высокий функциональный и эмоционально-экспрессивный потенциал и широкие разночтения в теории лингвистики. Результаты практического анализа подтверждают правильность авторских положений.

Ключевые слова: метафора, номинация, фигура, уникальный, функциональный.

Как известно, феномен метафоры всегда был объектом пристального внимания исследователей как российской, так и зарубежной научных школ, что вполне объяснимо. Составляя неотъемлемый элемент любого языка, этот троп в силу своей неоднозначности, многоаспектности, структурной многоуровневости может рассматриваться в контексте как лингвистики, литературоведения, так и философии, социологии, психологии. Являясь уникальным феноменом, основанным на образности и затрагивающим эмоциональную сферу человека, метафора в силу своей высокой функциональности способна к номинации самых разных особенностей его культуры, мышления, быта. Именно благодаря этому средству словесной образности можно передавать те или иные смысловые и экспрессивные оттенки семантики, выражать сложное и абстрактное значение посредством чего-то конкретного и знакомого. Так, по выражению Э. Кассирера [3, с. 167], это «сознательный перенос названия одного представления в другую сферу — на другое представление, подобное

какой-либо чертой первому или предполагающее какие-либо косвенные с ним «анalogии». В этой связи многие современные исследователи [1; 2; 4] рассматривают метафору как одно из важнейших средств конструирования языка, обогащения его эмоционально-экспрессивного, лексико-синонимического и полисемантического фондов. Так, метафоры могут быть основой для создания идиоматических выражений, пословиц, поговорок, прозвищ, равно как и других средств образной выразительности.

Вполне очевидно, что как многообразное явление метафора может реализовываться в очень широком типологическом спектре. В этой связи предполагается возможность существования двух основных ее типов — художественной и языковой, соотношение между которыми трактуется далеко неоднозначно: они могут рассматриваться либо в противопоставлении друг другу, либо во взаимном единстве [2; 5]. Причем данное противоречие во многом объясняется самой сутью языковой метафоры как фигуры, которая воспринимается и воспроизводится в речи, часто без осознания того, что привычные слова имеют фигуральный смысл [5, с. 31]. В целом, несмотря на явную пестроту и даже противоречивость существующих в языкознании воззрений, представляется возможным выделить три основных вида метафоры [1; 4]:

1. Художественная метафора — поэтическая фигура, специально созданное украшение речи, которое производит желаемый эффект лишь в рамках конкретного произведения или текста, т. е. не предназначено для использования в повседневном разговорном языке.

2. Языковая метафора — фигура, которая, в отличие от художественной, не обладает многомерностью, эстетикой и новизной. Ее можно заменить синонимом, не имеющим переносного значения, полностью сохранив смысл высказывания.

3. Генетическая метафора — фигура, не имеющая стилистической и эмоциональной окраски, утратившая экспрессивную выразительность и ставшая простой номинацией.

Нетрудно предположить, что метафорические номинации могут встречаться во всех сферах жизнедеятельности человека, но наиболее употребительными являются те, которые имеют отношение к быту: названия одежды, украшений, тканей, сосудов и еды, а также названия

частей тела, растений, животных, денег и т. п. При этом в основе метафоризации могут лежать самые разные признаки [2]:

1. Форма: *der Bogen/ арка, der Katzenauge/ «кошачий глаз», der Augapfel/ глазное яблоко, der Flaschenhals/ горлышко бутылки, die Ohrmuschel/ ушная раковина, die Maus/ компьютерная мышь, das Hühnerauge/ мозоль на ноге и т. д.* [4, с. 45–56].

2. Функция: *Der Spion/ дверной глазок, der Flaschenhals/ горлышко бутылки, der Nähfuß/ лапка швейной машинки, der Augendeckel/ веко, die Kuhblume/ одуванчик и т. д.* [4, с. 69–71].

3. Расположение: *die Nasenwurzel/ переносица, der Nasenrücken/ спинка носа, der Flaschenhals/ горлышко бутылки, der Nagelkopf/ шляпка гвоздя, der Hammerkopf/ головка молота, der Fußtitel/ финальные титры и т. д.* [4, с. 54–73].

4. Цвет: *der Katzenauge/ «кошачий глаз», die Maus/ компьютерная мышь, der Apfelschimmel/ серая в яблоках лошадь, der Fuchs/ лошадь рыжей масти, die Fuchsente/ красная утка, der Fuchskopf/ человек с рыжими волосами и т. д.* [4, с. 47–52].

5. Количество или размер: *das Riesenrad / колесо обозрения, der Tausendsasa/ мастер на все руки, das Tausendkorn/ грызники т. д.* [4, с. 61–63].

6. Степень плотности: *das Schlammeis/ ледяная шуга и т. д.* [4, с. 64].

7. Степень подвижности: *der Nähfuß/ лапка швейной машинки, der Brauseart/ душевая сетка с гибким шлангом и т. д.* [4, с. 58].

8. Степень ценности: метафорических номинаций для этого признака не было обнаружено, поскольку все метафоры, в основе которых лежит степень ценности, являются языковыми, например, *der Hühnerglaube/ суеверие, die Hundearbeit/ каторжный труд и т. д.* [4, с. 67].

Общие результаты обзорного анализа метафорических номинаций различных предметов и объектов на материале немецкого языка показывают, что в большинстве случаев в основе метафоризации лежат признаки формы, функции и расположения. При этом некоторые номинации встречаются сразу в нескольких категориях, осуществляя перенос и по форме, и по функции. Это объясняется тем, что функция и форма предмета зачастую взаимообусловлены. В целом, необходимо признать, что метафора является сложным, многогранным и высоко функциональным явлением языка, выполняющим как стилистическую, эмоционально-экспрессивную, так и словообразовательную, когнитивную функции, что, безусловно, во многом определяет ее суть.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры. — Москва, 1978. — 234 с.
2. Блэк М. *Метафора*. Теория метафоры. — Москва; Прогресс, 1990. — 467 с.
3. Кассирер Э., Ортега-И-Гассет. Теория метафоры. — Москва: Прогресс, 1990. — 512 с.
4. Киселева Н. М. Словарь метафор немецкой разговорной речи. — Москва: Флинта, 2020. — 108 с.
5. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. — Санкт-Петербург: Наука, 1993. — 150 с.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'255.2

Жумабекова Айгуль Казкеновна,

Казахский национальный педагогический университет им.Абая,
Алматы, Казахстан, aigzhum@gmail.com

СТРАТЕГИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА В УЧЕБНОЙ СФЕРЕ

Статья опубликована в рамках грантового финансирования по научным проектам Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2023–25 гг. по теме «Оценка качества перевода: научная и учебная сферы» (AP19680449).

Оценка качества перевода в учебной сфере тесно связана с оценкой переводческой компетенции студентов. Поэтому выбор преподавателем стратегии оценки качества перевода является фактором, обеспечивающим потенциальную конкурентоспособность будущего переводчика. Эффективной будет опора не на традиционные (субъективные) стратегии, а на современные, предполагающие реализацию коммуникативно-функциональной модели обучения.

Ключевые слова: оценка качества перевода, учебная сфера, стратегия.

Оценка качества перевода (далее: ОКП) в учебной сфере имеет большое значение, поскольку, с одной стороны, она является неотъемлемой частью образовательного процесса, а с другой стороны, представляет собой важный инструмент для достижения целей обучения.

Как показывает практика преподавания переводческих дисциплин в ряде казахстанских вузов, в учебном процессе преподавателями не всегда разрабатываются критерии проверки переводческих работ обучающихся, либо они оцениваются интуитивно. Следовательно, такая ОКП субъективна, что влечет неудовлетворенность обучающихся по предоставлению им образовательных услуг; практическое отсутствие вузовских курсов по ОКП текстов разных жанров имеет следствием пополнение переводческого сообщества недостаточно квалифицированными специалистами, не умеющими осуществить самооценку своего труда и оценить труд своих коллег.

Работая над проектом «Оценка качества перевода: научная и учебная сферы» мы провели анкетный опрос, общим результатом которого

явился тот факт, что студенты переводческих отделений казахстанских вузов имеют весьма слабое представление о процедуре, параметрах и критериях ОКП. Многие из них не находили ошибок в предъявленных контекстах, заранее отобранных участниками проекта и заведомо содержащих переводческие ошибки разного типа. Учащиеся быстро определяли ошибки на уровне формы (орфографические, пунктуационные) и затруднялись выделить и тем более классифицировать ошибки на уровне содержания (неверные замены, неоправданные добавления, немотивированные сокращения, в том числе языковых средств выражения авторской оценки и др.). Полученные результаты свидетельствуют о том, что вопросу ОКП не уделяется должного внимания в учебном процессе подготовки переводчиков. Между тем, на наш взгляд, этому следует учиться целенаправленно и системно, причем не только на занятиях по переводческим дисциплинам, но и смежным с ними.

ОКП тесно связана с оценкой переводческой компетенции студентов. Процесс подготовки переводчиков в вузе предусматривает формирование различных компетенций. Так, европейский исследовательский проект РАСТЕ (Process in the Acquisition of Translation Competence and Evaluation) определяет переводческую компетенцию как базовую систему знаний и навыков, необходимых для осуществления перевода. Модель переводческой компетенции состоит из набора субкомпетенций, которые взаимосвязаны и иерархичны: двуязычная, переводческая, инструментальная и стратегическая. Последняя подкомпетенция является наиболее важной, так как отвечает за решение эффективности всего процесса перевода (планирование проекта перевода, оценка процесса и полученных результатов, активация различных подкомпетенций и компенсация недостатков, выявление проблем перевода и применение процедур для их решения) [6].

Обоснованной представляется позиция исследователей перевода, описывающих поэтапный процесс оценки из своего преподавательского опыта. Так, предлагается последовательно формировать, а затем оценивать двуязычную компетенцию, межъязыковую и далее, на заключительном этапе межкультурную компетенцию [5], (выделенных согласно классификации Г. Тури [7]), опираясь при этом не на традиционные (субъективные) стратегии, а на современные, предполагающие использование актуальных источников, лингвистических корпусов, параллельных текстов. В оценке же необходимо применять компьютерные технологии и тестовые форматы.

Долгое время в дидактике перевода господствовал (и на наш взгляд, продолжает оставаться в учебном процессе многих казахстанских вузов) текстоцентрический подход в сфере обучения переводу, включая оценивание качества перевода преподавателем.

В коммуникативно-функциональной парадигме обучения оценка качества перевода В. В. Сдобниковым представлена как коммуникативная ситуация, а сама модель отображает универсальную процедуру оценки: оценивающая сторона (субъект оценки) оценивает перевод (объект оценки) в определенной сфере перевода с конкретной целью, в соответствии с которой осуществляется выбор метода, критериев и параметров оценки и формата представления ее конечного результата [3].

При этом необходимо различать оценку качества учебного и профессионального перевода.

Так, целью учебного перевода является формирование у студентов переводческих компетенций, важных для будущей профессиональной деятельности. Исходя из этого, к учебному переводу наиболее применимы наиболее общие критерии ОКП: количество переводческих проблем, успешно / не успешно решенных студентом; степень сложности переводческих проблем; способность выявления достоинств / недостатков в своих / чужих переводах; успешность / неуспешность перевода для осуществления предметной деятельности с учетом предполагаемой коммуникативной ситуации, потребностей и ожиданий предполагаемого получателя перевода; способность студента моделировать ситуации и прогнозировать результат [4, с. 42–43].

Как мы отмечали ранее, подход к оценке качества перевода в учебной сфере должен быть системным [1]. При этом системность понимается многосторонне: 1) в плане разделения внешней ОКП преподавателем и внутренней оценки студентом, т. е. его самооценки; 2) в плане структурирования образовательной программы с включением элементов ОКП (зафиксированных в целях обучения той или иной дисциплины и результатах ее обучения) во всех профильных дисциплинах на протяжении всей траектории обучения; 3) в плане разработки логически и методически обоснованных критериев ОКП, определяемых в соответствии с этапами обучения.

Наиболее эффективным представляется выбор той или иной модели ОКП, соответствующей современным требованиям переводческого рынка. В этом отношении весьма ценным представляется опыт

Е. А. Княжевой [2], предложившей коммуникативно-функциональную модель ОКП, которая может быть реализована в разных сферах: научной, учебной, производственной. Такой подход, помимо всего прочего, позволяет преодолеть разрыв между теоретическими концепциями и практическими потребностями в переводе.

В процесс обучения переводчиков необходимо включать курсы по редактированию, в которых следует знакомить студентов в том числе с обобщенными критериями оценки качества перевода.

На наш взгляд, на всех занятиях следует развивать навык анализа чужих и своих переводов, акцентируя внимание при этом на разных типах критериев оценивания. В этом аспекте целесообразно использовать актуальные переводы. Так, в Казахстане в последние годы чрезвычайно вырос объем переведенных текстов Фондом «Национальное бюро переводов» различного стиля, в том числе с иностранных языков на казахский язык и обратно. Поэтому на занятиях по переводу мы анализируем со студентами актуальные переводные тексты, что неизменно вызывает их неподдельный интерес.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Жумабекова А. К.* О критериях оценки перевода в учебной сфере // Человек и язык: материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М. Я. Блоха, г. Москва, 23–24 ноября 2023 г. / под общ. ред. И. О. Сыресиной. — Москва: МПГУ, 2024. — С. 330–334.
2. *Княжева Е. А.* Структура и содержание курса «Оценка качества перевода» // Подготовка переводчиков. Дисциплины по выбору: колл. монография. — Москва: ФЛИНТА, 2022. — С. 66–96.
3. *Сдобников В. В.* Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход. — М.: ФЛИНТА-Наука, 2015. — 118 с. — EDN POUHULU.
4. *Сдобников В. В.* Оценка качества перевода в аудитории и реальной жизни // Перевод и сопоставительная лингвистика. — 2015. — № 11. — С. 41–45. — EDN XQYNSP.
5. *Mobaraki M., Aminzadeh S.* A Study on Different Translation Evaluation Strategies to Introduce an Eclectic Method // International Journal of English Linguistics. — 2012 – Vol. 2. — № 1. — С. 63–70. DOI: 10.5539/ijel.v2n1p63.
6. *PACTE. Building a Translation Competence Model* // Alves, F. (ed.). *Triangulating Translation: Perspectives in Process Oriented Research*, Amsterdam: John Benjamins, 2003. — Режим доступа: <http://www3.uji.es/~aferna/EA0921/3b-Translation-competence-model.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).
7. *Toury G.* The Notion of ‘Native Translator’ and Translation Teaching // W. Wilss & G. Tome (Eds). *Die Theorie des Übersetzens und ihre Aufschlußwert für die Übersetzungs- und Dolmetsch didaktik.* — Tübingen: Narr, 1984. — P.186–195.

РОЛЬ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОВ В НАУЧНОМ ПЕРЕВОДЕ

Данное исследование направлено на изучение влияния когнитивных и прагматических факторов на процесс выбора эквивалентов при переводе научных текстов на материале механики деформируемого твердого тела. Анализ полученных данных позволил сделать вывод о том, что учет когнитивных особенностей носителей языка и прагматических аспектов коммуникации является необходимым условием для обеспечения адекватного перевода и минимизации риска искажения смысла исходного текста

Ключевые слова: когнитивный анализ, прагматика, перевод, научный текст, терминология, эквивалент.

Главная цель научного перевода — это точная и логичная передача информации с одного языка на другой. Трудность научного перевода состоит в том, что в нем используется узкоспециализированная терминология и специальные понятия, которые требуют от переводчика понимания предметной области. Норд (1991) определяла три основные проблемы перевода: лингвистические, конвенциональные и прагматические [1, с. 184–190]. Если лингвистические связаны с различием языков (грамматикой, синтаксисом, словарным запасом и регистром), то конвенциональные трудности научного перевода связаны с устоявшимися научными традициями (разница в терминосистемах, стилях изложения и парадигмах). В то время как прагматические трудности выражаются в различиях способов передачи мысли и ее понимания целевой аудиторией. Как отмечает Опарин (2019) в каждом языке необходимо найти те термины, которые отражают мысль, заложенную автором и воспринимаемую аудиторией. Иначе при простом подборе подходящего на первый взгляд термина, прагматическая цель может быть изменена [2, с. 222–224]. Для правильного понимания прагматической цели необходимы знания предметной области и прагматическая компетенция, вырабатываемая с опытом. При переводе необходимо применение стратегии, в зависимости от коммуникативной ситуации и характера текста [3, с. 165–172]. Для подбора стратегии необходим переводческий анализ, в научном тексте анализ чаще все-

го связан с проблемой передачи терминов. Как точно отмечает Волгина (2013), «терминами могут становиться практически любые лексические единицы языка, перешедшие в узкоспециализированную область и служащие для обозначения специфических понятий» [4, с. 171]. Следовательно, задача вычленения терминов из контекста для анализа является первым и самым важным этапом. Однако как отмечает Грайс (1957) слово, как и термин в нашем случае, не может рассматриваться без контекста, ведь в нем заложено точное значение слова в предложении и коммуникативное намерение, выражаемое им. следовательно, необходимо учитывать импликацию и экспликацию [5, с. 377–388]. Научный дискурс не предполагает пространства для стандартной импликации, но в терминологии импликацию можно заметить в омонимии (деформация в механике, не то же самое что в переводоведении), различных логических ассоциациях (термин «металл» имплицитно такие свойства, как твердость и электропроводность) и т. д. Следовательно, термины все же имеют импликацию, как дополнительный семантический элемент, значение которых выходит за рамки изолированных слов. Разграничение Грайса между прагматикой и семантикой доказало важность контекста при любой языковой коммуникации, так как семантика позволяет понять язык, а прагматика раскрывает намерения сказанного, что важно учитывать при переводе.

Когнитивно-прагматический подход позволяет учитывать как семантику, так и прагматическую цель текста. Его ключевыми принципами являются рассмотрение языка как инструмента познания; зависимость смысла от контекста; научный дискурс включает элементы импликации и метафоризации; язык — инструмент для передачи информации и достижения целей.

Чан Цзыся (2009) рассматривает когнитивно-прагматическую модель для исследований перевода, основанную на релевантности и адаптации. Цзыся подчеркивает роль переводчика в успешной коммуникации между писателем и читателем, отмечая, что культурная адаптация для эффективной коммуникации имеет решающее значение [6, с. 88–111]. В то время как А. В. Ооржак и О. А. Крапивкина (2016) рассматривают проблемы научно-технического перевода с лингвопрагматического аспекта перевода. Они резюмируют, что качество перевода зависит от знания языка, терминов и стилистических особенностей [7, с. 70–72].

В рамках статьи мы рассмотрим на примере одного предложения из статьи по механике деформируемого твердого тела (МДТТ), проблему точного и адекватного подбора эквивалента при множественном выборе соответствия на языке перевода, в нашем случае, английском.

Оригинал: Начальный участок упрочнения ОА на этом графике заканчивается деформацией.

Выполним вычленение терминов для выполнения анализа и подбора соответствия с учетом прагматической цели статьи.

Термины «упрочнение» и «деформация» являются объектом анализа, так как на языке перевода у них более одного эквивалента. В МДТТ термин «упрочнение» имеет два эквивалента: «hardening» и «strengthening». Для выбора необходимо проведение анализа.

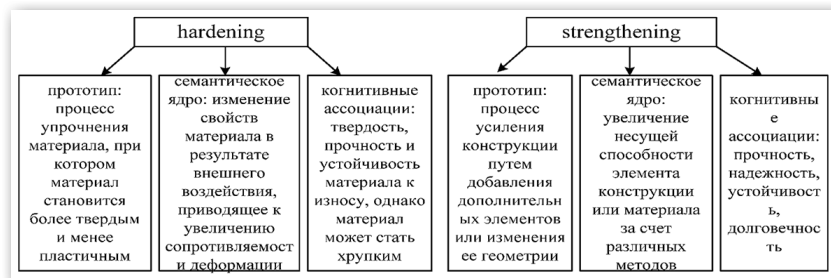

Рисунок 1 — Когнитивный анализ терминов «hardening» и «strengthening»

Данный анализ помог нам понять семантическую разницу между двумя терминами, следовательно, необходимо определиться какой термин подходит в предлагаемом контексте.

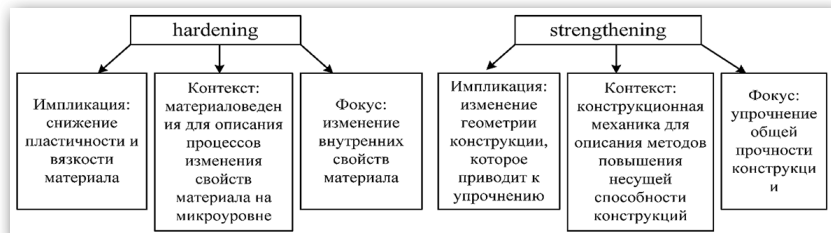

Рисунок 2 — Прагматический анализ терминов «hardening» и «strengthening»

Рисунок 3 — Когнитивно-прагматический анализ по выбору термина

В нашем тексте не идет речь о конструкционных изменениях, однако в тексте говорится о свойствах различных материалов. Следовательно, в нашем контексте использование термина «hardening» является приемлемым.

Следующим термином для разбора является термин «деформация», который в МДТТ имеет также два прямых эквивалента на английском языке: «deformation» и «strain».

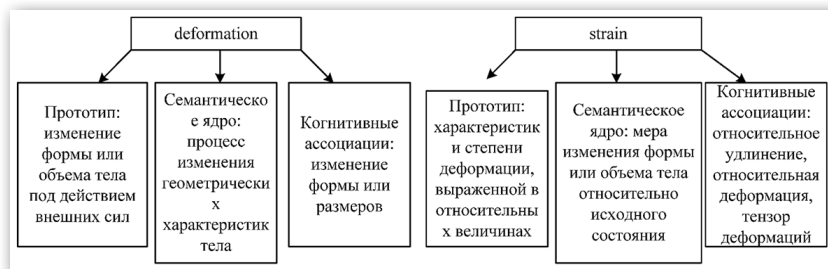

Рисунок 4 — Когнитивный анализ терминов «deformation» и «strain»

Разобравшись с нюансами семантического значения, обратимся к прагматическому анализу употребления данных терминов.

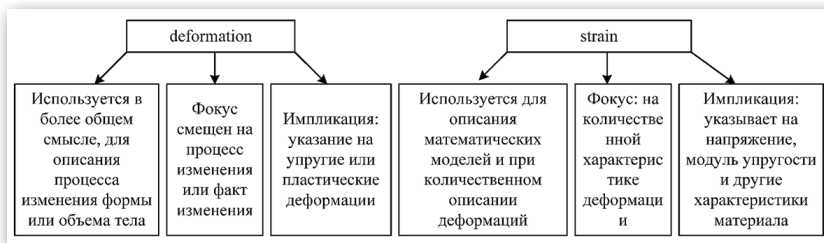

Рисунок 5 — Прагматический анализ терминов «deformation» и «strain»

Объединяя когнитивный и прагматический анализ, можно сделать следующие выводы:

Термины «deformation» и «strain» связаны между собой, но представляют разные аспекты одного явления. Термин «deformation» фокусируется на процессе изменения формы и объема, а термин «strain» — на количественной мере этого изменения. Термин «strain» является более точным термином, особенно при математическом описании деформаций. Однако термин «deformation» может использоваться как более общий термин, охватывающий как упругие, так и пластические деформации, как процесс, так и результат деформации. Следовательно, при переводе было выбрано использование более общего термина, так как в тексте использовались такие понятия как пластическая и упругая деформации.

Перевод: The initial hardening stage OA on this graph ends with the deformation.

В заключении можно отметить, что проведение когнитивно-прагматического анализа является сложным процессом, который позволяет выявить контекстуально адекватный эквивалент. Проведения такого анализа позволяет работать с терминологическими синонимами и схожими понятиями на языке перевода.

Когнитивно-прагматический анализ предполагает работу с корпусами текстов предметной области перевода, а также возможность консультационных сессии со специалистами данной научной области. Консультационные сессии, изучения корпусов текстов и работа со справочной литературой является критической при выполнении когнитивно-прагматического анализа, а также специального перевода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Nord Ch.* Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Translated from the German by Christiane Nord and Penelope Sparrow. — Amsterdam/Atlanta GA: Rodopi, 1991. — 250 p.
2. *Шутова Н. М., Борисенко Ю. А., Злобина О. Н., Рябкова И. П., Кузьева О. П., Опариш М. В.* Переводческая коммуникация в XXI веке. Дискурсивные аспекты перевода: коллективная монография. Отв. ред. Шутова Н. М. — Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет». — 2019. — 252 с.
3. *Сдобников В. В.* Стратегия перевода: общее определение // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 1. — С. 165–172. — EDN NECKYB.
4. *Волгина М. Ю.* Перевод терминов как ключевых единиц специального текста // Перспективы науки и образования. — 2013. — № 6(6). — С. 170–175. — EDN RQBQQD.
5. *Grice H. P.* Meaning // The Philosophical Review. — 1957. — 66 (3). — P. 377–388.
6. *Zixia, Chang.* A Cognitive-Pragmatic Model for translation Studies based on Relevance and Adaptation // Canadian Social Science. — 2009. — 5 (1). — P. 88–111. — DOI: <http://dx.doi.org/10.3968/j.css.1923669720090501.008>.
7. *Oorzhak, A.V., Krapivkina, O. A.* Linguistic and pragmatic aspects of scientific and technical translation // Juvenis Scientia. — 2016. — 2. — P. 70–72.

УДК 811.11–112

Малеева Наталия Михайловна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, natstsch@rambler.ru

Жирова Елизавета Владимировна,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, lizazhirova@gmail.com,

ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РЕАЛИЙ В ПОВЕСТИ Э.Т.А. ГОФМАНА „KLEIN ZACHES, GENANNT ZINNOBER“

Статья посвящена анализу перевода культурных реалий в повести Э.Т.А. Гофмана «Klein Zaches, genannt Zinnober» на русский язык. Рассматриваются четыре перевода, выполненные в разные эпохи, с целью выявить, как переводчики стремились сохранить эстетическую ценность и культурный контекст оригинала. Сравнительный анализ раскрывает эволюцию переводческих стратегий и их влияние на восприятие текста русскоязычной аудиторией.

Ключевые слова: художественный перевод, переводческие стратегии, реалии, адаптация, сравнительно-сопоставительный анализ.

Перевод художественной литературы был и останется актуальным во все времена, особенно в условиях глобализации и ускорения обме-

на информацией и культурными ценностями, когда перевод становится средством передачи и сохранения культурного наследия, эстетической ценности и стилистической выразительности. Это сложный и многогранный процесс, который требует от переводчика не только безупречного знания языков и отточенных лингвистических навыков, но и глубокого понимания культурных особенностей и художественных нюансов оригинала.

В данном научном исследовании мы сосредоточимся на анализе переводов реалий в сказочной повести Эрнста Теодора Амадея Гофмана «*Klein Zaches, genannt Zinnober*» на русский язык, выполненных в разные эпохи, и проанализируем переводческие стратегии, применяемые переводчиками при работе. В ходе исследования было проанализировано четыре варианта перевода повести: Н. Х. Кетчера (1843 г.), М. А. Бекетовой (1897 г.), А. А. Морозова (1962 г.) и С. К. Апта (1978 г.).

Согласно В. Н. Комиссарову, художественный перевод — «перевод произведений художественной литературы, т. е. текстов, основная функция которых заключается в художественно-эстетическом воздействии на читателя» [7, с. 414].

В результате художественного перевода произведение, написанное на одном языке, перекодируется на другой. Между началом и результатом переводческой деятельности происходит комплексный процесс, который помимо самого перевода включает в себя анализ различных аспектов оригинального текста и его культурного контекста.

Переводческие стратегии, влияющие на любое действие переводчика, можно разделить как ориентированные на оригинал и на художественную полноценность переводимого произведения. В первом случае переводчик сохраняет колорит оригинального текста и делает текст перевода «экзотичным» для незнакомого с культурой оригинала реципиента, во втором же — пренебрегает культурной спецификой исходного текста, чтобы сделать перевод более понятным и привычным для реципиента и «сохранить лояльность» культуре переводящего языка.

Повесть Э. Т. А. Гофмана „*Klein Zaches, genannt Zinnober*“ насыщена многочисленными культурными и историческими реалиями, которые играют важнейшую роль в создании особой атмосферы произведения. Реалии несут в себе уникальный культурный контекст, который необходимо сохранить и передать при переводе. Точность в передаче этих переводческих единиц — ключевой аспект обеспечения

правильного восприятия оригинального текста читателями на другом языке. Ошибки или вольные интерпретации могут привести к искажению авторского замысла и потере уникальности произведения, поэтому выбор подходящих переводческих стратегий здесь имеет первостепенное значение.

В самом начале повести Гофман называет Крошку Цахеса «Der kleine Wechselbalg» [8] — существом из европейского фольклора, которым, согласно сказкам и поверьям, подменяли похищенных духами детей. Подобное существо есть и в славянской мифологии, и называется оно подменщиком [2]. Однако, несмотря на существование в русском языке слова для обозначения подобных существ, никто из переводчиков его не употребил: Кетчер, Бекетова и Апт назвали Цахеса «уродцем» [4; 5; 6], а Морозов — «оборотнем» [3]. Последний вариант наиболее корректен из четырех, поскольку, пускай он и не является полным аналогом обозначения оригинального существа, все равно несет в себе мифологический подтекст, что перекликается с оригиналом.

В оригинальном тексте повести присутствует множество оскорбительных эпитетов Крошки Цахеса, несколько раз автор обзывает его «ein klein Alräunchen» [8]. «Alraune» — в средневековом фольклоре европейских народов духи низшего порядка, крохотные существа, обитающие в корнях мандрагоры (нем. Die Alraunen), очертания которых напоминают собой человеческие фигурки. Альрауны — это оборотни, способные превращаться в кошек, червей и маленьких детей. Морозов единственный из всех переводчиков употребил дословный перевод, сохранив оригинальную задумку Гофмана, однако это переводческое решение несет определенные сложности для неискушенного реципиента — среднестатистический читатель из России вряд ли знаком с тонкостями средневекового немецкого фольклора и вряд ли поймет, какое именно значение автор вкладывал в слово «альраун» [3]. Апт использовал описательный перевод — «...одного из тех гномов, что так похожи на корешок мандрагоры» [6]. Бекетова отошла от образа маленького человечка, напоминающего собой растение, и назвала Цахеса «колдуном» [5], а Кетчер и вовсе опустил эту характеристику главного героя. Возможно, переводчикам XIX века просто была недоступна информация об альраунах, поэтому они предпочли по-своему устранить переводческую трудность. Впоследствии Морозов, также единственный из всех переводчиков, употреблял

слово «альраун» в отношении Цахеса, Кетчер заменял его на «уродца» [4], «сына» [4] и «ребенка» [4], Бекетова на «колдунчика» [5] и «ребенка» [5]. Апт, ранее назвав Цахеса гномом, продолжил его так и называть.

Сейчас обращение «Fräulein» практически не встречается в немецком языке, однако во времена, когда творил Гофман, оно было в ходу и употреблялось при обращении к барышне — незамужней представительнице знати. Кетчер и Бекетова при переводе сохранили эту особенность, употребив слово «девица» [4; 5] — понятный для русского читателя в XIX веке аналог. Апт и Морозов прибегли к транслитерации — «фрейлейн» [3; 6] — такой вариант наиболее корректен, поскольку сохраняет оригинальный колорит и отражает действительность, в которой происходят события произведения, наиболее полно. Дальше по тексту в переводах Бекетовой и Апта также встречается вариант «барышня» [5; 6] — и если в первом случае данное переводческое решение можно обосновать все той же потребностью не нагружать читателя непривычными, возможно, неизвестными словами (хотя к концу XIX века увлечение французской культурой в русском обществе как раз уже пошло на спад, сменяясь интересом к немецкой культуре), то в случае Апта данная замена не имеет смысла, поскольку он уже раньше употреблял слово «фрейлейн», но именно в этом абзаце текста оно не упоминалось — тогда такую замену вариантным соответствием можно было бы обосновать попыткой избежать лишних повторов. Также Апт употребляет в своем переводе слово «дама» [6], Морозов «госпожа» [3].

Среди прочих должностей в истории мельком упоминается «Mutter Anne, des Schulzen Frau» [8]. «Schulz» — это не фамилия, как могло показаться на первый взгляд, что, возможно, ввело в заблуждение Кетчера, который так прямо и перевел — «Мать Анна, жена Шульца» [4]. Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, «Шултейсом или Шульцем назывался в Германии выборный староста сельских общин» [1]. Это было должностное лицо в Германском королевстве, назначаемое королем для наблюдения за исполнением представителями той или иной общины своих обязанностей, также шульц — это уполномоченный графа, который действовал в границах сотни. «Шульцем» также называли старост в немецких колониях на юге России. Таким образом, вариант «староста» [3; 5; 6] в переводах Бекетовой, Апта и Морозова является наиболее привычным и понятным

для большинства читателей, пускай он и не несет в себе никакой окраски, отражающей германский колорит.

Неточности в переводах касаются не только возраста, но и размера Цахеса. Так, Гофман описывает, что Цахес «*war nämlich ein kaum zwei Spannen hoher*» [8]. «Spanne» или «Handspanne» — это старинная единица измерения длины, не входящая в Международную систему единиц. Ей принято считать расстояние от кончика большого пальца до мизинца, что составляет примерно двадцать сантиметров. Таким образом, можно сделать вывод, что Цахес был ростом едва сорок сантиметров. Ни один из переводчиков не использовал эту систему мер, поскольку она более современная и не укладывалась бы в реалии условного XVIII века, описанного Гофманом в повести. Кетчер перевел эту часть предложения, как «величиною въ поларшина ребенокъ» [4]. Аршин — мера длины от кончиков пальцев до плеча, составляет семьдесят один сантиметр, следовательно, поларшина как раз будет около того размера, который имел в виду автор. Бекетова, Апт и Морозов также употребили в своем переводе старорусскую единицу измерения, чтобы сохранить колорит, однако в их вариантах это «две пяди» [3; 5; 6] — то есть дважды взятое расстояние между концами растянутых большого указательного пальцев, что тоже будет составлять около 40 сантиметров. В целом, все варианты верны, однако именно «две пяди» будет более эквивалентно выражению «*zwei Spannen*», так как обе эти меры завязаны на расстоянии, измеряемом с помощью ладони.

Перевод реалий представляет для переводчиков наибольшую трудность, поскольку не во все времена переводчики располагали информацией, достаточной для наиболее корректного перевода, и потому были вынуждены искать альтернативные варианты, которые бы одновременно и отражали заложенный автором смысл, и были понятны русскоязычному реципиенту.

Сравнительно-сопоставительный анализ четырех переводов с оригинальным текстом сказочной повести «*Klein Zaches, genannt Zinnober*» показал, что наибольшее количество удачных и корректных переводческих решений содержится в варианте А. А. Морозова: реалии в нем учтены, проработаны и хорошо адаптированы без весомой потери культурного колорита. Н. Х. Кетчер адаптировал реалии под читателя середины XIX века, в результате чего его вариант перевода утратил часть атмосферы оригинального произведения, в котором описана условная Германия XVIII века.

Таким образом, сравнение переводов, выполненных в различные временные периоды, позволило сделать следующие обобщенные наблюдения относительно эволюции переводческой стратегии.

В середине XIX в. переводчик стремился сделать текст более понятным для читателя, который не может уточнить некоторые детали. Однако это привело к утрате аутентичности и красочности из-за несохранения безэквивалентной лексики, обозначающей немецкие культурные особенности в переводе Кетчера, в результате чего в нем наибольшее количество единиц несоответствия.

К концу XIX века перевод стал более соответствовать исходному тексту, будучи при этом более адаптированным для целевой аудитории: определенные изменения и опущения в тексте были сделаны Бекетовой, чтобы избежать смущения читателей от обценной лексики оригинала.

Во второй половине XX века стало очевидно, что для точного перевода необходимо не только достаточное количество информации, но и глубокое понимание языка и культурного контекста. Переводы этого периода содержат наименьшее количество искажений и наибольшее количество удачных переводческих решений, так как стремились сохранить инвариантную информацию и атмосферу оригинала и передать ее адекватно. Эти переводы учитывают конвенциональную норму перевода художественной литературы и являются наиболее корректными, а используемая в них стратегия перевода — наиболее оптимальной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Брокгауз Ф. А.* Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XL. Шуйское — Электровозбудимость. — Санкт-Петербург: Семеновская Типолиитография (И. А. Ефрона), 1904. — 487 с.
2. *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. — Москва: Индрик, 2000. — 430 с. — EDN TOLSVB.
3. *Гофман Э. Т. А.* Золотой горшок. Крошка Цахес, по прозвиению Циннобер. — Санкт-Петербург: Азбука, 2005. — 288 с.
4. *Гофман Э. Т. А.* Крошка Цахес, по прозванию Циннобер. — Санкт-Петербург: Отечественные Записки, 1843. — 57 с.
5. *Гофман Э. Т. А.* Маленький Цахес, по прозвиению Циннобер. — Москва: Кучково Поле, 2019. — 128 с.
6. *Гофман Э. Т. А.* Маленький Цахес, по прозвиению Циннобер. — Саратов: Приволжское книжное издательство, 1983. — 182 с.
7. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. — Москва: ЭТС, 2002. — 424 с.
8. *Hoffmann E. T. A.* Klein Zaches, genannt Zinnober: Ein Märchen. — The Project Gutenberg, 2005. — 73 с.

Морозова Лилия Петровна,

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь, liliya_morozova@yahoo.fr,

Буландо Александра Владимировна,

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь, boulando.alexandra@gmail.com

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье обсуждается переводческий аспект вариативности коммуникативно-прагматического содержания тональных контуров иллокутивных типов высказываний во французском языке. На материале специальных вопросов со словами *oui* и *comment* выявляются модально-прагматические варианты высказываний, актуализируемые просодическими средствами.

Ключевые слова: устный перевод, просодия, вариативность, специальный вопрос, французский язык.

Интенсификация экономических и общественно-политических связей в современном мире, а также расширение сферы устной коммуникации способствовали возрастанию роли устного перевода в международных контактах. В связи с этим встает вопрос о том, в какой мере подготовка устных переводчиков соответствует современным знаниям о звуковой стороне языка и ее роли в порождении и восприятии/интерпретации смыслового содержания речевого сообщения.

В теоретической и учебной литературе, посвященной проблемам переводческой компетенции и профессиональных требований к уровню подготовки переводчиков, в числе необходимых голосовых качеств устного переводчика называют владение голосом, чистую дикцию, наличие определенных актерских способностей, необходимых для передачи различного рода модальных и модально-эмоциональных оттенков [1]. Предполагается, что эти качества при возможно полном восприятии исходного текста, обеспечиваемом тренированной памятью и способностью отбирать первостепенно важную информацию, позволят полноценно воспроизвести смысл текста в переводе. Не уточняется, однако, что полное восприятие и понимание исходного текста, а также его передача в переводе невозможны без владения содержательной стороной просодии исходного и переводящего языков.

Исследования просодии последних лет на материале различных языков позволили сделать два основных вывода, касающихся роли просодических средств в речевой коммуникации: 1) они наравне со средствами других языковых уровней участвуют в порождении смыслового содержания высказывания и способны самостоятельно передавать значения, относящиеся к сфере просодической семантики [6]; 2) выражение просодией различного рода модальных и модально-эмоциональных значений конвенционально, то есть интонационные формы, соотносимые с определенными значениями, не являются мотивированными и демонстрируют качественно-количественные различия в зависимости от языка [7]. Это означает, что просодическое выражение социологизированных модальных и эмоциональных отношений в силу того, что оно не является универсальным, требует специального обучения как на уровне восприятия, так и на уровне продуцирования.

Современные исследователи устного перевода подчеркивают важность фонетической и в первую очередь просодической стороны речи в создании смысла и передаче коммуникативной интенции говорящего [2]. В управлении качеством устного перевода особая роль отводится фонологическому аспекту [4], и фонологическая компетенция переводчика, которая включает в себя знания о фонетической норме и особенностях произношения иностранного языка (звуки, просодия, акцентно-ритмическая организация слова и фразы и т. д.) в рамках выбранного автором фонетического стиля и его эмоционального состояния; умения и навыки применения этих знаний на практике, понимается как ключевое условие эффективной передачи информации [5; 7].

Примечательно, что в приведенном перечне фонологических навыков авторы исходят из априорного представления о наличии более или менее исчерпывающих описаний просодической нормы и ее варьирования в исходном и переводящем языках. Известно, однако, что просодическое воплощение высказываний отличается широкой вариативностью, обусловленной не только структурными факторами, стилистическим регистром и эмоциональностью речи, но и различного рода модальными диспозициями говорящих. В этих условиях владение исключительно базовыми интонационными моделями иллюкативных типов высказываний неспособно обеспечить понимание и передачу в переводе всего спектра модально-прагматических значений,

которые содержит в себе просодия. В связи с этим стоящая сегодня на повестке дня исследователей просодии задача выявления и описания тональных структур, противопоставленных различными значениями категории модальности, оказывается не менее актуальной и для переводческой практики.

Исследования, проведенные в последнее время на материале французского языка, уже позволяют составить определенный репертуар вариантов тональных контуров основных иллокутивных типов высказываний, различающихся значениями различных видов модальности (эпистемической, аксиологической, эмоциональной). Так, анализ вариативности акцентно-мелодической структуры общего вопроса и утверждения во французском языке позволил выявить функционально-прагматические варианты тональных контуров данных типов высказываний, определяемые соотношением в их семантической структуре значений эпистемической и эмоциональной модальности [3]. Установлено, что в современной французской диалогической речи выделяются, как минимум, четыре функциональные разновидности интонационного вопроса (нейтральный вопрос, уверенный вопрос, неуверенный вопрос, неуверенный эмоциональный вопрос) и пять функциональных разновидностей утверждения (нейтральное, уверенное, неуверенное, эмоциональное и уверенное эмоциональное утверждение). При этом характер взаимодействия модальных значений имеет различные последствия для мелодического воплощения высказывания. При совпадении эпистемического значения с внутренним содержанием иллокутивной модальности для актуализации высказывания используются прототипические контуры. Если в устном высказывании эпистемическое значение «вступает в конфликт» со значением иллокутивной модальности, высказывание актуализируется тональным контуром с противоположным иллокутивным значением. При высокой степени эмоциональности на передний план выходит эмотивное значение и мелодические признаки, участвующие в выражении эмоциональной модальности, вызывают нейтрализацию признаков, связанных с передачей иллокутивного и эпистемического значений. Например, и в эмоциональных вопросах, и в эмоциональных утверждениях используется один и тот же сложный восходяще-нисходящий тон высокого уровня.

Проведенное нами на материале телеинтервью исследование просодических вариантов специального вопроса во французском языке

со словами *pourquoi* и *comment* в инициальной позиции показало, что различия в акцентно-мелодической структуре вопросительного высказывания с достаточной регулярностью соотносятся с его модально-прагматическим содержанием.

В исследованном материале выявленные типы тональных контуров (глобальные vs центрированные) отличаются различной «предрасположенностью» к выражению дополнительных модально-прагматических значений. Высказывания с глобальным контуром, характеризующимся описанным в большинстве литературных источников высоким начальным уровнем и постепенным нисходящим движением тона с ударением на знаменательных словах, представляют собой нейтральный запрос информации:

Co'mment vous la percevez? ‘Как вы это видите?’

Pour'quoi certains partent? ‘Почему некоторые уходят?’

При восходящем движении тона на конечном слоге высказывания в среднем регистре такие глобальные контуры используются для выражения заинтересованности, приглашения собеседника к развитию темы:

Co'mment ça se 'fait, à votre avis? ‘Как это происходит, по вашему мнению?’

Pour'quoi c'est aussi compliqué? ‘Почему это так сложно?’

Вопросы с центрированными контурами, в которых просодически выделяется отдельный элемент на фоне ровной (сглаженной) акцентно-мелодической линии остальной части высказывания, отличаются разнообразием дополнительных смыслов, порождаемых коммуникативной структурой высказывания и модально-прагматическими установками говорящего.

Вопросы с интонационным центром на вопросительном слове демонстрируют разнообразие модально-прагматического содержания.

При том, что ведущая роль в выражении модально-прагматических значений принадлежит ядерному элементу, в этом процессе участвуют также и периферические составляющие тонального контура. Так, выделение вопросительного слова замедленно-ускоренным (выпуклая форма кривой ч. о. т.) нисходящим тоном средневысокого регистра, за которым следует равномерное пологое нисходящее движение на остальном участке контура, характерно для нейтрального вопроса, в котором предмет вопроса, его информационный центр, заключен в вопросительном слове:

*Co*mment vous percevez 'ça? 'Как вы это воспринимаете?'

*Pour*quoi ce para'doxe? 'Почему такой парадокс?'

Вопросы с резко восходящим тоном высокого регистра на ударном слоге вопросительного слова и ровным движением мелодии на завершающем участке выражают недоумение (удивление):

*Mais pour*quoi dites-vous ce >'la? 'Но почему вы такое говорите?'

*Co*mment est-ce que vous avez 'eu cette i >dée? 'Как вам пришла в голову эта идея?'

Падение тона с высокого уровня на вопросительном слове, ровное движение на участке, предшествующем подъему на конечном слоге высказывания, представляют собой настойчивый запрос информации, в котором говорящим одновременно выражается сомнение относительно истинности предыдущего высказывания собеседника:

*Pour*quoi ne peut-on pas l'imagination? 'Почему нельзя это представить себе?'

Отдельную группу с точки зрения просодической структуры и модально-прагматического содержания образуют вопросы с логическим выделением других членов предложения:

Comment vous >faites, dans ce cas-là? 'Как вы поступаете в этом случае?'

*Pour*quoi une telle, certains diront, débandade? 'Почему такой, кто-нибудь спросит, разброд?'

Они могут содержать как один, так и несколько интонационных центров и передавать целый спектр значений (упрек, недоумение, настояние, интерес, сомнение).

Таким образом, исследование просодической вариативности специальных вопросов во французском языке свидетельствует о ее коммуникативно-прагматической релевантности. Это дает основание утверждать, что различия в коммуникативной интенции говорящего, передаваемые посредством определенного набора признаков акцентно-мелодической структуры высказывания, должны быть предметом изучения при формировании фонологической компетенции устных переводчиков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аликина, Е. В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода: учебное пособие. — М.: Восточная книга, 2010. — 192 с. — EDN RAZXYZ.

2. Косенко, М. А. Понимание и перевод звучащей речи: специфика подхода // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном вузе: сб. ст. /

сост.: К. Б. Акопян; под.ред. С. Н. Курбакова.— М.: Издательство РГСУ, 2013.— С. 207—210.— EDN UBWIIZ.

3. *Лукашанец А. Б.* Соотношение видов модальности как основа функциональной дифференциации французских устных высказываний: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05.— Минск, 2009.— 147 л.

4. *Сказочкина Т. В.* Фонологический аспект в процессе управления качеством устного последовательного перевода // Тестология.— 2018.— С. 101—110.— EDN: ZZFGUP

5. *Эйнуллаева Е. А.* Роль просодии в устном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета.— 2011.— № . 607.— с. 283—289.— EDN NXMJUR.

6. *Di Cristo, A.* Les musiques du français parlé: Essais sur l'accentuation, la métrique, le rythme, le phrasé prosodique et l'intonation du français contemporain.— Berlin: Walter de Gruyter, 2016.— 522 p.— DOI: 10.1515/9783110479645

7. *Fónagy, I.* On status and functions of intonation // Acta linguistica Hung.— 1989.— Vol. 39, № 1—4.— P. 53—92.

УДК 811.111

Нильсен Евгения Александровна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, janenilsen@mail.ru,

Машкова Елена Романовна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, elen_msh@mail.ru.

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ПЕРЕВОДА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР КАК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИНТЕРАКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В фокусе внимания настоящего исследования находятся жанровые особенности компьютерных игр, которые обуславливают сложности и особенности их перевода и локализации. В статье делается вывод о том, что компьютерная игра представляет собой симбиоз аудиовизуального и художественного дискурса, что приводит к необходимости максимально точной передачи при адаптации на язык реципиента литературных приемов и заложенных в оригинале смыслов с применением сжатия текста для соблюдения пространственных и временных ограничений внутриигрового текста, а также с учетом художественных компонентов, представленных на дисплее в рамках игрового процесса.

Ключевые слова: перевод, локализация, компьютерные игры, квазиреалии, культурная адаптация.

В современном глобальном дискурсе за счет прогрессивного развития компьютерных технологий, в том числе разработки искусственного интеллекта и систем виртуальной реальности, а также их внедрения

почти во все сферы жизнедеятельности человека, наблюдается популяризация компьютерных игр, которые являются комплексным многоуровневым продуктом, включающим как элементы программного обеспечения, так и своеобразные формы современного визуального искусства, поскольку компьютерная игра состоит из изображения, сюжета и игрового процесса [6, с. 301].

По мере развития индустрии компьютерных игр и разработки огромного количества данного типа произведений компьютерные игры приобрели настолько большую популярность и известность, что некоторые из них определенно можно считать «предметами национальной гордости», к которым, например, можно отнести серию компьютерных игр «Ведьмак» от польского разработчика «CD Project Red» [1, с. 137].

Жанр компьютерной игры находится на стыке аудиовизуального и художественного дискурса, поскольку, с одной стороны, компьютерные игры являются аудиовизуальными произведениями, для которых визуальный компонент, представленный игроку на экране дисплея, имеет важнейшее значение, с другой стороны, в игре очень большую роль играет сюжет, история, которая, как в художественном произведении, поделена на последовательно и логически связанные между собой отрезки, включающие завязку, развитие событий, кульминацию, развязку. Следовательно, можно говорить о том, что компьютерные игры представляют собой пример интерактивной литературы, где реципиент оказывает огромное влияние на развертывание повествования [5, с. 137]. Несмотря на то, что на данный момент к типам интерактивной литературы принято относить только компьютерный гипертекстовый роман, визуальные новеллы и интерактивные книги [3, с. 59], компьютерные игры также следует относить к особому виду данного жанра художественно-аудиовизуальных произведений, так как большинство параметров и принципов организации текстового пространства и сюжетного повествования, характерных для указанных типов интерактивной литературы, актуальны и для компьютерных игр.

При переводе компьютерных игр, их локализации и культурной адаптации следует обратить внимание на такие компоненты игр, как:

- внутриигровой текст;
- художественные компоненты — графические элементы;
- кинематографическое кино;
- печатные материалы — текстовые материалы [2, с. 119].

Зачастую события, которые представлены в компьютерных играх, происходят в специально созданной и описанной альтернативной или вымышленной реальности. Одним из частых приемов разработчиков компьютерных игр по конструированию игровой реальности является создание уникальных культурных реалий, характерных только для данного аудиовизуального произведения — квазиреалий, под которыми подразумеваются слова (словосочетания), представленные в научно-фантастических произведениях, которые определяют элементы окружающей среды вымышленного мира [4, с. 295]. Таким образом, процесс культурной адаптации компьютерной игры с учетом особенностей региона, страны или группы населения переводящего языка, или же локализации, не следует рассматривать как обязательный этап перевода текстового компонента компьютерной игры, потому что практически невозможно сопоставить элементы окружающей среды игрового мира с элементами реальной действительности и, следовательно, невозможно преобразовать текст с учетом культурных особенностей переводящего языка по причине отсутствия аналогичных явлений в действительности. Однако в рамках локализации может возникнуть необходимость внесения изменений в конечный продукт, которая обусловлена различным восприятием со стороны разных культур (например, ситуаций и текстов, представляющихся уничижительными для той или иной культуры или отдельной группы людей).

Поскольку жанр компьютерной игры существует на стыке аудиовизуальных произведений и художественной литературы для перевода данного вида интерактивной литературы необходимо применять переводческие методы и приемы, характерные для каждого типа произведений, которые, однако, могут вступать в конфликт. Например, необходимый для соблюдения временных ограничений воспроизведения текста метод при переводе субтитровых компонентов — речевая компрессия — исключает возможность полноценной передачи образных выражений (стилистических особенностей) текста оригинала, для соблюдения единства и цельности которых необходима полная передача заложенных смыслов. Кроме того, для компьютерных игр характерно использование ограниченного пространства для текстовых сообщений, существующих в виде активного или всплывающего текстового окна, что также приводит к неизбежной утрате смыслов оригинального текста при переводе.

Таким образом, проблематика перевода компьютерной игры как вида литературы, являющейся симбиозом аудиовизуального

и художественного дискурса, может быть определена как необходимость передачи при адаптации на язык реципиента максимального количества литературных приемов и заложенных смыслов за счет сжатия текста для соблюдения пространственных и временных ограничений внутриигрового текста и учета художественных компонентов, представленных на дисплее в рамках игрового процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гришин О. Е., Иглиг Д. А.* Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации // PolitBook. — 2015. — N1. — С. 127–145. — EDN TWRULF.
2. *Гуров А. Н.* Ассеты как основные элементы локализации видеोगр // Казанская наука. — 2022. — N9. — С. 119–121.
3. *Романов И. А., Зейналова К. В.* Интерактивная литература как культурный феномен цифровой эпохи: опыт типологии // Русский язык в современном Китае. — 2020. — С. 55–60. — EDN IAIEHP.
4. *Тараканова Ю. Е.* Квазиреалии как лексический элемент научно-фантастического текста на примере перевода рассказа Февраль 1999: Илла Рэя Брэдбери на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. — 2009. — N1. — С. 294–299. — EDN KWDJPP.
5. *Шайко Е. Д.* Особенности перевода произведений интерактивной литературы как жанра на стыке аудиовизуального и художественного дискурса // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации. — 2023. — С. 137–139. — EDN IALXKB.
6. *MacLean H.* Translating Science Fiction: A Case Study / H. MacLean. — ATA Chronicle, 1997. — 205 p.

УДК 811.11

Осокина Наталья Юрьевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Северо-Западный институт управления
Санкт-Петербург, Россия, osnat@inbox.ru

О ПЕРЕВОДЕ СЛУЧАЕВ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА

Перевод случаев грамматической образности, предполагающей осознанное употребление грамматической формы в непредусмотренном языковой нормой контексте, может представлять ряд сложностей для переводчика. При переводе случаев интенционального семантического сдвига из англоязычных художественных произведений переводчики нередко избегают нарушения норм

согласования в русском языке, что приводит к потере как экспрессивности оригинального высказывания, так и его многозначности.

Ключевые слова: интенциональный семантический сдвиг, грамматическая образность, грамматическая метафора, градуальность, предметность, темпоральность, скрытые категории.

Интенциональный семантический сдвиг представляет собой осознанное употребление грамматической формы в контексте, который не является для нее нормативным, при этом намеренное нарушение языковых правил делает высказывания яркими и экспрессивными. Необычность и выразительность подобных высказываний, их способность получать различные толкования, а также их амбивалентность позволяют исследователям называть их «грамматической метафорой» [2, с. 24]:

The elderly woman left the room, her ice-cream unfinished. Then the couple, their son thinly between them [7, с.193].

В данном примере наречие *thinly*, которое на глубинном, семантическом уровне характеризует лицо — *their son*, в предложении используется как признак действия. В результате интенционального семантического сдвига *признак лица* — *признак действия* делается акцент на переносимом признаке, при этом передается непосредственность восприятия персонажа. Использование смещенного эпитета позволяет показать, насколько худеньким показался мальчик персонажу; при этом возможно и иное толкование: мальчик казался худеньким на фоне родительских фигур.

Возникающая при интенциональном семантическом сдвиге грамматическая образность не всегда может сохраняться при переводе. Примером сложных для перевода случаев намеренного нарушения языковых норм является перенос *неградуальность* — *градуальность*. Рассмотрим перевод интенционального семантического сдвига *неградуальность* — *градуальность* «very over» в произведении Э. Гилберт «Ешь. Молись. Люби» (*Eat. Pray. Love*). Данное выражение используется для характеристики взаимоотношений персонажей, которых даже трагические события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, ставшие потрясением и сплотившие всех жителей города, не смогли заставить встретиться, примириться и возобновить отношения.

Which is how we both knew it was very, very over [8, с. 154].

Наречие *over* выражает предельность, завершенность состояния. Используя сочетание *very over*, автор подчеркивает необратимость

решения расстаться, принятого персонажами, отсутствие возможности примирения. Вместе с тем, **very over** позволяет понять, насколько не просто было героине принять решение о расставании, ее сомнения и колебания.

Сохраняя повтор и присущую оригиналу ритмичность, автор перевода Ю. Ю. Змеева использует грамматически правильное сочетание **кончено навсегда**:

*Именно тогда мы поняли, что все **кончено, кончено навсегда**.* [3]

Отсутствие грамматического рассогласования в переводе приводит к потере выразительности оригинала, что до некоторой степени компенсируется экспрессивной коннотацией слов «кончено» и «навсегда».

Обратимся к еще одному примеру перевода семантического переноса *неградуальность — градуальность*. Использование выражения **very dead**, представляющее собой использование показателя степени признака **very** с неградуируемым прилагательным **dead**, представляется важным стилистически и тематически в романе С. Ахерн «Волшебный дневник» (*The Book of Tomorrow*). После смерти отца девочка снова и снова использует сочетание **very dead** на страницах своего дневника, выдавая тем самым свое потрясение, неспособность смириться с потерей, и попытку осознать то, с чем ей пришлось столкнуться.

*It is not possible to bring my dad back to life. I tried, when I found him lying dead on the floor of his office — **very dead**, in fact — blue in the face with an empty pill container by his side and an empty bottle of whiskey on the desk.* [5, p. 3]

При переводе данного сочетания Л. И. Володарская заменяет усилитель **very** на наречие «совсем»:

*Нельзя вернуть папу к жизни. Я попыталась, когда нашла его на полу в кабинете — **совсем мертвым*** [1].

Перевод «совсем мертвый» можно рассматривать как намеренный семантический перенос, поскольку в русском языке прилагательное «мертвый» не предполагает использование с показателями степени признака. Вместе с тем, выражение «совсем мертвый» представляется более приемлемым, чем сочетание прилагательного «мертвый» с усилителем «очень». Благодаря своей некоторой неправильности выражение «совсем мертвый» звучит словно бы по-детски, создавая образ очень юной девочки, возможно, даже не подростка, как предполагает повествование, а дошкольника.

Помимо этого, выражение «совсем мертвый» должно быть знакомо русскоязычному читателю благодаря использованию в фильме «Джентльмены удачи», что делает его использование достаточно естественным, несмотря на очевидное нарушение норм сочетаемости.

Перевод случаев грамматической образности, возникающей в результате переноса *неградуальность* — *градуальность* представляет собой сложную задачу для переводчиков, которые во многих случаях избегают нарушения норм сочетаемости, теряя при этом экспрессивность, многозначность и амбивалентность оригинала. Однако некоторые виды намеренного семантического переноса, встречающиеся в произведениях англоязычных писателей, в русском переводе могут быть не менее выразительными, чем в оригинале.

Пример интенционального семантического сдвига, который переводится на русский язык без использования трансформаций, является перенос *предметность* — *темпоральность* в структуре Numeral + Name of Object + later:

Twenty-two hours, four pizzas, one Indian takeaway, three packets of cigarettes and three bottles of champagne later, Daniel is still here [6, с. 111]

Двадцать два часа, четыре пиццы, один обед из индийского ресторанички, три пачки сигарет и три бутылки шампанского спустя, Даниел все еще здесь [4]

Использование существительных предметной семантики в структуре, предполагающей употребление существительных с семой темпоральности, позволяет представить, что время персонажа измеряется не только часами или минутами, но и количеством съеденного и выпитого, сигаретами и шампанским. Детальное, точное перечисление еды, спиртного и сигарет подчеркивает, насколько важными для персонажа являлась диета и самоограничения, и как сильно, но безуспешно она стремилась следовать правилам здорового образа жизни. Использованное в переводе А. Москвичевой перечисление съеденной еды, выпитого алкоголя, выкуренных сигарет вместе с темпоральным выражением «*двадцать два часа*» в сочетании с предлогом «*спустя*» сохраняет выразительность, многозначность и иронию оригинала. Можно предположить, что восприятие времени как процесса постоянного потребления представляется возможным не только для англоязычных, но и для русскоязычных читателей, при этом оно еще не стало узувальным, сохраняя определенную долю экспрессивности и передавая иронию повествователя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ахерн С.* Волшебный дневник. М. Иностранка. 2010 г. — Режим доступа: <https://litmir.club/bg/?b=140181> (дата обращения 19.09.2024)
2. *Масленникова А. А.* Особенности грамматической метафоры // Варшавская А. И., Масленникова А. А., Петрова Е. С. и др. Метафоры языка и метафоры в языке / Под ред. А. В. Зеленщикова, А. А. Масленниковой. — СПб.: 2006. — С. 21–44.
3. *Гилберт Э.* Есть, молиться, любить. М.: Рипол-Классик. 2018 г. — Режим доступа: <https://kniga-online.com/books/proza/sovremennaja-proza/119165-elizabet-gilbert-est-molitsya-lyubit.html>. (дата обращения 19.09.2024)
4. *Филдинг Х.* Дневник Бриджит Джонс. М.: Торнтон и Саген. — Режим доступа: <https://adebiportal.kz/upload/iblock/835/835265850d460cd7f546dc2b20c0dc0d.pdf> (дата обращения 19.09.2024)
5. *Ahern C.* The Book of Tomorrow. Harper. New York. 2010.
6. *Fielding H.* Bridget Jones's Diary. Picador. London. 2001.
7. *Gerrard N.* Solace. Penguin Books. London, New York, Camberwell, Toronto, New Dehli, Auckland, Rosebank. 2005.
8. *Gilbert E.* Eat, Pray, Love. Penguin Books. 2010.

УДК 81'33

Разумовская Вероника Адольфовна,
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия, veronica_raz@hotmail.com

ПЕРЕВОД АСТАФЬЕВСКОГО ТЕКСТА КАК «ВСТРЕЧА» ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО И ЭТНОПЕРЕВОДА

Статья обращается к тексту художественной литературы как объекту перевода с позиции принципа дополнительности (по Н. Бору), в соответствии с которым повесть современного классика В. П. Астафьева «Стародуб» анализируется как текст, сочетающий в себе характеристики сибирского текста и этнотекста. Исследование выполнено в соответствии с герменевтическим подходом, в рамках которого переводчик обретает статус «сверхчитателя» (по Х.-Г. Гадамеру).

Ключевые слова: сибирский художественный текст, этнотекст, В. П. Астафьев, культуронимы, культурный код, культурный трансфер.

На основе информационных параметров письменного оригинала в переводоведении выделяют несколько видов перевода. Когда объектом перевода выступает художественный текст, то данный вид тра-

диционно определяется как художественный или литературный. Теоретик перевода В. Н. Комиссаров предложил деление письменного перевода на два функциональных типа: «художественный (литературный) перевод и информативный (специальный) перевод» [6, с. 95]. Также как и создание оригинального текста литературы, художественный перевод является творческим процессом и с полным правом рассматривается как вид литературного творчества.

Ни в коей мере не оспаривая главной цели художественного перевода — создание вторичной иноязычной версии, которая способна оказывать на ее читателя художественно-эстетическое воздействие по силе сходное с воздействием на читателя текста оригинала, отметим, что данный вид перевода в силу объективных причин во многих случаях не всегда остается «чисто художественным». Прежде всего, речь идет о переводе филологическом, объектами которого наряду с фольклорными текстами являются и тексты художественной литературы. Такой вид перевода ориентирован преимущественно на текст оригинала и не предполагает обязательного выполнения присущей художественному переводу социокультурной функции, обеспечивающей удовлетворение эстетических потребности целевой аудитории. Для филологического перевода характерны следующие свойства: приоритет оригинала над вторичным текстом, верность переводчика автору оригинала; отказ от прескриптивности в пользу очевидно доминирующей дескриптивности, «буквализм» и ориентация на научное применение [3]. Вся история филологического перевода свидетельствует о том, что его ключевыми объектами становятся тексты классической литературы, обладающие сложным информационным комплексом, стилем изложения и имеющие большое значение в мировой литературе и культуре. Данному виду переводу подлежат памятники античной литературы и фольклора, религиозные и «сильные» тексты художественной литературы и, соответственно, культуры. В 2021 году в серии «Архив российской словесности» вышел сборник, посвященный деятельности известных переводчиков, работающих в СССР в 20–30-е годы и использовавших филологическое понимание перевода как ведущий метод герменевтики текста и стилистического анализа. Обращаясь к материалу отдельных изданий и собраний сочинений европейских классиков в русских переводах, авторы определили такой филологически точный перевод как художественно-филологический [9]. В соответствии с типологией перевода К. Норд, рассматривающей

перевод как целенаправленную деятельность, филологический перевод можно отнести к категории документального, поскольку он ориентирован на передачу свойств оригинала [11].

В силу того, что в художественном тексте возможно наличие не только эстетической, но и этнической информации, то ряд произведений литературы может быть как объектами художественного перевода, так и этноперевода. Для данного исследования значимым оказывается и то, что широко используемое в современной гуманитаристике понятие «сильного» текста в большинстве случаев применяется в отношении произведений национальной или мировой литературы. Тем не менее, «сильный» текст нередко начинает свой путь в литературах, авторски и тематически связанных с определенным регионом, что позволяет говорить о существовании «сильного сибирского текста». По мнению авторов коллективной монографии «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» к категории сибирских текстов принадлежат тексты о Сибири или тексты, созданные в Сибири [8]. Сибирские тексты содержат культурную информацию и память о Сибири, а в ряде случаев они обладают характеристиками этнотекстов в силу того, что содержат информацию о сибирских этносах и языках. В данном случае нельзя не согласиться с французскими антропологами, введшими в научный дискурс понятие этнотекста — текста, способного выполнять как коммуникативную, так и эпиплингвистическую функцию, отражающую связь говорящего со «своей» территорией, «своим» социумом, а также его отношение к «своему» языку и культуре [10]. В настоящем исследовании рассматриваются художественные тексты, обладающие как свойствами сибирского текста, так и этнотекста. К таким текстам, бесспорно, относятся произведения В. П. Астафьева, творческая судьба которого тесно связана с его родной енисейской Сибирью. Как автор-инсайдер, который не только писал о Сибири, но и жил в ней (Астафьев являлся сибиряком по рождению и большая часть его жизни прошла в Сибири), писатель был хорошо знаком с географией, природой, историей, культурным контекстом и культурным кодом региона.

В 1959 году в журнале «Прикамье» была опубликована повесть «Стародуб», рассказывающая о старообрядцах-кержаках, живущих на реке Онья в сибирском селе Вырубы. Переработанный вариант повести вошел в сборник, изданный в 1960 году в Пермском книжном издании и названный также «Стародуб». Таким образом, известно два

варианта астафьевского текста — 1959 и 1960 годов. Исследователи отмечают, что первый вариант считается попыткой объяснить «тайну цветка стародуба», который символизирует для автора неразрывную связь с его прародиной и семьей [4]. Во второй редакции был значительно усложнен нарративный рисунок повествования и расширен его объем, добавлены персонажи и сцены, а также изменены некоторые имена героев и места, в которых происходят действия повести. Тем не менее, название было сохранено автором, а цветок из сибирской тайги остался сквозным символом текста. Именно «Стародуб» является для автора-сибиряка знаковым произведением, с появлением которого Астафьев стал профессиональным писателем. Повесть дала название и первой зарубежной книге автора, изданной в Чехословакии в 1963 году. Только в чешском издании был использован вариант «Gorícvet» (горичвет). Регулярное включение повести в последующие прижизненные сборники убедительно свидетельствует об ее важности для автора и всего его творчества.

В «Стародубе» автор обращается к нескольким темам. И в первую очередь это «вечные» темы человека, природы и их сосуществования. Тема духовной эволюции человека преломляется в старообрядческом контексте, который был достаточно хорошо знаком Астафьеву. Образ главного героя Култыша создается в сложной мировоззренческой системе координат. В основе такой системы лежит этномировоззрение (кержаков — этноконфессиональной группы русских или селькупов — коренного сибирского этноса), мировоззрение Астафьева, важную роль в формировании которого имел его детский опыт, и философские установки Л. Леонова, которому автор посвятил свою повесть [5]. Астафьев создал запоминающийся портрет охотника Култыша, бесстрашного зверобоя, жизнь которого протекает в суровых условиях сибирской тайги. Но при этом образ «сибирского супермена» глубоко лиричен, а лирическим символом стал цветок стародуба.

Писатель обращается к стародубу не только в своем творчестве, но и в дневниках. Цветок тесным образом связан с его воспоминаниями о детстве и родных сибирских местах: «Цветов на моей родине очень много. И цветы наши пахнут по-особому. Вон, допустим, у стародубов запах густ, таежен, таит в себе пещерную мрачность, а в цветении он радостен и прекрасен своей застенчивостью. Понюхав потаенный и солнечный цветок-стародуб, не скажешь растроганно; “ах,

какая прелесть, цветочек!” Нет. Но непременно примолкнешь в себе, и что-то, веющее древностью, встревожит память». [2, с. 9]

В повести описание цветка и связанных с ним эмоций автора и его героев встречаются неоднократно. У Астафьева стародуб стал символом любви: «Сам Фаефан любил больше других цветов стародуб, редкий, таинственный и по-строному красивый цветок Сибири. Само собой, Култышу тоже поглянулся больше всех цветов — стародуб: ведь он пришелся по душе отцу — Фаефану Кондратьевичу, значит, стоил любви» [1, с. 15]. Весенние первоцветы присутствуют на протяжении всего повествования: цветы стародуба растут на могиле Фаефана; Култыш хочет подарить стародуб своей любимой Клавдии, вплести цветок в ее волосы; Клавдия хранит подаренный Култышем цветок за образами; стародуб (как свечу) держит в руках мертвый Култыш; засохшие стародубы, сохранившие свой «неслыханный запах», остались в опустевшей охотничьей избушке на Изыбаше. Появление стародубов становится точкой отсчета времени, начала весны и ледохода на реке.

Примечательно, что даже в латинском названии растения есть отсыл к Сибири: *Adonis siberica* или *Adonis arpenina* (адонис сибирский или адонис аппенинский). Символизм стародуба амбивалентен. Если у кержаков цветок символизирует стойкость, приверженность традициям, то для астафьевского героя это символ неиссякаемой любви и верности. В мировосприятии Култыша стародуб также стал символом дикой природы, тайги. Неслучайно, что в разговоре с детьми он обещает им, что когда они вырастут, то он возьмет их в тайгу и они нарвут стародубов.

В понимании неписанных законов тайги Култыш во многом близок мироощущению коренных народов регионов. Прежде всего, селькупов. Исследователи считают, что необходимо переосмыслить повесть в контексте новых научных исследований этноса селькупов для того, чтобы постичь глубину таежной философии, неотъемлемой частью которой является сакральное отношение к природе. В тексте Астафьева это отношение к стародубу — символу сибирской природы и важному элементу сибирского культурного кода. В силу этого, для передачи сложной символики цветка представителям других культур, переводчик может прибегнуть к комбинации различных видов перевода. А опыт перевода повести Астафьева показывает очевидные трудности для переводчиков в передаче как всей «природной» лексики,

так и цветка [7], что требует филологического подхода, предполагающего комментирование.

Таким образом, ингерентная гетерогенность информации текста художественной литературы определяет необходимость использования нескольких видов перевода (и, соответственно, стратегий). Такой комплементарный подход к объекту перевода и выделению единиц перевода позволяет наиболее точно воссоздать в переводе информацию оригинала, помочь переводчикам («сверхчитателям» оригинала) и «классическим» читателям перевода в ее восприятии и понимании, что будет, несомненно, способствовать успешному культурному трансферу, освоению и сохранению оригинала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьев В. Стародуб. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — 178 с.
2. Астафьев В. Предисловие // Перевал и другие повести. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1974. — С. 5—19.
3. Вишняков А. Г. «Филологический перевод» художественного текста. Опыт систематизирующего описания // Россия и Франция: взаимодействие языков и культур. Материалы Международной научно-практической конференции. — Орехово-Зуево: Издательство Государственного гуманитарно-технологического университета, 2019. — С. 124—128. — EDN EVIPCY.
4. Гончаров П. А., Воскобойникова Е. Б. Тема старообрядчества в двух вариантах повести В. Астафьева «Стародуб» // Наука и образование. — 2022. — Т. 5. — № 2. — Режим доступа: <http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4755> (дата обращения 15.07.2024).
5. Гранатова А. Мораль людей и закон тайги. Охотничьи портреты в повести В. Астафьева «Стародуб». — Режим доступа: <https://rospisatel.ru/granatova-astafjev.htm> (дата обращения 20.07.2024).
6. Комиссаров В. Н., Коралова А. Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. — М.: Высшая школа, 1990. — 127 с.
7. Разумовская В. А. Сибирский текст В. П. Астафьева в «других» языках и культурах: переводоведческий этюд // Chinese Journal of Slavic Studies. — 2024. — № 4 (1). — С. 108—123. — DOI 10.1515/cjss-2024-0001. — EDN TNCITJ.
8. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: Коллективная монография. — Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета, 2010. — 237 с. — EDN NJIUQX.
9. Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов. — СПб.: Нестор-История, 2021. — 720 с. — EDN FUAMWA.
10. Bouvier J.-C. Ravier X. Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France // Le monde alpin et rhodanien. Grenoble. — 1976. — № 1-2. — P. 207—212.
11. Nord Ch. Translation as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained. — Manchester: St. Jerome, 1997. — 160 p.

Трофимова Нэлла Аркадьевна,

НИУ ВШЭ,

Санкт-Петербург, Россия, nelart@mail.ru

Коваленко Дарья Дмитриевна,

НИУ ВШЭ,

Санкт-Петербург, ddkovalenko_1@edu.hse.ru

СОХРАНЕНИЕ АВТОРСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается методология анализа текста с использованием фоносемантической оценки, основанной на программе «ВААЛ-мини». Исследование включает в себя анализ оригинального текста и его перевода с целью выявления авторской тональности и ее сохранения в переводе. Методология включает 24 биполярные шкалы, которые позволяют оценить текст по антонимичным парам прилагательных, а также предполагает проведение корреляции статистических результатов с классификацией текстов по В. П. Белянину.

Ключевые слова: фоносемантическая оценка, переводческий анализ, авторская тональность, психолингвистика, В. П. Белянин.

Художественный текст как объект анализа не ограничивается взглядом на его эстетическое восприятие читателем — изучает языковые связи и целостность текста. Комплексное рассмотрение лингвистического, стилистического и социального аспектов текста при анализе дает возможность не только выделить вербальные средства передачи идейного восприятия и эмоционального содержания текста, но и углубиться в специальное изучение общеязыковых и авторских метафор.

Именно психолингвистический подход избран методологической основой настоящего исследования, обзор теоретических работ в рамках которого (Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. А. Леонтьев, В. П. Белянин и др. [1–3, 7–11, 13–14, 17, 18]) показал значимость категории автора при интерпретации и переводе художественного текста: текст представляет собой выражение мышления и речевого сознания, из чего следует детерминированность соответствия психологических аспектов личности (психологическая акцентуация, норма личности) автора (переводчика) и читателя для адекватного восприятия текста последним [4–5] (см. также [12], [16]).

В контексте настоящей статьи особый интерес представляет роман П. Зюскинда „Das Parfum. Geschichte eines Mörders” [19], перевод

которого избран объектом исследования. Предметом исследования является сопоставительный сентимент-анализ оригинального текста с русскоязычным вариантом романа (перевод. Э. Венгеровой) [6] с целью установить, удалось ли переводчику сохранить эмоциональную составляющую исходного текста.

Актуальность выбранной темы обусловлена применением психолингвистического метода и использованием количественных методов анализа текста. Новизна исследования заключается в применении в качестве инструмента отечественной лингвистической компьютерной программы „VAAL-mini”, способной категоризировать эмоциональные элементы текста.

Согласно В. П. Белянину, каждый языковой элемент в равной степени подчиняется как лингвистическим, так и психологическим законам; организующий центр — эмоционально-смысловая доминанта [1, с. 5]. Ученый предлагает понимать текст как связующий элемент следующей системы: «действительность — сознание — модель мира — язык — автор — текст — читатель — проекция», однако в контексте нашего исследования следует дополнить авторскую последовательность звеном «переводчик».

Мы не рассматриваем художественный текст как имманентную сущность, так как ключевые элементы настоящего исследования — это автор, переводчик и эмоциональный аспект восприятия оригинального текста и его перевода. Кроме того, В. П. Белянин выдвигает положение о «подобии интеллектов» как об основополагающем элементе психолингвистического анализа, согласно которому текст воспринимается наиболее адекватно тем читателем, чьи психологические особенности наиболее близки авторским [1, с. 8] (см. также [15]).

В. П. Белянин предлагает типологию текстов, основанную на интуитивном делении, рекомендованном Л. В. Щербой [1, с. 6] (см. также [18]). Он выделяет следующие типы текстов: светлый, активный, темный, печальный, веселый, красивый и сложный, делая при этом некоторые оговорки. В о - п е р ы х, данная типология не может охватить все существующие тексты из-за специфики метода и его динамичности. В о - в т о р ы х, «высокохудожественные» тексты могут содержать несколько эмоциональных доминант и классифицироваться как «смешанные». Тем не менее подобное деление текстов способствует созданию более глубокого представления о семантике

и структуре текста, а также может быть эффективным инструментом при переводе. Рассмотрим кратко основные типы текстов, важные для настоящего исследования: светлый, активный и темный.

Светлые тексты характеризуются наличием героев с высокими моральными качествами. Эти тексты выражают идеи борьбы и единства, но с меньшей эмоциональной интенсивностью по сравнению с активными текстами. Активные тексты представляют борьбу между добром и злом, где герой проявляет героизм и преданность. Стиль таких произведений динамичен, а финал может быть ознаменован как героической смертью, так и полной победой над врагом. Темные тексты отличаются более жестокой оппозицией добра и зла, где конфликт происходит на личностном уровне и включает элементы хитрости и обмана. Темные тексты часто изображают широкий спектр эмоций, включая тоску и злость, могут включать религиозные темы.

Предложенная типология художественных текстов позволяет говорить о состоятельности описанного психолингвистического метода анализа в современных реалиях [метод актуален, не имеет замкнутой системы, что подразумевает дополнения].

Произведение П. Зюскинда „Das Parfum. Geschichte eines Mörders“ [19] было написано и опубликовано Швейцарским домом книги в 1985 году; русскоязычная публика имела возможность познакомиться с романом в переводе Э. В. Венгеровой в 1991 в журнале «Иностранная литература» [6]. Автор романа педантично подошел к созданию этого текста: еще в студенчестве он углубленно изучал средневековую и современную историю, собирал материал, который помог создать автономный и в то же время уникальный мир буржуазной Франции. «Парфюмер» [19] имеет под собой и практическую основу: прежде чем начать работу, П. Зюскинд посетил места действия будущего произведения и изучил тонкости парфюмерного дела (на фабрике Fragonard, названной в честь французского живописца Жан-Оноре Фрагонара). Такая глубокая и всесторонняя подготовка способствовала созданию художественного текста, коррелирующего с эстетикой постмодернизма.

Изложенные теоретические сведения дают нам общее представление о произведении и его авторе, достаточное для перехода к практической реализации психолингвистического метода анализа художественных текстов В. П. Беянина в приложении к тексту романа П. Зюскинда. В качестве инструмента анализа в исследовании используется компьютерная программа VAAL (версия mini), способная

провести лингвистическую экспертизу текста, в частности, определить его тональность.

Методика анализа предполагает выполнение следующих шагов. Анализируемый оригинальный текст подгружается в диалоговое окно программы для проведения «фоносемантической оценки текста» (для удобства анализа текст был разделен на 10 равноценных частей). Программа использует для наглядности 24 биполярные шкалы, каждая из них представлена антонимичной парой прилагательных и подкреплена числовой и цветовой оценками: красной, если текст тяготеет к «левому» антониму, синей, если к «правому», или темно-серой в случае нейтральной позиции). Далее выявляется корреляцию статистических результатов с типом текста по типологии В. П. Белянина. Затем то же самое проделывается с переводом исследуемого произведения. Последним этапом является сравнение полученных результатов: в том случае, когда они тождественны, мы можем говорить о том, что переводчику удалось сохранить авторскую тональность.

Анализ оригинала показал, что все элементы, за исключением последнего*, имеют практически идентичные статистические результаты: «Данный текст производит впечатление ПЛОХОГО, КРАСИВОГО, ШЕРОХОВАТОГО, УГЛОВАТОГО, ЗЛОГО, ТЕМНОГО, НЕИЗМЕННОГО, ТЯЖЕЛОГО, ГРУБОГО, МУЖЕСТВЕННОГО, СИЛЬНОГО, ХОЛОДНОГО, ТИХОГО, ХРАБРОГО, МОГУЧЕГО, БОЛЬШОГО, ГРУСТНОГО, ПОДВИЖНОГО, БЫСТРОГО, ЯРКОГО, РАДОСТНОГО». В синей части шкалы преобладают отрицательно-оценочные прилагательные ПЛОХОЙ, ШЕРОХОВАТЫЙ, УГЛОВАТЫЙ, ЗЛОЙ, ТЕМНЫЙ, НЕИЗМЕННЫЙ, ТИХИЙ, ГРУСТНЫЙ. В «красной» части шкалы наибольшие показатели имеют прилагательные ГРУБЫЙ, МУЖЕСТВЕННЫЙ, СИЛЬНЫЙ, ХОЛОДНЫЙ, ПОДВИЖНЫЙ, БЫСТРЫЙ. Этот набор характеристик позволяет нам отнести оригинал романа к категории «темных» текстов с эпилептоидной акцентуацией по следующим причинам. В о - п е р в ы х, время и пространство в романе подвижно, импульсивно и абстрактно, что подтверждается такими показателями, как «подвижный», «быстрый», а также «шероховатый», «угловатый» — их числовые оценки близки и выше 100. В о - в т о р ы х, личность главного героя психопатична,

---

* Мы отвели заключительный элемент под итоговую главу романа, так как изменение тональности можно считать даже на уровне содержания: смерть главного героя символизирует освобождение, катарсис, что стимулирует смену акцентуации текста.

в том числе эгоцентрична; его действия направлены на реализацию собственного гения, что противоречит существующим моральным нормам и законам — все это репрезентировано в таких категориях, как «мужественный» (имеет самый высокий показатель среди других 24 пар антонимов, показывает замкнутость мира героя на себе самом, практически отсутствуют рассуждения об убитых девушках), а также «грубый», «холодный» (собственное равнодушие к миру, как и мира к Греную), «плохой», «злой», «темный», «низменный» (наличие в произведении сниженной лексики, что роднит его с «активным» типом текстов).

Анализ перевода Э. В. Венгеровой дал неожиданные результаты: «Данный текст производит впечатление *ХОРОШЕГО*, СТРАШНОГО, ПРОСТОГО, ЗЛОГО, *ВЕЛИЧЕСТВЕННОГО*, ТЯЖЕЛОГО, ГРУБОГО, МУЖЕСТВЕННОГО, СИЛЬНОГО, ХОЛОДНОГО, *ГРОМКОГО*, ХРАБРОГО, МОГУЧЕГО, БОЛЬШОГО, *ВЕСЕЛОГО*, *МЕДЛИТЕЛЬНОГО*, *МЕДЛЕННОГО*, АКТИВНОГО, ЯРКОГО, РАДОСТНОГО.

Очевидно, что большинство категорий сменило направленность на противоположную, стало более выраженным, в результате чего текст стал менее акцентным, «светлым». «Шероховатость» и «угловатость» «изгладились», их статистические показатели пришли к среднему значению в сравнении с парными антонимами (от близких к 100 до 0–10). Темп повествования также замедлился («подвижный», «быстрый» — «медленный», «медлительный»), а форма стала более возвышенной («величественный» вместо «низменного»). Более того, концентрация категории «мужественный» снизилась в двое, а тип «сильный», наоборот, увеличился почти в два раза. Иными словами, тональность текста в результате перевода претерпела радикальные изменения, что, безусловно, в некотором роде искажает авторское видение романа. В результате перевода тип текста анализируемого произведения стал скорее «светлым», чем темным, а также менее «активным».

Такое преобразование можно объяснить тем, что в советском пространстве наиболее популярными являлись именно «светлые» тексты: социальная среда, литературный опыт того времени повлияли на смещение тональности произведения в ходе переводческой работы. Кроме того, тождественность объемов двух текстов* говорит о при-

---

* Русскоязычная версия произведения короче оригинала всего на 20 страниц, что довольно необычно для переводной литературы с немецкого языка, ведь довольно часто оригинал как минимум за счет сложного устройства немецких синтаксических конструкций двукратно превышает размер перевода.

внесении художественного [авторского] элемента Э. В. Венгеровой в перевод, что можно рассматривать как вариант суггестии, [бес]сознательным искажением стилистики, или реализации персуазивности в качестве прагматического инструмента воздействия на читателя посредством использования определенных лингвистических конструкций и отказ от других: при переводе стиль текста стал более возвышенным за счет уменьшения сниженной лексики, наблюдаемой в оригинале, были привнесены новые смыслы: добавочный философский смысл, стимулирующий читателя к множественной переоценке личности героя в мире, отношения мира к нему и своей позиции в контексте происходящего — эгоцентричность Гренуя и ее репрезентация претерпели когнитивные метаморфозы в читательском восприятии. Акцентуация сместилась с эпилептоидной на паранойяльную, преобразив конфликт злого гения с миром в конфликт общечеловеческий, иными словами, моральный облик персонажа был изменен.

Таким образом, в результате проведенного анализа, основанного на определении типа текста с помощью лингвистического приложения VAAL-mini, был получен результат, опровергший внешнее (качественное) впечатление о стилистической и эмоциональной эквивалентности оригинального текста П. Зюскинда и перевода романа Э. В. Венгеровой. Этот результат демонстрирует состоятельность предложенной методологии в отношении оценки качества перевода.

Исследование показало значимость психолингвистического подхода, разработанного В. П. Беляниным, в анализе художественных текстов и оценке качества перевода. Тем не менее нельзя игнорировать необходимость доработки типологии текстов с упором на «смешанные» типы произведений для получения релевантных результатов. Более того, комментируя типологию, предложенную В. П. Белянином, мы не случайно остановились на первых трех типах текстов: «светлом», «активном» и «темном». Как видно из результатов исследования, в рассмотренных текстах присутствуют в той или иной степени именно эти категории, переходя одна в другую (принципиальные изменения происходят на уровне стилистики и лексики, что при «медленном чтении» романа выходит на уровень метатекстуальных аспектов: идеологии романа, его морали, восприятию читателя и, как итог, влиянию, оказанном на канон).

Как кажется, предложенная методология, заключающаяся в обоюдном применении количественных методов анализа посредством

приложения VAAL-mini и психолингвистической концепции текста В. П. Белянина, может стать инструментом, который решит проблему оценки качества перевода как уже изданных литературных текстов, так и предстоящих к публикации; ее применение может быть целесообразным как при написании лингвистических научных работ, так и в преподавательской практике, показывающей возможность применения количественных методов анализа литературного текста и его перевода (в частности, при характеристике переводческой работы).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Белянин В. П.* Основы психолингвистической диагностики // Модели мира в литературе. М.: «Тривола», 2000. — EDN HSKRGB.
2. *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий // Варианты речевого поведения. М.: «Наука», 1993.
3. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Психологические исследования. М., Л., 1934.
4. *Гумбольдт В. О.* О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859.
5. *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 1994. — № 4. — С. 17–33. — EDN SCKGRB.
6. *Зюскинд П.* «Парфюмер. История одного убийцы» / Пер. с нем. Венгеровой Э. // «Иностранная литература», 1991. № 8.
7. *Корниенко А. Ф.* Соотношение понятий «Язык», «Мышление» и «Сознание» в психологии и когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики / А. Ф. Корниенко. — 2013. — № 3 (36). — EDN QINVQZ.
8. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность // М.: «Просвещение», 1969. С. 15. — EDN NKXEGF.
9. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Из лекций об основах художественного творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1907. Т. 1. С. 29.
10. *Пропп В. Я.* Трансформация волшебных сказок // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: ГРВЛ — «Наука», 1976. С. 153–173.
11. *Рубинштейн Л. С.* Основы общей психологии. В 2-х т. М., 1989. — EDN YWVSRD.
12. *Семенов В. Е.* Исследование процессов восприятия произведений литературы и искусства // Психологический журнал, 1995. Т. 6. № 3.
13. *Сент-Бев Ш.* Из работ разных лет // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: «Искусство», 1983.
14. *Франц М. Л.* Психоанализ сказки / Пер. с англ. // «Б. С. К.», 1998.
15. *Шаффа А.* Введение в семантику / Пер. с польского М. Я. Гловинской, Н. г. Комлева, В. Ф. Конновой // М.: «Иностранная литература», 1963.
16. *Шкловский В.* Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка, 1917.
17. *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 97.

18. Эннекен Э. Опыт построения научной критики: Этопсихология / Пер. с фр. Д. Струнина // СПб.: журн. «Русс. Богатство», 1892.
19. Süskind P. “Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders” // 1985.

УДК 81'25

Шамилов Равиддин Мирзоевич

НИУ «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия, raviddin@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «БЕСКАЧЕСТВЕННОГО» ПЕРЕВОДА: МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА?

В статье даются пояснения к определению перевода, предложенному в русле потребностноориентированного подхода, с целью минимизировать риск его ошибочной интерпретации со стороны коллег-исследователей. В то же время на основе анализа коммуникативно-функциональной дефиниции перевода, которая, в отличие от потребностноориентированной, по авторской задумке претендует на статус определения «перевода вообще» и якобы не содержит (по крайней мере явно выраженных) требований к качеству, высказывается сомнение в обоснованности такого суждения.

Ключевые слова: определение перевода, эргономичность, потребностноориентированный подход, коммуникативно-функциональный подход, инициатор перевода, потребитель перевода.

На написание настоящей статьи нас побудил комментарий к предложенному нами в рамках потребностноориентированной концепции определению перевода, который встречается на страницах недавно увидевшей свет монографии В. В. Сдобникова [2]. Из работ, написанных В. В. Сдобниковым как до [4], так и во время и после разработки коммуникативно-функциональной концепции перевода [1, 3], известно, что исследователь стремится найти то самое определение перевода, которое было бы лишено двух недостатков, свойственных многим дефинициям, сформулированным прежде всего в русле лингвистического подхода к переводу. Критике подвергаются исследователи, которые, определяя перевод (как процесс и/или результат), либо а) склонны рассматривать его как деятельность ради деятельности, т. е. осуществляемой без какой-либо цели; либо б) за счет использования оценочной лексики в отношении результата переводческой деятельности предъявляют требования к его качеству и тем самым

подразумевают исключительно «хороший» перевод. Итогом анализа существующих определений перевода становится авторское — коммуникативно-функциональное — определение [1, с. 46–47], которое, как следует полагать, и должно явить собой пример дефиниции «бескачественного» перевода, вопреки высказанному ранее коллегами (напр. [5]) мнения о невозможности определения «перевода вообще». На вопрос, удалось ли В. В. Сдобникову действительно вывести определение «бескачественного» перевода, ответим чуть позже. Но перед этим считаем необходимым пролить свет на отдельные моменты нашего — потребностноориентированного — определения перевода, не совсем верное понимание которых может послужить причиной заблуждения при его интерпретации.

Потребностноориентированное определение перевода звучит следующим образом: «Перевод — это услуга, в результате оказания которой на языке перевода с опорой исключительно на подлинник создается текст (продукт) с заданным языковым оформлением, наделяющим его способностью удовлетворить потребность инициатора и/или потребителя перевода в полном соответствии с его ожиданием в отношении конечного продукта, своей эргономичностью призванного обеспечить инициатора/потребителя перевода возможностью успешного решения конкретной задачи в рамках осуществления его предметной деятельности» [6, с. 128–129]. Внимание В. В. Сдобникова на себя обращает параметр «эргономичность», который он ошибочно связывает исключительно с потребителем перевода [2, с. 100], т. е. результат переводческой деятельности, по его мнению, должен быть эргономичным (удобным) прежде всего (если не только лишь) для его потребителя. Вследствие собственного ограничения сути понятия «эргономичность» исследователь усматривает в определении перевода наличие требования к качеству продукта: «получается, что если перевод не удовлетворяет указанным требованиям (а на практике это бывает, увы, довольно часто), то созданный переводчиком продукт не имеет права называться переводом» [2, с. 100–101].

А между тем эргономичность следует рассматривать как параметр универсальный, который может применяться в отношении продукта переводческой деятельности как инициатором (коим могут быть автор исходного текста, заказчик и сам потребитель), так и конечным потребителем, о чем, собственно, недвусмысленно говорится в нашем определении перевода. Разница лишь в том, что в одном случае пере-

вод считается эргономичным по умолчанию, когда на языке перевода воссоздается полноправный функциональный аналог оригинала, максимально повторяющий его в языковом оформлении, т. е. не имеющий каких бы то ни было текстовых расхождений с оригиналом. Можно сказать, что такую эргономичность перевод «наследует» от оригинала, который становится эргономичным *per se* в момент его порождения автором с соблюдением принципа единства формы и содержания. В другом случае эргономичность не «наследуется», а задается (приобретается) за счет особого (пекулярного) языкового оформления, в той или иной степени нарушающего единство формы и содержания оригинала в авторской задумке (сюда можно отнести такие разновидности перевода как фрагментарный, аспектный (выборочный), реферативный, адаптивный переводы и подстрочник) и обусловленного необходимостью удовлетворить особую потребность и особое ожидание лица, инициировавшего перевод. Именно о такой эргономичности следует говорить, когда по ней о качестве перевода судит именно потребитель перевода, в том числе когда он же выступает и инициатором. Включение в наше определение перевода параметра эргономичности, как одного из ключевых понятий потребностноориентированной концепции перевода, было сделано вовсе не с целью предъявления требований к качеству перевода, а скорее за счет его универсальности охватить, насколько это возможно, все многообразие разновидностей перевода независимо от их языкового оформления.

А теперь взглянем на обещанное определение В. В. Сдобникова: «<...> перевод можно определить как речевую деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ с опорой на текст на ИЯ, результат которой выступает в качестве инструмента обеспечения успешной предметной деятельности инициатора перевода и коммуникантов в данной коммуникативной ситуации» [1, с. 46–47]. На первый взгляд может показаться, что определение сформулировано так, что, как говорится, комар носа не подточит. При внимательном прочтении, однако, можно заметить выраженную одним единственным словом оценочность, которая может послужить основанием для причисления и этого определения к числу тех, в которых эксплицитно или имплицитно наличествует требование к качеству перевода. Речь идет, конечно же, о прилагательном «успешной». Значит ли это, что если перевод оказывается не способным позволить коммуникантам успешно

осуществить свою предметную деятельность, то это не перевод вовсе? Если это так, то в таком случае смеем заключить, что и эту попытку определения «бескачественного» перевода, предпринятую В. В. Сдобниковым, вряд ли можно считать удачной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Сдобников В. В.* Перевод и коммуникативная ситуация: монография. — Москва: Флинта: Наука, 2015. — 464 с. — EDN QDXTBL.
2. *Сдобников В. В.* Российское переводоведение в XXI веке. Проблемы и перспективы: монография. — Москва: Флинта, 2024. — 240 с. — EDN QRSWHL.
3. *Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В.* Теория перевода (Коммуникативно-функциональный подход): учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. — Москва: Изд-во ВКН, 2019. — 512 с. — EDN LIOEPZ.
4. *Сдобников В. В., Петрова О. В.* Теория перевода: [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков]. — Москва: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. — 448 с. — EDN HFGBNS.
5. *Семко С. А.* Лекции по теории перевода: учебное пособие. — Нижний Новгород: НГЛУ, 2005. — 92 с.
6. *Шамилов Р. М.* Что такое потребностноориентированный подход? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2023. — № 1 (61). — 116–135. — DOI 10.47388/2072–3490/lunn2023-61-1-116-135. — EDN DIREIQ.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.581

Броневич Татьяна Александровна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, bronenitch.a.tatyana@yandex.ru

ТРИ ВЕРШИНЫ ТРЕУГОЛЬНИКА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ

Статья посвящена анализу межотраслевых программ подготовки специалистов со знанием китайского языка, рассмотрению учебных планов некоторых отдаленно взятых вузов, традиционно ориентированных на подготовку специалистов с углубленным изучением китайского языка в качестве иностранного, уделено внимание различным моделям реорганизации учебных программ, принимая во внимание актуальные направления подготовки специалистов.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, профобразование, образовательные программы, востребованность на рынке, квалифицированные кадры, профессиональные компетенции.

Стремительные изменения социальной, культурной, экономической и геополитической ситуации последних лет определили «модальность» развития общества в целом. Настало время бурного развития промышленности, науки и образования, период крупных, смелых, прорывных проектов. Вектор современного социального развития определяет тесную связь образования, науки и экономики. Происходящие события требуют своевременной реакции, представителю новой действительности необходимо обладать высокой степенью адаптации к специфике формирующихся человеческих отношений, требуют постоянного самосовершенствования и поводят к осознанию степени профессиональной состоятельности участника этих событий. Образовательные институты в бурном социально-экономическом развитии государства выступают в качестве структур, на которых возлагается миссия по воспитанию представителя новой формации, своего рода «универсального специалиста», способного влиться в стремительный

поток перемен. Важность этой задачи определяется доктриной образования в Российской Федерации, где в качестве стратегической цели образовательного процесса заявлено «кадровое обеспечение динамично развивающейся рыночной экономики, способного интегрироваться в мировое хозяйство, обладающего высокой конкурентоспособностью и инвестиционной привлекательностью» [2]. Таким образом, вектор образовательного процесса указывает на формирование соответствующего уровня интеллектуально-инновационного потенциала специалистов».

В ситуации, когда во всех общественных и личных отношениях господствуют законы рынка [3, с. 93] рынок образовательных услуг, в свою очередь, оформился в отдельную отрасль мирового хозяйства, отражающую потребности социального развития и требования рыночной экономики.

Изменения в обществе мотивируют вузы к необходимости своевременной реакции на актуальные проблемы образования и являются аргументом для разработки различных моделей реорганизации учебных программ, принимая во внимание актуальные направления подготовки специалистов. С учетом современных тенденций, в рамках образовательной системы отводится особая роль экспертам, владеющих иностранным языком, соответственно, повышаются требования к воспитанию специалистов, ориентированных на профессиональную отрасль и опорой на преимущество учебного заведения в целях повышения динамики профессиональных характеристик.

Одним из наиболее актуальных направлений деятельности вузов традиционно направленных на преподавание иностранных языков в современный период можно считать работу по подготовке и внедрению межотраслевых программ профессиональной направленности с изучением иностранного языка. Если говорить о преподавании китайского языка, то в данной специализации в качестве наиболее актуальных направлений подготовки на данный момент можно считать экономические и юридические специальности различного профиля, плюс программы по направлениям торговое дело и туризм.

При рассмотрении учебных планов профильных направлений отдельных университетов (для анализа использовались учебные программы «Международная экономика и торговля», «Экономика и бизнес стран Востока» реализуемые Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации», подготовленная Санкт-

Петербуржским Университетом программа «Юриспруденция (с углубленным изучением права КНР)», программа экономического направления профиля «Экономика предприятия с углубленным изучением китайского языка» Санкт-Петербургского государственного экономического университета), можно отметить определенную закономерность распределения общего объема учебной нагрузки на предметы междисциплинарной направленности. Анализ показал, что от общего количества зачетных единиц в среднем от 218 до 300, на предметы профессиональной направленности отводится от 15% до 35%.

В ходе комплексного анализа учебных планов профильных направлений по программам междисциплинарной подготовки стали заметны некоторые проблемы, главной из которых надо считать сокращение часов иностранного языка в учебной программе и тенденцию, направленную на преподавание иностранного языка без прямой взаимосвязи с соответствующими профессиональными знаниями; ситуация, когда направление языковой подготовки не соотносится напрямую с профессиональным. Проблему практического обучения иностранному языку (в конкретном случае речь идет о китайском языке), можно сформулировать как отсутствие общих концепций практической подготовки для отработки профессиональных навыков, обеспечивающих применение полученных знаний после окончания учебы.

В учебных планах зачастую наблюдается хаотичность согласования дисциплин, дефицит часов на комплексные академические исследования в формате студент-преподаватель, отсутствие мотивации и творческой инициативы учащихся в применении языковой базы в целях развития профессиональных навыков.

В ситуации, когда по условию задачи заявлена ориентация научной составляющей учебной программы на подготовку наукоемких грамотных специалистов, владеющих языковыми навыками, способных своевременно обрабатывать актуальную информацию, обладающих трансграничными навыками, то в таком случае возникает необходимость корректировки программы в сторону увеличения количества часов иностранного языка и обязательного добавления страноведческой компоненты.

Модели межотраслевой направленности обучения по системе «язык + страноведение» предполагают различные формы варьирования. Модули курсов профессионального образования разумно разрабатывать на базе рационального взаимодействия теории и практики,

обязательных и факультативных курсов и строгим балансом в распределении учебной нагрузки, делая акцент на сочетании научных исследований и практики.

Что касается методики преподавания китайского языка как иностранного, направление специализации следует ориентировать не только на рынок и на развивающиеся технологии, но и на особенности деловых отношений с партнерами, учитывая весь спектр национального многообразия. В данном аспекте рамки программы расширяются и предполагают наличие трех компонентов, такие как «специальность + язык + страноведение». Такая комбинация образовательных модулей позволит получить специалиста высокого уровня подготовки, способного проявить свои профессиональные навыки и показать себя как грамотного сотрудника в большой компании, правильно применять полученные знания на практике и достойно выступать в роли участника профессиональных взаимоотношений с учетом специфики деловой коммуникации и иерархии корпоративных взаимоотношений.

Разрабатывать программу профессиональной подготовки необходимо с учетом опережающей динамики развития дисциплины и актуальных потребностей учащихся в дальнейшем обучении и трудоустройстве. Профессиональное содержание дисциплин и приоритетность программы подготовки может поддерживаться практической деятельностью и активным участием в научных междисциплинарных исследованиях.

Структура курса по реализации профессиональной программы по модели «язык + специальность + страноведение» на начальном этапе предполагает обеспечение должного базового уровня языковых знаний. В целях выполнения поставленной задачи, на первом курсе параллельно с освоением дисциплин профессионального направления, целесообразно сосредоточиться на углубленном преподавании иностранного языка; наработать соответствующую лексическую базу, навыки разговорной речи, чтения, письма и перевода, аудирования, сформировать комплекс грамматических знаний для языкового обеспечения дальнейшей отраслевой базы.

В дальнейшем, научно обоснованная комбинация образовательных модулей в четком соответствии с целью обучения, будет использоваться для формирования максимально полной системы учебных программ, направленных на получение студентами прочных знаний иностранного языка и в то же время овладения полными и систематическими знаниями по дисциплинам профессиональной направленности.

В целях достижения развития способностей к всестороннему мышлению и применению прикладных профессиональных навыков и знаний может служить организация и проведение практических мероприятий и системы практик на производственных площадках. Идея кооперации образовательной платформы с производственной базой созвучна приоритетным направлениям совершенствования высшего образования правительства РФ. Согласно докладу о реализации государственной политики в сфере образования, «усиление практической подготовки студентов с участием предприятий, формирование профессиональных компетенций выпускника с учетом непрерывных изменений требований рынка труда к квалификации работников, а также потребностей конкретной отрасли и региона» сможет оказать значительное влияние на развитие перспективных направлений высшего образования [1].

Относительно направлений с применением китайского языка, взаимодействие с промышленными предприятиями, которые сотрудничают с Китаем, языковые стажировки с внедрением практики на предприятиях следует рассматривать в качестве одного из приоритетных направлений в работе. В дальнейшем, подобная практика может способствовать созданию баз совместных международных студенческих профессиональных практик.

Очевидно, что в процессе организации такого профиля подготовки на преподавателя возлагается двойная нагрузка; в качестве академического наставника он будет выступать в двух ипостасях; через использование различных методик преподавания иностранного языка (мы, в данном случае, говорим о китайском языке), позднее, посредством синтеза практики применения и практики понимания языка, уже как инструмента познания, выходить на освещение дисциплин профессиональной направленности.

На этом этапе можно столкнуться с проблемой нехватки преподавателей должного уровня подготовки. На первых порах, в качестве начального эксперимента, было бы рационально часть практических часов отраслевых дисциплин предложить **совместно** вести преподавателю по специальности и преподавателю китайского языка, с последующей разработкой соответствующей учебной дисциплины.

В качестве средств достижения поставленной цели можно использовать существующую базу создания эндогенного механизма совместных образовательных программ, партнерских тематических исследований, которые можно реализовать в сетевой форме с китайскими

вузами—партнерами. Освоение инновационных отечественных и зарубежных передовых технологий проведения педагогической практики, актуализация мультимедийных практик профессиональной подготовки должно стать приоритетным направлением в процессе подготовки преподавательского состава и решении проблем профессионального совершенствования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Доклад* правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Москва 2023 г.
2. *Постановление* Правительства РФ от 4 октября 2000 г. N751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации»
3. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. М. АСТ, 2006.

УДК 81'42+811.111

Гуль Наталия Владимировна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, gulnawl@mail.ru

Новикова Елена Николаевна,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, elenanovikova124@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ YOUTUBE В ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Данная статья посвящена вопросу применения аутентичных видеоматериалов на занятиях по иностранному языку. В статье обосновывается актуальность использования видеоматериалов YouTube и отмечаются его основные преимущества. Практическая ценность статьи заключается в том, что авторы описывают свой опыт применения аутентичных видеоматериалов на занятиях по немецкому языку и предлагают методические рекомендации.

Ключевые слова: аутентичные видеоматериалы, немецкий язык, мотивация, этапы работы с видеоматериалами, иноязычная языковая среда.

Проблема использования аутентичных видеоматериалов в процессе обучения иностранному языку получила особую актуальность в последние десятилетия.

Под *аутентичным видеоматериалом* мы понимаем воспроизведенную через Интернет видеопroduкцию, сочетающую зрительный и звуковой ряд, предназначенную для носителей языка, которая содержит лингвистическую и экстралингвистическую информацию. Аутентичный видеоматериал характеризуется ситуативной адекватностью языковых средств, актуальностью лексического материала и наполняемостью грамматическими формами.

В современной учебной среде должны использоваться тексты, аудио- и видеоматериалы, отражающие реальную жизнь и предоставляющую студентам практический жизненный опыт.

Молодое поколение Z (зумеры) получает основные сведения из всемирной паутины и способны запоминать и обрабатывать большие объемы информации, т. е. Интернет становится для них естественной средой общения, развлечения и обучения. Поскольку YouTube является международной платформой, он содержит аутентичный материал, который можно использовать в процессе обучения иностранному языку [1].

К основным преимуществам использования YouTube в процессе обучения иностранным языкам относятся:

- YouTube позволяет создать языковую среду, вовлекая студентов в совместную креативную образовательную деятельность путем продуцирования, обмена и комментирования видеоматериала;
- YouTube дает возможность усилить положительную мотивацию студентов при использовании видеоматериалов, которые представляют ситуации реальной жизни и использовать изученный иноязычный материал в будущей профессиональной деятельности;
- Ресурсы YouTube могут использоваться как на занятиях по иностранному языку, так и в процессе самостоятельной подготовки учащихся.

Несмотря на все достоинства применения YouTube в процессе обучения иностранным языкам, следует учитывать тот факт, что использование профессионально-направленных аутентичных видеороликов возможно на заключительном этапе изучения темы студентами, имеющих уровень владения языком не ниже В1. Мы разделяем мнение тех специалистов, которые считают, что применение аутентичных видеоматериалов на начальном этапе обучения достаточно сложным и представляет большие трудности их языковой доступности, поэтому предлагается адаптация аутентичных видеоматериалов. Однако следует

согласиться и с теми методистами, которые доказывают, что сложность работы с аутентичными материалами не является аргументом для отказа от их использования на начальном этапе обучения иностранному языку [2].

Однако, исходя из того факта, что в научных статьях, посвященных обучению аудированию с использованием возможностей Интернет ресурсов, речь идет об английском языке, перед преподавателями немецкого языка возникает проблема: найти аутентичный видеоматериал, который был бы информативно-содержательным, соответствовал современной реальности иноязычного общества и способствовал знакомству не только с традициями, обычаями и культурой народа, но и с правилами поведения в профессиональной сфере [3].

При обучении профессионально-ориентированному немецкому языку в экономической сфере в рамках изучения темы «Schule. Ausbildung. Beruf» (Школа. Образование. Профессия) студенты знакомятся с аутентичными формами таких материалов, как Lebenslauf (резюме) и Bewerbung (заявление о приеме на работу/учебу), размещенными в Интернете. Реальная жизненная ситуация: собеседование при приеме на работу представляет для студентов определенные трудности. На занятиях по немецкому языку изучается видеоматериал с YouTube, который представляет мастер-класс и обучает немецких студентов правилам поведения на собеседовании, знакомит с дресс-кодом и основными ошибками, которые нужно избежать, чтобы успешно пройти собеседование и получить желаемое место работы. Мастер — класс предлагает интересный прием, который поможет кандидатам научиться преодолевать волнение и представить себя с наилучшей стороны (Schokoladenseite).

Методика работы с данным видеоматериалом представляла собой 3 этапа:

- преддемонстрационный;
- демонстрационный;
- постдемонстрационный.

На **первом** этапе студентам предлагаются упражнения на снятие языковых (лексических и грамматических) трудностей восприятия аутентичного видеоматериала, на актуализацию имеющихся фоновых знаний по теме в виде ответов на вопросы. Некоторые студенты имеют опыт получения места работы на родном языке и поэтому они смогут поделиться своими знаниями прохождения собеседования в России. На **втором**, демонстрационном этапе студенты выполняют задания на

определение правильных и неправильных утверждений, установление логической последовательности, выбор правильного окончания предложения, нахождение немецких и русских эквивалентов. Студенты отвечают на вопросы по содержанию видеофрагмента (так, например, понимание основных ошибок, которые могут быть допущены на собеседовании, помогут студентам в реальной жизни), передают его содержание, высказывают собственное мнение, насколько, например, понятие о дресс-коде в России и Германии совпадают. На **третьем**, пост-демонстрационном этапе предлагались задания на развитие творческих способностей обучающихся: разыграть ситуацию «Собеседование в фирме» и записать на видео, разобрать сложные творческие вопросы, которые может задать менеджер по персоналу и обсудить возможные ответы. На данном этапе можно порекомендовать задание «Озвучка» и попросить студентов подготовить озвучку речи студента из Германии, где он рассказывает, чему научился на данном мастер-классе.

По результатам современных исследований и проведенных занятий со студентами по обучению немецкому языку с использованием аутентичных видеоматериалов были разработаны следующие методические рекомендации:

1. При выборе учебного материала преподавателю рекомендуется подобрать видеоматериал, который соответствует уровню владения иностранным языком обучающихся. Следует выбирать актуальные, интересные темы с целью поддержания их внимания к занятию.

2. Важным элементом работы с видеоматериалами является предварительная беседа для подготовки обучающихся к более внимательному осмыслению сюжета и запоминанию значительного объема новой информации [4].

3. В случаях неполного понимания просмотренного дважды профессионально-ориентированного видеоматериала рекомендуется повторить просмотр.

Аутентичные видеоматериалы способствуют интенсификации учебного процесса и создают благоприятные условия для формирования коммуникативной компетенции.

Аутентичные видеоматериалы отличаются высоким мотивационным потенциалом, способны поддержать и усилить позитивное отношение к изучению иностранного языка и подарить драгоценный опыт реального межкультурного взаимодействия. Использование аутентичных видеоматериалов в процессе обучения немецкому языку

в неязыковом вузе позволяет развивать все четыре вида речевой деятельности: аудирование, чтение, письмо и говорение в условиях, приближенных к языковой реальности и является продуктивным, эффективным и познавательным средством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Борщева О. В., Кузьмина Г. Ю.* Видеохостинг YouTube в обучении иностранному языку в вузе // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. — 2021. — № 03 (56). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/videohosting-youtube-v-obuchanii-inostrannomu-yazyku-v-vuze.html> (дата обращения 07.09.2024).

2. *Гриднева Н. А.* Использование аутентичных материалов в обучении иностранному языку на уровне А1 // Самарский научный вестник. — 2017. — Т. 6. — № 4. — С. 210–214.

3. *Карева Н. В.* Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». — 2014. — № 3. Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/71PVN314.pdf> (дата обращения 07.09.2024).

4. *Туласынова Н. Ю.* Использование аутентичных видеоматериалов в процессе обучения английскому языку // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 1 (139). — URL: <https://research-journal.org/archive/1-139-2024-january/10.23670/IRJ.2024.139.76> (дата обращения 07.09.2024). — DOI: 10.23670/IRJ.2024.139.76.

УДК 378.147.31

Дектерев Сергей Борисович,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, s.dekterev@spbu.ru

ПРИЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ОФЛАЙН ФОРМАТЕ

Переход на дистанционный формат обучения во время пандемии COVID-19 в значительной мере трансформировал многие подходы к обучению иностранным языкам в высшей школе. В настоящей работе предпринята попытка обосновать использование некоторых приемов дистанционного обучения в офлайн формате.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн обучение, иностранные языки, системы управления учебным процессом, LMS.

Недавняя пандемия COVID-19 заставила в значительной степени пересмотреть традиционные методы обучения в высшей школе и обратить внимание на вынужденно введенное дистанционное обучение.

Пожалуй, все время с начала появления дистанционного обучения в середине 19 века, история образования еще не сталкивалась с подобным масштабом беспрецедентных мер, предпринятых государствами по всему миру для перехода от традиционного обучения к дистанционному. В большинстве случаев дистанционное обучение предполагало также замену аудиторного формата занятий на онлайн формат, что, в свою очередь, разделило общество на непримиримых сторонников и противников нововведений. Однако с течением времени после снятия строгих ограничений в связи с пандемией коронавирусной инфекции в преподавательской среде все чаще звучит мнение, что некоторые приемы дистанционного обучения могли бы вполне успешно не только сосуществовать, но и дополнить традиционное обучение как по основным, так и по дополнительным программам образования. В частности, появились работы, обобщающие преимущества и недостатки дистанционного обучения, а также дающие практические советы по интеграции приемов дистанционного и онлайн обучения в традиционные программы высшего образования [2]. Ряд исследователей не потеряли интерес к лучшим практикам обучения иностранным языкам в онлайн формате [3]. Опыт преподавания английского языка будущим лингвистам, а также обучающимся по неязыковым направлениям подготовки, включая программы дополнительного образования, показывает, что осознанное введение ряда приемов дистанционного обучения в традиционный аудиторный формат приводит к очевидно высоким результатам.

Пожалуй, самое главное, что произошло в последние годы — это усиление тенденции выстраивания тесной и взаимовыгодной кооперации между преподавателем и обучающимся: переход на дистанционное обучение в период пандемии, заставший в буквальном смысле преподавателей врасплох, вынудил последних обратиться за помощью к более технически грамотным обучающимся, что, в свою очередь, стало косвенным подтверждением важной роли цифрового поколения, digital generation or digital natives, в сфере образования [1]. Статус преподавателя как руководителя и ментора в настоящее время трансформируется в статус старшего товарища по отношению к обучающемуся: доступность и разнообразие учебно-методической литературы неизбежно приводит к внутри аудиторной полемике о целесообразности выбора и верификации предложенных преподавателем материалов. Подобную ситуацию вполне возможно обратить на общую пользу,

делегировав обучающимся освоение дополнительного материала самостоятельно и предложив в последствии представить результаты проделанной работы в рамках предложенной темы в формате case study, круглого стола и т. п. Таким образом, будут активизированы не только рецептивные навыки обучающихся в ходе самостоятельного знакомства с новым материалом, но и продуктивные навыки во время представления материала и последующей дискуссии на иностранном языке, при этом репутационный статус преподавателя не будет поставлен под сомнение, поскольку он сохраняет за собой ведущую и направляющую роль в обучении. Предоставленная обучающимся в ряде случаев свобода при выборе источников для самостоятельного ознакомления имеет важную косвенную пользу для преподавателя: благодаря проделанной обучающимся работе он, в свою очередь, всегда в курсе последних тенденций в рамках своего предмета.

Другим ключевым аспектом современного дистанционного обучения является наличие многочисленных онлайн платформ по изучению иностранных языков, которые также могут быть вполне успешно интегрированы в обучение, в частности, английскому языку. Доступность, тематическое разнообразие, простота использования, адаптированность под разные задачи и условия, а также наличие контрольно-измерительных материалов с функцией автоматической проверки — все это делает их весьма привлекательными дополнительными материалами как для аудиторной, так и самостоятельной работы. Важно упомянуть, что общей тенденцией является переход упомянутых платформ в мобильные приложения с функцией облачного хранения данных, что способствует упрочнению автономности обучающихся, их независимости от места и времени освоения материала. В последнее время также наблюдается тенденция к еще большей специализации онлайн платформ. В частности, появилась возможность изучать английский язык онлайн в экономической сфере*. Другим важным отличием является также то, что современные образовательные онлайн платформы значительно расширили свои функции и помимо развития рецептивных навыков могут быть использованы для эффективной тренировки продуктивных навыков. Наряду с достаточно популярными онлайн сервисами, например, по проверке пись-

---

* <https://www.businessenglishsite.com>, <https://www.businessenglishresources.com>, <https://lingua.com>

ма*, ряд онлайн платформ позволяют не только скорректировать произношение, но и предоставляют функции робота-собеседника**, что на начальном этапе практического изучения иностранного языка весьма ценно и оправдано. Наличие учебных материалов в зависимости от уровня владения иностранного языка позволяет также создать индивидуальные пути обучения для каждого обучающегося, при этом сохраняя общий темп обучения. Невозможно обойти вниманием и тот факт, что онлайн платформы по изучению практического иностранного языка почти всегда предоставляют самые последние и современные материалы, что, вне всякого сомнения, важно как для обучающихся, так и для преподавателей.

Своим массовым появлением и популяризацией онлайн комплексы во многом обязаны переходу на дистанционное обучение в связи со строгими ограничениям времен недавней пандемии. Интерактивный характер онлайн учебников, рабочих тетрадей, а также системы управления учебным процессом, Learning Management System (LMS), не только трансформировали традиционное занятие, но упростили и интенсифицировали как подачу материала, так и контроль результатов обучения. Проведение онлайн занятий потребовали от преподавателей исключительной собранности, самодисциплины, а также изобретательности. И хотя в силу ряда причин лицензионные онлайн комплексы по изучению, в частности, английского языка не получили широкого распространения в ведущих вузах страны, важным следствием их введения по-прежнему остаются системы LMS, которые в той или иной форме используются повсеместно. Такие онлайн сервисы как Яндекс, Google, Microsoft и прочие, со всеми их инструментами, позволяют создать удобные в использовании и эффективные системы LMS, к которым часто имеют доступ также и обучающиеся, что позволяет им следить за динамикой обучения самостоятельно. Опыт работы с магистрантами-лингвистами одного из ведущих вузов РФ в полной мере оправдал использование инструментов Google в качестве системы LMS. Все обучающиеся своевременно получали посредством сервиса Google планы уроков, учебно-методические материалы, поручные списки основной и дополнительной литературы, а также задания для самостоятельной работы. Установление временных ограничений на онлайн предоставление выполненных заданий позволяло

---

* <https://languagetool.org>, <https://quillbot.com/grammar-check>, <https://prowritingaid.com>

** <https://andychatbot.com>, <https://www.mondly.com>

обучающимся спланировать свое время и сдать работы вовремя. Онлайн комментарии преподавателя и система оценивания позволили значительно повысить качество выполняемых заданий. Таким образом, несмотря на достаточно низкую посещаемость аудиторных занятий, все без исключения магистранты выполнили контрольные задания и получили достаточно высокие итоговые баллы, подтвердив тем самым целесообразность выбранного подхода.

Итак, практический опыт преподавания наглядно демонстрирует целесообразность использования ряда подходов дистанционного формата в обучении иностранным языкам. Рассмотренные здесь приемы доказывают свою эффективность не только для обучающихся, но и для преподавателей: они в значительной степени предоставляют обучающимся большую самостоятельность и автономность, преподаватели имеют возможность не только использовать все многочисленные сервисы и платформы для успешного обучения, но и довольно эффективно контролировать результаты освоения обучающимися дисциплин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Henne A. et al.* Finally Digital Natives? Changes in Media Use among Science Students during the COVID-19 Pandemic // *Education Sciences*.— 2024.— Vol. 14, No. 6.— P. 555.— DOI 10.3390/educsci14060555.
2. *Martin F., Oyarzun B.* Distance learning.— 2023.
3. *Qodirovich K. K.* Distance Learning Issues for Non-Linguistic Universities in Teaching Foreign Languages.— 2023.

УДК 81'42+811.111

Завалина Дарья Игоревна,

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, dasha15z@yandex.ru

ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ЯЗЫКУ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

В данной статье рассматривается значимость социокультурной компетенции при обучении английскому языку. Объясняется важность культурного компонента в обучении иностранным языкам. По мимо этого приводится пример

реализации проекта «По Карелии с иностранцами» в школах Республики Карелии и со студентами, обучающимися по педагогическому направлению.

Ключевые слова: английский язык, социокультурная компетенция, межкультурная коммуникация, язык международного общения.

В условиях реализации ФГОС ВО (3++) особое внимание уделяется формированию универсальных компетенций, одна из которых — коммуникативная (УК-4), которая подразумевает, что каждый студент «способен осуществлять коммуникацию в устной и письменной формах на иностранном языке» [6]. Иноязычная коммуникативная компетенция носит многокомпонентный характер, так ее состав можно представить в виде следующей схемы (Рисунок 1).

Каждый компонент иноязычной коммуникативной компетенции отражает реализацию определенных целей, но обратим внимание в данной статье мы на социокультурную компетенцию.

Эльхан Гейдарович Азимов к социокультурной компетенции относит «совокупность знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [1, с. 275]. Наравне с вышеизложенным необходимо не забывать об умении представлять свою страну, ее культуру в условиях иноязычного межкультурного общения, что соответствует цели формирования патриотичной личности, которой в поликультурном мире сейчас уделяется огромное внимание.

Кроме того, довольно давно помнялось восприятие английского языка как языка Великобритании и США, ведь в настоящее время это язык, на котором можно взаимодействовать с представителями других стран, поэтому необходимо некое расширение социокультурного содержания, а не концентрирование на аспектах жизни одних англичан и американцев.

Рисунок 1 — Состав коммуникативной компетенции

Культурный компонент жизненно важен для формирования социокультурной компетенции, поскольку он создает благодатную почву для овладения языком, адаптации и понимания иностранного языка в контексте культуры, в которой на нем говорят. Зачастую изучение английского языка сводится до простого заучивания слов, фраз или грамматических правил, но, на самом деле, это нечто большее. Перед педагогом стоит непростая задача, обучить учащегося функционировать в новой, отличной от родной среде. Другими словами, изучающий язык может произнести грамматически правильное высказывание, смысл которого будет понятен собеседникам, но культурный или социальный смысл не будет передан в культурном контексте исходного языка. В результате происходит калькированный перевод с родного языка на иностранный, что ведет к нарушению коммуникации. В одной из своих статей профессор Клэр Крамш, отмечает что во времена, когда язык преподается интерактивно и наглядно, учителя отдают свое внимание коммуникативному подходу, видеоматериалы и интернет сделали аутентичные материалы более доступными, социальные сети расширили доступ студентов к реальным носителям языка, однако «никогда не было большего противоречия между тем, чему учат в классе, и тем, что понадобится студентам в реальном мире, когда они покинут класс» (ENG: «and yet there has never been a greater tension between what is taught in the classroom and what the students will need in the real world once they have left the classroom») [9, с. 296]. Таким образом, данные слова подчеркивают необходимость подхода к преподаванию иностранного языка как к целостному процессу, который, в свою очередь, требует обучения социокультурной компетенции как части коммуникативной компетенции на занятиях по английскому языку.

Несмотря на всю осведомленность и опубликованные исследования, подтверждающие ее ценность, процесс формирования социокультурной компетенции, тем не менее, является постепенным и довольно сложным как для и, живущих в родной языковой среде, так и для преподавателей, пытающихся найти новые способы обучения иностранному языку в рамках новой парадигмы. Можно предположить, что учащиеся, живущие в чужой (изучаемой) языковой культуре и изучающие английский как второй язык, сформируют социокультурную компетенцию путем погружения. Однако из исследований ученых из Пенсильванского университета о влиянии погружения в среду на формирование социолингвистической компетенции привело их к вы-

воду, «что длительность пребывания в среде второго языка полезна для приобретения социолингвистической компетенции, но недостаточна и требует много времени» (ENG: «that length of stay in a second language environment is beneficial for acquiring sociolinguistic competence but insufficient and time consuming») [8, с. 48]. Одним из факторов, которые затрудняют формирование социокультурной компетенцией, является большое количество разновидностей культурных речевых правил; другими словами, даже если ситуация, в которой что-то говорится, одна и та же, это может быть уместно в одной культуре, в то время совершенно неуместно в другой. Однако студенты, изучающие английский, отнюдь не являются неосведомленными в социокультурном плане, поскольку они уже освоили сложную социолингвистическую и культурную систему своего родного языка. В виду того, что культура свойственна людям, что они даже не замечают ее особенностей, преподавателям трудно включать культурные аспекты в занятия, опираясь на свои представления о собственной культуре. Аналогичное утверждение можно сделать и в отношении социокультурных аспектов языка. Как отмечалось выше, существует очевидная необходимость для учителей помочь своим студентам достичь высокого уровня овладения языком, частью которого является социокультурная компетенция. Тем не менее, некоторые преподаватели могут испытывать чувство страха, обсуждая в классе такую деликатную тему, как культурные ценности, опасаясь риска непреднамеренно задеть или обидеть учеников. Помимо этого, культура — это то, что нужно пережить. Несмотря на это, занятия по английскому языку могут быть единственным местом, где учащиеся смогут получить инструменты для понимания основных культурных различий, которые затем можно применить в реальных ситуациях, возникающих за пределами учебного кабинета. Все это побуждает к поиску образовательных решений этих актуальных задач и насущных потребностей в формировании социокультурной компетенции при обучении английскому языку.

В рамках грантового проекта главы Республики Карелии «По Карелии с иностранцами» иностранные студенты Петрозаводского государственного университета знакомят учащихся районных школ Карелии, а также студентов института педагогики и психологии, обучающихся по направлению педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) — начальное образование и образование в предметной области (Английский язык) в рамках дисциплины

«Практика межкультурной коммуникации», со особенностями своих культур. Занятия направлены на формирование у ребят социокультурной компетенции посредством изучения ценностей, верований, поведенческих образцов, обычаев, традиций, достижений культуры, свойственных определенному обществу и характеризующих его через английский язык.

Благодаря данным занятиям, повышается не только конкуренция среди школьников и студентов, но и формируются знания о культуре разных стран. Посредством сравнения особенностей своей страны с другими по различным критериям, ребята задумываются о действительной значимости своей Родины. В свою очередь, диалог культур между представителями разных стран способствует снижению чувства страха за совершение ошибок, так как учащиеся наглядно видят, что даже носители языка допускают ошибки в речи, но все равно остаются поняты.

В современном мире, где его составляющие культурно взаимосвязаны, понимание и принятие культуры является главным компонентом коммуникации. Это означает, что цели изучения языка не стоит рассматривать только в рамках языкового процесса, ведь они должны приводить к изучению языка в соответствии с его иноязычной коммуникативной способностью. Поэтому преподаватели иностранных языков должны использовать и повышать социокультурную компетенцию своих студентов.

Исследования, описанные в данной работе, были проведены в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов, аспирантов и лиц, имеющих ученую степень, финансируемой Правительством Республики Карелия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Азимов Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. — М.: Икар, 2010. — 448с.
2. *Воробьев Г. А.* Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка / Г. А. Воробьев // Иностранные языки в школе. — 2003. — № 2. — С. 30–35. — EDN STMBVD.
3. *Елизарова Г. В.* О природе социокультурной компетенции // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). — 1999. — № VIII. — С. 274–281. — EDN QEUXPX.
4. *Латухина М. В.* (2014). Понятие социокультурной компетенции в обучении английскому языку // Молодой ученый. № 20. С 725–727. — EDN TBFUPJ. — Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/79/13974/> (дата обращения: 28.08.2024).

5. Сафонова В. В. Социокультурный подход: основные социально-педагогические и методические положения//Иностранные языки в школе. — № 11. — М: Просвещение, 2014 г. — С. 2—13. — EDN TGIHMH.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 от 26.11.2020 № 121: портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. — Режим доступа: www.fgosvo.ru (дата обращения 28.08.2024).

7. Byram M., Nichols A., Stevens D. Developing Intercultural Competence in Practice. Great Britain: Cromwell Press, 2001. — 292 p.

8. King K. A., Silver R. E. Sticking Points: Effects Of instruction On NNS Refusal Strategies. In: Working Papers in Educational Linguistics. — 1993. — 9 (1). P. 47–82.

9. Kramsch C. Teaching Foreign Languages In An Era Of Globalization: Introduction. The Modern Language Journal. — 2014. — 98 (1). P. 296–311. DOI:10.1111/j.1540-4781.2014.12057.x

УДК 372.881.1

Сахарова Екатерина Сергеевна,

Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия, sakharovaekat@gmail.com,

Кремнёв Евгений Владимирович,

Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия, kremnyov2005@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УЧЕБНИКОВ КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА БАЗОВОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ «VOYA CHINESE»)

Статья посвящена проблеме применения учебников коммуникативной направленности в рамках обучения базовому курсу китайского языка. В качестве примера авторами выбран учебник «Voya Chinese», он анализируется на предмет наличия в нем базовых минимумов, необходимых при комплексном подходе к обучению начальному уровню. На материале пособия делается вывод о проблемах и возможностях использования такого рода учебников.

Ключевые слова: китайский язык, базовый уровень, коммуникативная компетенция, базовый минимум, всеурная (центробежная) модель.

В связи с подъемом популярности изучения китайского языка в мире активно пополняется объем, как зарубежных, так и отечественных пособий. С ростом числа пособий развиваются и создаются инновационные методы обучения, которым, к сожалению, не хватает экспертной оценки. Особенно остро стоит проблема реализации

комплексного подхода в обучении, который на данный момент является единственной альтернативой, способной сформировать речевые навыки с нулевого уровня до профессионального [4]. Отсутствие учебника с самодостаточной концепцией, которая смогла бы обособленно от других материалов решить проблему комплексного подхода, вынуждает российские учебные заведения использовать несколько пособий одновременно или отказаться от реализации данного подхода в пользу функционального (коммуникативного) или сознательно-практического.

Для интеграции в учебный процесс всех необходимых элементов обучения, требуется комбинация учебников отечественных авторов с устоявшимися подходами к обучению и новых изданий с коммуникативной направленностью. В качестве наглядного примера возможностей применения пособий на концепции функционального подхода, мы предлагаем учебник «*Voya Chinese*» [5]. Он, как и многие другие учебные пособия, охватывает основные аспекты языка: фонетический, грамматический и лексический.

Для проведения лингводидактического и методического анализа за основу была выбрана веерная (центробежная) модель организации учебно-методических комплексов, предложенная профессором О. М. Готлибом (1951–2016) как алгоритм, способный решить проблему комплексного подхода в обучении за счёт ярусной выборки грамматического, фонетического, лексического и грамматологического минимумов языка, которые отвечают потребностям обучающихся в должном объеме, чтобы сформировать все необходимые речевые навыки для овладения китайским языком на профессиональном уровне [1]. В качестве базы лексического минимума авторы модели предлагают опираться на учебно-методический комплекс, разработанный О. М. Готлибом по принципу китайско-русского словаря HSK при поддержке китайских партнеров, однако в качестве лексического минимума может также выступать и собственно уровневые списки для HSK. Основой грамматического минимума может служить обоснованная выборка пособий по практической грамматике китайского языка изданных в Китае и подготовленных отечественными китаеведами, которая в совокупности будет давать полное представление о грамматическом строе [2, 3]. Фонетический аспект должен формироваться не только практико-ориентированным путем, но и с помощью существующих методических блоков начального уровня, содержащих

необходимые материалы по обучению фонетической базе. А базой грамматологического минимума послужит набор первичных черт и простых знаков китайского языка. Наличие у модели ярусной выборки, позволяет рассматривать возможность применения учебника в целом, в совокупности его аспектов, так и возможности использования его отдельных материалов. На примере пособия «*Voya Chinese*» мы ставим целью проанализировать как трудности, так и перспективы применения коммуникативно-ориентированных учебников.

Фонетическая база в пособии разбирается в быстром темпе, так как она основана на практико-ориентированном подходе, выраженного в схемах, кратких выжимках в виде правил без теоретического углубления. Данная особенность характерна для китайских учебников, написанных для иностранцев, поскольку носители языка не всегда учитывают сложность и специфику овладения фонетикой, ориентируясь на её овладение путём практики. Стоит отметить большое количество фонетических упражнений, направленных на отработку тонов и звуков, а также их регулярного наличия в каждом уроке. Сперва упражнения представляют собой таблицы со слогами и словами, направленные на отработку правильного произношения, а затем скороговорки, отрабатывающие четкость произношения речи и её скорость. Их можно интегрировать в процесс обучения при реализации комплексного подхода в качестве игрового элемента занятия, способствующего мотивации в изучении и снятию психологического напряжения. Кроме того, краткие выжимки теоретической базы могут служить дополнительными материалами для рефлексии.

Грамматический аспект в каждом уроке сводится к изучению нескольких конструкций и примеров употребления служебных слов, отсутствуют поясняющие материалы, не вводятся понятия частей речи и их особенности. Большинство упражнений на отработку данного аспекта реализованы как задания на подстановку. С одной стороны, они формируют необходимую шаблонность речи, исходя из особенностей синтаксиса китайского языка, с другой стороны, на начальном этапе без пояснительной теоретической справки формируют иллюзорное представление о легкости грамматического строя, что лишает обучающихся понимания особенностей синтаксиса китайского предложения и приводит к систематическим ошибкам. Однако схематичность грамматического материала также является необходимостью для упрощения повторения и усвоения, поэтому данную часть содержания

учебника также можно использовать в рамках дополнительного материала, который структурирует большой массив знаний, полученных в процессе обучения.

Грамматологический аспект в учебнике реализован только набором первичных черт, отсутствуют общие сведения об иероглифике, основные правила каллиграфии, что говорит о недостаточном раскрытии структуры и элементов письма. Учебник не ставит своей целью формирование грамматологической базы, которая является ключом к запоминанию знака и его последующему узнаванию и воспроизведению. В конце каждого урока даны 10 иероглифов, которые необходимо отработать в прописях. Прописывание иероглифов вводится с шестого занятия без подготовительного этапа в качестве прописывания всех базовых черт и без объяснения основных правил каллиграфии, отсутствуют таблицы с последовательным написанием иероглифа по чертам.

Рассматриваемый учебник обладает типичными чертами пособий коммуникативной направленности: наибольшее внимание в них уделяется актуальности и частоте употребления лексических единиц и данный учебник не является исключением, что и обуславливает его возможные сферы применения. В каждом уроке вводятся новые слова с переводом и указанием части речи, они используются в текстах и многочисленных упражнениях на подстановку, закрепляющих пройденные лексические единицы и формирующих представление о лексической сочетаемости. В конце учебника можно найти словарь из 684 слов, ознакомившись с которыми, можно сделать вывод, что лексика соответствует необходимому минимуму для сдачи HSK 3.

Таким образом, можно сделать вывод, что учебник, как и многие другие работы такого рода, не может стать опорой при комплексном подходе обучения. Однако его лексический материал может отдельно использоваться на начальном этапе обучения с нуля до овладения HSK 3 при реализации комплексной методики. А грамматические схемы и фонетические правила могут применяться только как дополнительные материалы: основная нагрузка ляжет на базовые пособия, предлагающие способы формирования минимумов фонетики, грамматики и грамматологии.

Вместе с тем, следует отметить, что непрерывная динамика в развитии лексического состава любого языка приводит к неизбежному устареванию тех или иных учебных материалов, часто фиксирующих

реалии конкретного периода развития общества. Процесс изменения порождает нужду в использовании новых, соответствующих времени пособий коммуникативной направленности. Это в меньшей степени касается трех других минимумов, поскольку письмо, грамматика и фонетика изменяются с гораздо более низкой динамикой. В связи с этим, основным полем применения коммуникативно-ориентированных пособий становится изучение лексического минимума, но формирование необходимых речевых компетенций возможно только в том случае, когда такие пособия прилагаются к комплексному курсу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Готлиб О. М.* Подходы к выделению лексического минимума в рамках подготовки учебно-методических комплексов по китайскому языку / О. М. Готлиб, Т. Е. Шишмарева, Е. В. Кремнёв // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. — 2014. — № 5. — С. 41–48. — EDN SGGFJF.
2. *Готлиб О. М.* Практическая грамматика современного китайского языка: учебное пособие. — 5-е изд., испр. — М.: Издательский дом ВКН, 2021. — 246 с.
3. *Ивченко Т. В.* Китайский язык: полная грамматика в схемах и таблицах. — Москва: АСТ, 2021. — 736 с.
4. *Кочергин И. В.* Очерки методики обучения китайскому языку: науч. издание / И. В. Кочергин. — Москва: Изд-во Муравей, 2000. — 160 с.
5. 任雪梅. 博雅汉语. 篇I. 第二版 : 书 / 任雪梅, 李晓琪, 徐晶凝. — 北京: 北京大学印刷厂, 2013. — 227页. (*Жэнь Сюэмэй. Voyn Chinese. В 1 ч. Ч. 2: учеб. пособие / Жэнь Сюэмэй, Ли Сюэци, Сюй Цзиннин.* — Пекин: Пекинский университет, 2013. — 227 с.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абреу-Фамлюк Виктория Раульевна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Минский государственный лингвистический университет (Республика Беларусь, Минск);
- Азкенова Жанаргуль Кадырбековна** — PhD, старший преподаватель, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана);
- Алексеева Валентина Федоровна** — аспирант, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск);
- Алексеева Татьяна Сергеевна** — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Ананьина Марина Александровна** — кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург);
- Байтурина Улжан Кабиевна** — магистр, доцент, заместитель заведующего кафедрой, Евразийский гуманитарный институт им. А. К. Кусаинова (Республика Казахстан, Астана);
- Балашова Елена Юрьевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург);
- Баранова Ольга Игоревна** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Банкова Людмила Львовна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва);
- Барачевская Анна Алексеевна** — ассистент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Бояркина Альбина Витальевна** — кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургская государственная консерватория (Санкт-Петербург);
- Броневич Татьяна Александровна** — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Буландо Александра Владимировна** — преподаватель-стажёр, Минский государственный лингвистический университет (Республика Беларусь, Минск)
- Виноградова Светлана Аюповна** — доктор филологических наук, доцент, директор, Институт гуманитарных и социальных наук, Мурманский арктический университет (Мурманск);
- Водяницкая Альбина Александровна** — доктор филологических наук, доцент, профессор, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (Москва);
- Воложанина Татьяна Сергеевна** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Воскресенская Ирина Никитична** — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Гирко Виктория Андреевна** — преподаватель, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко (Воронеж);

- Грошкова Илона Александровна** — ассистент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Гуль Наталья Владимировна** — кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Гультяева Галина Сергеевна** — кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Дашевская Анастасия Иосифовна** — кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Дектерев Сергей Борисович** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург);
- Дюндик Юлия Борисовна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Иркутский государственный университет (Иркутск);
- Ефимова Анна Дмитриевна** — кандидат филологических наук, доцент, Государственный гуманитарно-технологический университет (Орехово-Зуево); младший научный сотрудник, Волгоградский государственный университет (Волгоград);
- Жирова Елизавета Владимировна** — магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург);
- Жумабекова Айгуль Казеновна** — доктор филологических наук, профессор, профессор, Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Республика Казахстан, Алматы);
- Завалина Дарья Игоревна** — преподаватель, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск);
- Идрисова Эльмира Танибергеновна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (Республика Казахстан, Актобе);
- Искакбаева Айнура Алибаевна** — магистр гуманитарных наук, докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Республика Казахстан, Алматы);
- Казачкова Юлия Александровна** — ассистент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Киселёва Светлана Владимировна** — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Клепикова Татьяна Альбертовна** — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Коваленко Дарья Дмитриевна** — студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург);
- Кононова Инна Владимировна** — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Кремнёв Евгений Владимирович** — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Научно-исследовательский центр трансдисциплинарной регионологии АТР, Иркутский государственный университет (Иркутск);
- Кудряцева Анна Александровна** — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Малеева Наталия Михайловна** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Машкова Елена Романовна** — магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);

- Мельничук Ольга Алексеевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск);
- Мельничук Татьяна Александровна** — доцент, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск);
- Морозова Лилия Петровна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Минский государственный лингвистический университет (Республика Беларусь, Минск);
- Миროнова Марина Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Мурашова Евгения Анатольевна** — доктор филологических наук, доцент, доцент, Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет» (Таганрог);
- Науменко Юлия Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко (Воронеж);
- Недбайлик Сабина Рудольфовна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск);
- Нильсен Евгения Александровна** — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Новикова Елена Николаевна** — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Осокина Наталья Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург);
- Палехова Ольга Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Петухова Татьяна Ивановна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург);
- Пруцких Андрей Александрович** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Пруцких Татьяна Анатольевна** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Полякова Светлана Евгеньевна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Раева Наталья Васильевна** — доцент, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург);
- Разумовская Вероника Адольфовна** — кандидат филологических наук, доцент, профессор, Сибирский федеральный университет (Красноярск);
- Рамантова Ольга Вячеславовна** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург);
- Родин Валентин Антонович** — аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург);

- Сахарова Екатерина Сергеевна** — студент, стажёр, Научно-исследовательский центр трансдисциплинарной регионологии АТР, Иркутский государственный университет (Иркутск)
- Силантьева Вероника Георгиевна** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург);
- Соколов Александр Андреевич** — студент, Институт истории, социальных и политических наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск);
- Соколова Ангелина Вячеславовна** — магистрант, Московский городской педагогический университет (Москва);
- Соколова Наталья Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург);
- Сороколетова Наталья Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Волгоградский государственный университет (Волгоград);
- Сулейманова Ольга Аркадьевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (Москва);
- Стеблецова Анна Олеговна** — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко (Воронеж);
- Степанова Наталия Валентиновна** — кандидат филологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург);
- Теплыгина Ирина Михайловна** — старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург);
- Тимралиева Юлия Геннадьевна** — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Торубарова Ирина Ивановна** — кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко (Воронеж);
- Трофимова Нэлла Аркадьевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург);
- Троценкова Екатерина Владимировна** — доктор филологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург);
- Уразаева Куралай Бибиталыевна** — доктор филологических наук, доцент, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана);
- Устинович Вера Владимировна** — преподаватель, Минский государственный лингвистический университет (Республика Беларусь, Минск);
- Федоров Никита Антонович** — магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург);
- Чемодурова Зинаида Марковна** — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка и лингвострановедения, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург);
- Шамилов Равиддин Мирзоевич** — кандидат филологических наук, доцент, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород);

Шипова Ирина Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор, Московский педагогический государственный университет (Москва);

Шишмарева Татьяна Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет (Иркутск);

Шумков Андрей Арнольдович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург);

Яковлева Екатерина Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент, Институт истории, социальных и политических наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск)

Научное издание

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сборник материалов

III Всероссийской (национальной)

научной конференции с международным участием

Санкт-Петербург

28–29 октября 2024 г.

Компьютерная верстка Е.А. Тупцовой

Подписано в печать 13.11.2024. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 19,25. Тираж 500 экз. Заказ 1311.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,

наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ